Генрихъ ШАТО.

ОСЕЛЪ, ОБЕЗЬЯНА и ФИЛОСОФЪ.

Переводъ съ французскаго Михаила Маликова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Освобожденіе“, 6-я Рождественская, 22.
1907.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ОСВОБОЖДЕНІЕ“.

Генрихъ Шато.

Оселъ, Обезьяна и Философъ.

«...Разъ люди согласились съ ложны-
«ми мнѣніями и какъ законъ вписали
«ихъ въ свой умъ, совершенно невоз-
«можно какъ говорить имъ умно, такъ
«и четко писать на бумагѣ, уже за-
«путанной писаніями».

Гоббсъ.

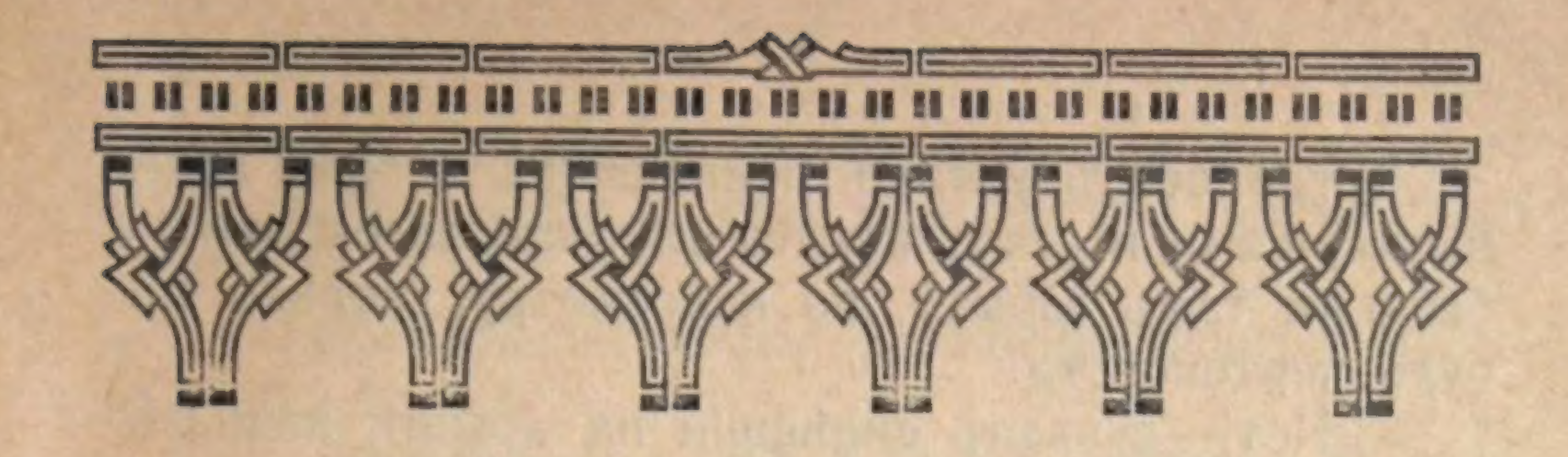
Переводъ съ французскаго
Михаила Маликова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Люндорфъ и М. Гурляндъ, 6-я Рождественская, 22.
1907.

Эта книга представляетъ изъ себя родъ аполога (нравоучительной басни) съ тремя дѣйствующими лицами:

Философъ . . . . **Каплистъ.**
Обезьяна . . . . . **Апантесъ.**
Оселъ . . . . **Апробазъ.**

И если бы мнѣ нужно было посвятить ее здѣсь кому нибудь, несмотря на недостатокъ у меня энтузіазма для подобнаго рода вѣжливости, я написалъ бы передъ именемъ *Философа* посвященіе **Дидро**, безсмертному автору „Eleuthéromanes", и послѣдовательно передъ именами *Обезьяны* и *Осла* посвященія **Общественному мнѣнію** и **Папѣ римскому.**

Оселъ, Обезьяна и Философъ.

ГЛАВА I.

Какъ оселъ очутился въ обществѣ обезьяны и какъ философъ повстрѣчался съ обезьяной и осломъ.

— Ги-ган!

Оселъ только что дважды обошелъ свою загородку, какъ ему пришла въ голову странная мысль поднять глаза къ небу, какъ человѣкъ. И вотъ на деревенской крышѣ его хижины—этой крышей архитекторъ зоологическаго сада справедливо гордился, такъ какъ провелъ надъ чертежемъ ея цѣлыхъ три мѣсяца,—сидѣло на корточкахъ любопытное животное. Рукой, на которой недоставало линiи сердца, оно гладило бѣлые волосы своего подбородка, и на его старческомъ лицѣ, цвѣта *дубленой кожи,* насмѣшливо блестѣли живые глаза.

— Это не г. директоръ,—подумалъ оселъ. Онъ всегда носитъ очки и крахмальный воротничекъ. Это быть можетъ его братъ.

Тогда оселъ учтиво пошевелилъ своими длинными ушами и сталъ искать въ травѣ загородки, не было ли тамъ забыто, по недосмотру, сколько нибудь чертополоха.

—Пст!—сказалъ сидѣвшій на крышѣ незнакомецъ.

Очевидно это граціозное привѣтствіе могло относиться только къ нему (оселъ долженъ былъ согласиться съ этомъ.) Онъ устремилъ свои добрые глаза на акробата и увидѣлъ, что тотъ смѣется всѣми своими тридцатью двумя зубами.

— Здравствуйте, сударь,—сказалъ оселъ.

— Я не сударь, я обезьяна!

— Ахъ! удивительно, какъ вы похожи на брата г. директора. Но онъ, должно быть, не такъ старъ, какъ вы. Сколько вамъ лѣтъ?

— Никто не позаботился сосчитать лѣта мои.

— Ба! стихъ Барбье! да вы съ образованіемъ!

— Отцы дали мнѣ очень тщательное воспитаніе.

— А ваше имя?

Обезьяна почесалась справа подъ мышкой и сказала:

— Я могъ бы и не отвѣчать вамъ, ибо вы—лишь оселъ. Но такъ какъ я думаю сейчасъ попросить васъ оказать мнѣ услугу, то съ удовольствіемъ удовлетворю ваше любопытство. У меня много именъ. Невѣжи зовутъ меня *обезьяной*, люди, посѣщавшіе вечерніе курсы награждаютъ меня именемъ *шимпанзе*, наконецъ г. директоръ даетъ мнѣ длинное, какъ рука, имя *антропопитекусъ кальвусъ* [1]) хотя я не болѣе лысъ, чѣмъ онъ. По дружбѣ ты можешь называть меня *Ки-ки*, если

[1]) Лысая человѣкообезьяна.

это тебѣ нравится. Теперь довольно разговоровъ, будь добръ, одолжи мнѣ на нѣкоторое время свою спину.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ оселъ,—но съ какой цѣлью?

— Усѣсться на ней, я очень усталъ... Я дамъ тебѣ ломоть кокоса; затѣмъ объясню тебѣ свой планъ.

— У тебя есть планъ?

— Да. Подойди же.

Оселъ сталъ у своей хижины. *Ки-ки* съ одного прыжка сѣлъ верхомъ на него такъ, что у осла задрожали уши.

— Охъ, охъ!—закричала обезьяна—какіе у тебя крутые апофизисы!

— Что?

— Апофизисы! Они чувствуются, они дѣлаютъ изъ твоихъ спинныхъ позвонковъ нѣчто похожее на лезвіе бритвы. Подобная спина не должно бы быть допустима!

Фамильярно Ки-ки своими задними руками потянулъ осла за уши и въ то же время теръ черепъ другими руками, которыя у всѣхъ есть.

Подпрыгивая онъ уцѣпился за шею несшаго его добряка-осла и сказалъ ему:

— У меня есть планъ.

— Ты мнѣ обѣщалъ ломоть кокоса,—замѣтило однокопытное животное.

— Да, да, я знаю одну торговку, она продаетъ ихъ. Я украду у ней для тебя цѣлый фунтъ. Только надо слѣдовать моимъ соображеніямъ.

— Какимъ?

— Удеремъ отсюда.

— Это легко сказать, но...

— Я,—обявила обезьяна,—я не хочу оставаться здѣсь. Досадно быть цѣлый день въ клѣткѣ и удовлетворять любопытство людей, которые ничего бы не выиграли, если бы ихъ заперли на мое мѣсто. Мальчикъ, обязанный убирать мой хлѣвъ, назвалъ меня оголтѣлымъ. Это одно изъ тѣхъ выраженій, которыя допускаются между политичнымъ людьми, но употребленіе которыхъ надо бы избѣгать при обращеніи къ такому народу, какъ мы. Кромѣ того я хочу подышать свѣжимъ воздухомъ и посмотрѣть на свѣтъ Божій. Я уже убѣжалъ изъ своей клѣтки, теперь намъ надо выбраться изъ сада.

— Изъ этой загородки сперва.

— Простая проволочная рѣшетка. Я найду средство выпустить тебя отсюда сломавъ замокъ этой дверцы. Изъ матеріаловъ твоей крыши я сдѣлаю себѣ рычагъ.

— Что жъ!—сказалъ оселъ,—выйдемъ сперва отсюда. Я тоже не хочу служить предметомъ любопытства для дураковъ. Я слышалъ какъ то, какъ одинъ изъ нихъ назвалъ меня *онгуле импаридигите.* [1]) Что бы это могло значить?... Стой, Ки-ки! куда же ты? Ги-ган! Ги-ган!

Ки-ки уже успѣлъ опять взлѣзть на крышу. Онъ оторвалъ одну дранку, другую, третью, прыгнулъ до самой дверцы загородки, вставилъ дранки между наличникомъ и дверью, надавилъ на нихъ и жестоко упалъ на свои сѣдалищныя мозоли, когда дверь вдругъ подалась. Но прежде чѣмъ оселъ замѣтилъ его паденіе, онъ сидѣлъ уже на своемъ спутникѣ.

---

[1]) Непарнокопытное животное.

— Въ дорогу!—сказала обезьяна.

Достойное однокопытное въ знакъ прощанія подмело землю своими длинными ушами. Одно мгновеніе его сердце сжалось въ узкой груди при мысли, что онъ уходитъ такимъ образомъ на авось, нося по свѣту свой крестовидный проборъ, какъ вѣрующій католикъ свой наплечникъ. Даже одну минуту, казалось, у него недоставало довѣрія къ сидѣвшей, точно побѣдитель, на его спинѣ обезьянѣ.

— А когда выйдемъ,—спросилъ онъ,—куда мы пойдемъ?

— Молчи же, у меня свой планъ.

Оселъ долженъ былъ показать себя удовлетвореннымъ такимъ отвѣтомъ высшаго человѣка. Онъ переступилъ порогъ своей загородки, повернулъ налѣво, по указаніямъ Ки-ки, потомъ опять налѣво, потомъ прямо. Садъ въ этотъ утренній часъ былъ пустъ. Только нѣсколько братьевъ по рабству смотрѣли съ нѣмымъ изумленіемъ изъ глубины своихъ загородокъ и хижинокъ, какъ проходили два бѣглеца.

Вдругъ они у одныхъ изъ входныхъ воротъ сада.

— Ги-ган!—заревѣлъ оселъ.

— Кррр!... кррр!....—сказала обезьяна.

Обѣ половинки воротъ, повидимому, крѣпко были соединены другъ съ другомъ большимъ замкомъ и, разумѣется, ключъ—какъ сказалъ бы г. Де-Бюффонъ—блисталъ своимъ отсутствіемъ.

— Я,—объявилъ Ки-ки,—перелѣзъ бы черезъ ворота.

— Я пролѣзъ бы подъ воротами, если бы только ты вырылъ мнѣ подъ ними канаву въ 1½ метра глубиной.

Самое полное молчаніе послѣдовало за этимъ двойнымъ объявленіемъ. Обезьяна четырьмя руками взялась за голову и только чудомъ равновѣсія держалась на спинномъ хребтѣ своего благосклоннаго спутника. Оселъ закрылъ уже свои глаза, потерявшіеся въ вѣнкѣ длинныхъ волосъ. Онъ мечталъ о чертополохѣ и объ овсѣ въ заточеніи. Временами вдоль его тощихъ членовъ пробѣгала дрожь, жесткая шерсть его сѣраго платья становилась дыбомъ, между тѣмъ какъ неожиданное хлопанье длинныхъ ушей напоминало у птицы попытку улетѣть.

— Кррр... Эврика!..—сказала обезьяна.

— Ги-ган!—отвѣтилъ оселъ.

— Тс! Вотъ онъ, ослиный крикъ, способный пробудить мертвыхъ!

Ки-ки прыгнулъ черезъ голову осла, своими передними руками онъ попытался оторвать засовъ отъ скобы. Засовъ скрипѣлъ, двигался.

— Уфъ!

Оселъ снова заснулъ. Ки-ки тогда въ безплодныхъ усиліяхъ попробовалъ сломать замокъ рядомъ грубыхъ толчковъ на обѣ подвижныя половинки воротъ. Онъ даже перешелъ на другую сторону послѣднихъ, чтобы удобнѣе упереться, сдѣлалъ два или три путешествія эквилибриста черезъ переплетъ, но нечего не выходило. Тогда онъ возвратился къ ослу и думалъ уже разрѣзать его на части, перенести эти части одну за другой на землю свободы и затѣмъ снова склеить ихъ. Къ счастью другая мысль вспыхнула въ его доликоцефалическомъ и лысомъ черепѣ.

— Повернись.

Послушно, но не безъ нѣкотораго смущенія, оселъ показалъ свой задъ воротамъ. Ки-ки сѣлъ на него верхомъ задомъ напередъ, схватилъ своими лопаточными руками за бруски воротъ, въ то время какъ его тазовыя руки уцѣпились за бока и заднія ноги осла.

— Но! -закричалъ онъ,—но!.. дурья голова, старая коза... но! но! но!.. продажная тварь!...

Весь репертуаръ классическихъ ругательствъ, включая сюда дополнительные томы, которыми онъ обогатился со времени дѣла Дрейфуса, былъ пущенъ въ ходъ.

Обезьяна вытянулась уже на тридцать сантиметровъ, а оселъ все тянулъ. Наконецъ послышался слабый и сухой трескъ. О, удивленіе! ворота поворачивалась на своихъ петляхъ.

Пируэтъ — и обезьяна сидѣла верхомъ на ослѣ *ad usum* [1]). И когда онъ сдѣлалъ полуоборотъ, тріумфальный кортежъ прошелъ ворота, вступая на неизвѣстный путь къ тому свѣту, что сіялъ вдали всѣми *вольтами* и *амперами*, выдуманными человѣкомъ.

Они прошли сперва набережную, потомъ мостъ, потомъ площадь. Оселъ сѣменилъ ногами, опустивъ голову, смутно безпокоясь о послѣдствіяхъ своей продѣлки. Что касается до обезьяны, то она старалась принять позу Людовика XVIII, храбро вступающаго въ Парижъ, когда врага его тамъ уже не было. Порою одѣтые въ лохмотья бѣдняки съ недоумѣніемъ смотрѣли на проходящихъ обезьяну и ея верховое животное. Городовой бросился было преслѣдовать ихъ, оселъ удвоилъ скорость, и тѣснимый своими сапогами, представитель власти

[1]) Какъ слѣдуетъ.

прекратилъ преслѣдованіе. Тогда Ки-ки рѣшилъ, что необыкновенное любопытство этого чиновника и смятеніе, которое онъ внесъ въ ихъ мирную прогулку, происходятъ оттого, что онъ, Ки-ки, *антропопитекусъ кальвусъ*—былъ нагъ! И вспоминая 21-ый стихъ III главы Бытія, онъ взывалъ къ Предвѣчному, чтобы тотъ его одѣлъ. Но тщетно промолившись, обезьяна рѣшила, что ей представляется болѣе практичное средство скрыть свою природную наготу: украсть подходящую и безупречно благопристойную одежду.

Предпріятіе, однакожъ, не было лишено нѣкотораго затрудненія нравственнаго порядка. Можно ли воровствомъ противодѣйствовать возможному вреду для стыдливости запоздавшихъ ночныхъ гулякъ? Ки-ки недоставало той учености, которая позволила бы въ случаѣ надобности сослаться на авторитетъ Преподобнаго Отца Жири или другихъ великихъ богослововъ, какъ Санше, Закків,съ и Преп. От. Дебрейнъ. Поэтому онъ рѣшился на воровство по тому весьма простому соображенію, что такъ какъ температура сейчасъ очень свѣжа, необходимо имѣть по крайней мѣрѣ хоть пальто, и что единственное средство имѣть его, когда нѣтъ ни копѣйки, это—взять его.

— Кррр... кррр... Что это за незнакомецъ приближается въ темнотѣ?

Это былъ еще молодой человѣкъ съ русой бородой, въ войлочной шляпѣ, въ одеждѣ изъ грубой шерстяной матеріи. Матерія его плаща небрежно облекала его беззаботными складками. Человѣкъ держалъ въ рукѣ тяжелую палку. Его шляпа извѣдала суровости непогоды, его петлица, свободная отъ всякаго знака отличія, свидѣтель-

ствовала, что онъ всегда берегся низостей, подлостей и низкопоклонства. Вообще, видъ философа, выросшаго вдали отъ Нормальныхъ школъ и Генеральныхъ конкурсовъ.

Прыжокъ... и Ки-ки держитъ плащъ одной рукой, въ то время какъ другая рука его находилась уже въ рукѣ вышедшаго на раннюю прогулку—или запоздавшаго—прохожаго.

— Эге!

На лицѣ прохожаго играла улыбка снисходительнаго сарказма.

— Эге!—сказалъ онъ,—случай великій господинъ. Другъ обезьяна, кузенъ людей, тебя постигла неудача. Ты здѣсь, въ моей рукѣ, какъ неудачникъ въ тискахъ закона. И ты не убѣжишь отъ меня. Ты хотѣлъ украсть мой плащъ! Представь себѣ—случай, я уже сказалъ тебѣ, великій господинъ,—представь, что именно этой ночью я былъ на одномъ неправовѣрномъ митингѣ, гдѣ слышалъ, какъ хулили нѣкоторыя изъ нашихъ военныхъ учрежденій. Я принесъ оттуда за полтинникъ—посмотри, кузенъ,—этотъ маленькій инструментъ: *пусетты* [1]) употребляемый въ дисциплинарныхъ корпусахъ. Шимпанзе, другъ мой, я имъ воспользуюсь по отношенію къ тебѣ за неимѣніемъ ручныхъ цѣпей, которыя были бы, безъ сомнѣнія, болѣе человѣчными.

„Но между нами, между человѣкомъ и обезьяной, это немного, какъ между офицеромъ и солдатомъ. Видишь ли, я вовсе не вмѣнилъ бы тебѣ въ преступленіе твое намѣреніе обокрасть меня, но уже давно у меня было желаніе имѣть обезьяну—случай хорошъ. И вотъ бравый осликъ, ко-

---

[1]) *Poucettes*—веревка или цѣпочка, которой связываютъ большіе пальцы рукъ у преступниковъ.

торый умеръ бы съ голоду безъ меня. Понемножку, мы будемъ трое.... околѣвать отъ нищеты. Ну, продѣвай свои большіе пальцы между этой вогнутой частью и сжимающей пластинкой, повернемъ вотъ это крылышко... жметъ?... ладно, больше не буду, я вѣдь не палачъ еще... Одна минутка... пора вѣшать замокъ.... Какъ тебя звать?

— Ки-ки,—сказала обезьяна.

— Я буду звать тебя Апантесъ...О! если-бы я могъ найти немного веревочки... вотъ—благословенна буди судьба—та самая веревочка, которая обвивала послѣднюю связку книгъ, проданныхъ букинисту на углу набережной.

Оселъ все это время стоялъ смирно, въ безотчетномъ безпокойствѣ, однакожъ неспособный рѣшиться на бѣгство, несмотря на печальную участь своего товарища. Быть можетъ, онъ думалъ, что рабство снова становится для него закономъ природы, и уже помирился съ этимъ, опустивъ очень низко и покорно свою холку. Одинъ разъ его губы коснулись мостовой, въ поискахъ за отсутствующей на ней травой.

— А ты, спросилъ его философъ, какъ твое имя?

Оселъ поднялъ свои добрые глаза и длинныя уши.

— Ги-ган! сказалъ онъ.

— Я буду звать тебя Апробазъ,—объявилъ незнакомецъ. Я—Каллистъ.

Онъ посадилъ обезьяну на костлявую спину осла, грубо взнуздавъ его концемъ веревки. И, таща за собой эту запряжку, съ поднятой головой, громко стуча палкой, онъ рѣшительно направился впередъ, къ будущему.

ГЛАВА II.

Какъ оселъ, обезьяна и философъ совершили вмѣстѣ прогулку по Архаполису и что они тамъ нашли.

— Вотъ городъ-свѣтъ, гордость міра, Архаполисъ, —сказалъ философъ своимъ спутникамъ. Его жители —самые умные люди на землѣ; его бульвары пользуются міровою извѣстностью и не одно красное словечко, родившееся на нихъ, повторяется отъ Шпицбергена до Огненной Земли; наконецъ, его управленіе заставляетъ коситься Европу и Новый Свѣтъ тѣмъ завистливымъ взглядомъ, который служитъ предвѣстникомъ желтухи. Вотъ Архаполисъ, о Апробазъ, ненавьюченный оселъ, простая тварь, ревъ которой веселитъ меня; вотъ Архаполисъ, о Апантесъ, обезьяна съ лысымъ черепомъ, хотѣвшая украсть у меня мой плащъ, чтобы одѣться въ него, какъ будто бы существуетъ стыдъ для животныхъ, какъ будто бы приличіе не было однимъ изъ самыхъ новыхъ и смѣшныхъ изобрѣтеній того людского рода, къ которому я имѣю честь принадлежать.

— Вотъ Архаполисъ!—сказали разомъ обезьяна и оселъ.

Городъ пробуждался; невнятный шумъ доносился изъ нѣдръ его. Шевелящіяся массы рабочаго люда двигались между сѣрыми домами. Вверху,

на холмѣ, массивная громада купалась въ золотѣ рождающагося дня.

— Что это? — спросила обезьяна.

— Храмъ въ честь Святой-Внутренности, — отвѣтилъ Каллистъ. Архаполисъ весь былъ посвященъ Святой-Внутренности. Въ случаѣ смуты онъ былъ бы неуязвимъ, какъ Ахиллесъ, сынъ Пелея.

— Вотъ прекрасно, — сказалъ оселъ.

— Каллистъ, — умоляла обезьяна, — освободи меня, у меня распухли пальцы; обѣщаю тебѣ вести себя благоразумно. Освободи меня, скорѣй, скорѣй, вотъ торговка кокосовыми орѣхами.

Оселъ облизалъ свои губы, вѣдь Апантесъ обѣщалъ ему нѣсколько ломтей этого усладительнаго фрукта. И пока освобожденная обезьяна очень искусно совершала свою маленькую кражу, философъ вступилъ въ пререканія съ краснощекимъ хранителемъ общественнаго спокойствія.

— Что это значитъ? — спросилъ тотъ, указывая на осла и обезьяну. Что это значитъ?

— Это обезьяна и оселъ, — скромно отвѣтилъ философъ.

— Теперь не время смѣяться надъ властью, вы знаете? Я васъ спрашиваю, что вы дѣлаете съ ними?

— Я гуляю.

— У васъ есть бумаги?

— Да, благородный агентъ. Смотрите, вотъ письмо префекта полиціи и адресъ: „Господину Каллисту“. — Господинъ Каллистъ — это я. — И письмо начинается такъ (вы видите, номеръ XXI, 303?):

„Мой дорогой другъ, приходите же завтракать ко мнѣ въ одинъ изъ этихъ дней....“.

Агентъ отдалъ честь.

— Виноватъ, сударь... Какъ забавенъ вашъ оселъ, да и обезьяна имѣетъ шаловливый видъ. Только прохожіе будутъ удивлены...

— Тѣмъ лучше. Это не каждый день бываетъ съ ними.

Агентъ удалился. Обезьяна снова забралась на осла, наградивъ его кускомъ кокоса, Каллистъ шелъ рядомъ съ своими спутниками.

— Каллистъ, просила обезьяна, скажи намъ, что дѣлаютъ всѣ эти люди, которые идутъ такъ, группами, и повидимому спѣшатъ куда-то. Когда я былъ въ зоологическомъ саду, я видѣлъ только зѣвакъ. У Отцовъ меня обучили изящной словесности и ничему другому. Что дѣлаютъ всѣ эти люди?

— Это—рабочіе и служащіе.

— Я такъ и думалъ.

— Они идутъ на работу. Хочешь знать ихъ жизнь?

— О, да—сказалъ оселъ.

— Вотъ. Сперва рабочіе. Они встаютъ рано, торопливо проглатываютъ какую-нибудь тарелку супа, какую-нибудь чашку кофе, или просто стаканчикъ вина, которое убиваетъ, ослабляетъ или дѣлаетъ ихъ полоумными. Потомъ одни идутъ на заводъ, другіе на верфь. До вечера они будутъ исполнять свою обычную работу. Каменщикъ всю жизнь будетъ сбирать изъ камней постройки, полировщикъ будетъ полировать до тѣхъ поръ, пока будетъ въ силахъ полировать, а стеклодувъ проведетъ свою жизнь за вдуваніемъ воздуха въ трубку. Одни будутъ производить сортировку мелкаго каменнаго угля—всю свою жизнь, —другіе выдѣлывать

заклепки или болты, и такъ до послѣдняго дня своего. Какую разницу находишь ты, оселъ, между рабочимъ и машиной?

— Но, однакожъ раздѣленіе труда требуетъ...

— А ты, обезьяна?

— Конечно, раздѣленіе труда требуетъ...

— Вы оба дураки. Я васъ не спрашиваю, необходимо ли раздѣленіе труда, а спрашиваю, есть ли замѣтная разница между рабочимъ и машиной.

— Кррр... кррр..., — воскликнула обезьяна. Рабочій имѣетъ чувствительность, тогда какъ машина...

— Да, чувствительность, чтобы страдать. Вотъ и все.

— Но, — замѣтилъ оселъ, — рабочій не всегда у своихъ тисковъ, верстака или машины, у него есть свободное время.

— Апробазъ, мой другъ, рабочій завтракаетъ, у него есть время для совершенія этой работы. Она производится на верфи или у виноторговца. Представь себѣ повседневный столъ: овощи, на пятакъ хлѣба, полштофа пива и сыръ. Все это, набиваясь въ желудокъ пролетарія, приправляется разговорами о техникѣ ремесла или общими мѣстами о политикѣ. И работа возобновляется до вечера. Тогда рабочій возвращается домой, тамъ его ждутъ жена и дѣтишки. Онъ обѣдаетъ, какъ и завтракалъ, потомъ, — если кто-либо изъ товарищей не пригласилъ его пойти играть въ карты — онъ ложится спать, работаетъ нѣкоторое время для воспроизведенія рода и засыпаетъ. А на другой день снова начинаетъ вчерашнее.

— Но, — сказала обезьяна, — у него есть дни отдыха.

— Да. За рѣдкими исключеніями онъ ихъ проводитъ въ задней комнатѣ виннаго погреба, играя въ карты.

— Онъ не читаетъ, не старается образовать себя?

— Никогда — за рѣдкими, уже указанными, исключеніями.

— Очевидно, — сказалъ оселъ, — рабочій не внушаетъ сочувствія.

Несмотря на свое хладнокровіе, Каллистъ далъ ногой пинка въ бокъ осла.

— Тройной глупецъ, — сказалъ онъ, — я не виню рабочаго. Развѣ его вина, что дѣло обстоитъ такъ? Стань самъ на его мѣсто, поставь на его мѣсто архіепископа или папу, и будетъ то же самое. Когда рабочій изъ ряда вонъ выдается, образовываетъ себя, воспитываетъ и становится мыслящимъ человѣкомъ, ему нужно низко поклониться, это — герой.

Оселъ зафыркалъ, быть можетъ, устрашенный словами философа. Но обезьяна поставила вопросъ о положеніи служащихъ и Апробазъ сталъ слушать во всѣ уши.

— Служащіе, — объявилъ Каллистъ, — я ихъ ставлю соціально ниже рабочихъ, такъ какъ, по большей части, они не приносятъ никакой пользы.

— Кррр... кррр...—усмѣхнулась обезьяна.

— Ги-ган! сказалъ Апробазъ.

— Каменотесъ, — продолжалъ Каллистъ, — обтесывая камни, дѣлаетъ соціально полезное дѣло, такъ какъ собранные въ постройку камни будутъ служить убѣжищемъ для людей, а какую пользу приноситъ писецъ, изо дня въ день записывая активъ и пассивъ банкирской конторы?

— Позвольте,— прервалъ Апробазъ, — ни одна банкирская контора не могла бы существовать безъ строгаго счетоводства.

— Прекрасно! Что, по твоему мнѣнію, стало бы со мной, если бы всѣ банкирскія конторы исчезли? Развѣ хлѣбъ приготовляется въ бюро, а одежда шьется на столѣ помощника завѣдующаго спорными дѣлами?

— Утверждаю, важно сказалъ оселъ,— что никакое общество невозможно безъ финансовъ и необходимаго для нихъ счетоводства.

— Ты говоришь, Апробазъ, какъ Кумская сибилла. Въ данный моментъ не будемъ отдаляться отъ занимающаго насъ предмета, возвратимся къ служащимъ, чиновникамъ, приказчикамъ. Ихъ существованіе часто бываетъ болѣе жалкимъ, чѣмъ существованіе рабочихъ. Если мускульное утомленіе у нихъ и меньше, то отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что ихъ мозгъ подвергается болѣе значительной гимнастикѣ, чѣмъ у рабочихъ, гимнастикѣ, которая совершенствовала бы ихъ умственныя способности. Рабочій, дѣлая свою грубую работу, можетъ научиться мыслить, служащій же, вниманіе котораго занято безжизненной работой „Прихода и Расхода“, не можетъ. Мыслительная машина замерзаетъ у большинства этихъ людей. И что же получается? То, что рабочій иногда бываетъ замѣчательной личностью, служащій же никогда. Я пренебрегаю, разумѣется, разницей въ образованіи, которая можетъ раздѣлять эти два класса пролетаріевъ. Не одно только правописаніе составляетъ цѣнность его. Согласимся разъ навсегда, что можно быть полнѣйшимъ глупцомъ, и въ то же время твердо знать, что Полиньи—мѣстопребываніе Юр-

скаго су-префекта и что Нойонскій договоръ былъ заключенъ въ 1516 году. Умственная цѣнность человѣка состоитъ всецѣло въ силѣ его логики и въ его творческомъ воображеніи, а не въ одномъ только знаніи историческихъ датъ и событій. Кромѣ того, иной почтенный господинъ, который сможетъ начертить вамъ родословное древо Бурбоновъ-Орлеановъ, напримѣръ (о чемъ я забочусь столько же, сколько рыба о яблонѣ), по всей вѣроятности не будетъ знать о родствѣ людей съ антропоидами и кинопитеками [1]). Зачѣмъ такъ много заниматься этими бандитами, королями, императорами и знаменитыми завоевателями и такъ мало теоріей эволюціи, закономъ сохраненія матеріи и энергіи и клѣточной теоріей? И вмѣсто того, чтобы популяризировать память Людовиковъ XV и Наполеоновъ, не лучше ли было бы говорить немного больше о Коперникѣ и Ламаркѣ?

— Протестую, -сказала обезьяна.

— Я также,—объявилъ оселъ.

— Итакъ, продолжалъ Каллистъ, знайте, что матеріальное положеніе служащихъ часто менѣе прочно, чѣмъ положеніе рабочихъ. Съ утра до вечера они заняты всегда одной и той же работой, которую они бросаютъ—когда случайно у нихъ есть свободное время и деньги—только для билліарда и картъ. Когда это—рьяные служащіе, честолюбцы, возвысившіеся до помощника начальника, то они блещутъ своей исправностью. Каждый день, въ теченіе всей своей жизни, они будутъ уходить изъ дому въ одну и ту же минуту и возвращаться вечеромъ всегда въ одинъ и тотъ же часъ. Есть

---

[1]) Породы обезьянъ.

такіе изъ нихъ, которые послѣ 30 лѣтъ службы сохраняютъ воспоминанія такого рода: „Ты помнишь, душечка, это было въ тотъ день, когда я поздно вернулся изъ конторы?“

„Рабочій находитъ пріютъ у виноторговца, служащій—въ кофейнѣ. Онъ экономничаетъ на пищѣ, чтобы выпить время отъ времени абсенту, побивая козыря. Вся страна воплощается въ кофейнѣ и кабакѣ. Туда идутъ кліенты собирать голоса, узнать, что нужно думать и говорить о современныхъ событіяхъ.

„У рабочаго иногда есть нѣкоторое сознаніе прогресса, онъ часто противникъ правительства и революціонеръ; служащій же—консерваторъ и тихоходъ. Когда онъ получаетъ 150 франковъ въ мѣсяцъ изъ бюджета государства, онъ воображаетъ, что онъ—государство. Безъ сомнѣнія, неясная работа, происходящая во всякомъ человѣческомъ мозгу, указываетъ ему на его безполезность и паразитизмъ. Безъ сомнѣнія, онъ говоритъ себѣ: „Я ни на что не годенъ нигдѣ, кромѣ какъ въ государствѣ, подобномъ современнымъ. Что случится со мной, если какая либо революція уничтожитъ мою должность?“ И, устрашенный мыслью стать когда-либо полезнымъ, онъ бросается, очертя голову, въ монархическія или клерикальныя мнѣнія, которыя обезпечиваютъ, по крайней мѣрѣ, продолжительность соціальныхъ несправедливостей, если ужъ не поворотъ назадъ, едва ли возможный.

— Я не согласенъ съ вами, сударь,—сказалъ эселъ.

— Я увѣренъ въ этомъ, Апробазъ, и Апантесъ также какъ и ты не согласенъ со мной, не такъ ли?

Обезьяна почесалась слѣва подъ мышкой, повернулась на спинѣ своего добровольнаго носильщика и сдѣлала гримасу изящному молодому человѣку, правившему тильбюри [1]), колеса котораго съ граціей забрызгивали грязью злополучныхъ пѣшеходовъ.

— Я знаю его, — сказалъ философъ. Это — мальчикъ будущаго, онъ уже занимается политикой. У него пятьсотъ тысячъ франковъ дохода.

— Какъ онъ долженъ былъ работать, чтобы нажить подобное состояніе! вздохнулъ Апробазъ.

— Онъ никогда ничего не дѣлалъ, его деньги работаютъ за него. Онъ можетъ цѣлый день лежать на боку: каждое утро онъ встаетъ богаче, чѣмъ наканунѣ.

— Это чудесно, — сказалъ Апантесъ.

— Не правда ли? Изобрѣтеніе имѣетъ всѣ признаки генія. Нужно было достигнуть нашей высокой степени цивилизаціи, чтобы осуществить возможность для человѣка жить ничего не дѣлая (слѣдовательно на счетъ другихъ) и расточать въ роскоши необходимое тысячамъ работниковъ.

— Но, — сухо сказалъ оселъ, — его отецъ долженъ былъ работать. Онъ имѣлъ полное право завѣщать сыну состояніе, которое самъ нажилъ трудомъ.

— О, Апробазъ, какъ ты умно говоришь!.. Отложимъ этотъ споръ до болѣе спокойнаго момента, вдали отъ потрясеній и толчковъ улицы. Впрочемъ этотъ изящный молодой человѣкъ, проѣздъ котораго забрызгалъ грязью твое сѣрое платье, Апробазъ, былъ бы неправъ, стѣсняя себя. Никогда

---

[1]) Легкій изящный экипажъ на двухъ колесахъ.

никто на его пути не возмущается. Есть даже такіе, которые снимаютъ передъ нимъ свою шляпу и униженно просятъ у него милостыни!

Разговаривая все время оселъ, обезьяна и философъ дошли до площади. На ней выдѣлялись: справа — огромное зданіе съ правильно расположенными по прямой линіи окнами и впреди—величественный куполъ церкви.

Оселъ остановился на минутку прочесть надпись, высѣченную на цоколѣ конной статуи Жанны д'Аркъ. Тамъ было сказано, что эта несчастная дѣвушка была сожжена англичанами.

— О, эти англичане!—гнѣвно сказала обезьяна.

— Другъ мой,—спокойно замѣтилъ философъ,— прежде чѣмъ быть англичанами, судьи Жанны д'Аркъ были католиками. Надпись: „сожжена попами" была бы гораздо вѣрнѣе. Припомни, Апантесъ, ты получилъ тщательное воспитаніе, что судъ, осудившій Жанну д'Аркъ, состоялъ изъ предсѣдателя епископа Кошона, изъ 4 пріоровъ, 11 каноников, 2 докторовъ богословія, 12 аббатовъ и нѣсколькихъ другихъ явныхъ инквизиторовъ. Кромѣ того, молодая дѣва вѣдь была осуждена какъ еретичка и вѣроотступница? Зачѣмъ же искажать этой ложной надписью истинный характеръ преступленія противъ нея? Не затѣмъ ли, чтобы возбуждать англофобію у глупцовъ и заставить ихъ забыть гнусности церкви?

— О! о!.. Ги-ган!—протестовалъ возмущенный оселъ.

— Кррр... кррр... вы слишкомъ далеко заходите,—сказала обезьяна.

Оселъ повернулся къ ужасно безобразному зданію, занимавшему правую сторону площади.

Каллистъ сказалъ:

— Я вамъ только что указалъ въ рабочемъ и молодомъ человѣкѣ на тильбюри два полюса современной цивилизаціи, наиболѣе полнымъ образцомъ которой является этотъ городъ Архаполисъ.

Пролетаріатъ и капиталъ: міръ колеблется между этими двумя противоположными силами. Съ одной стороны большинство бѣдняковъ, съ другой -- меньшинство богачей. Какимъ же образомъ первые не поглотили вторыхъ? Какимъ образомъ волна цивилизаціи совершаетъ, прихрамывая, свою прогулку во Времени?

— Потому что нужно, чтобы было такъ, какъ есть,—сказалъ Апробазъ. Всегда будутъ богатые и бѣдные. Христосъ сказалъ это.

— Конечно,—подтвердила обезьяна.

— Друзья мои,—объявилъ философъ,—я приписываю это явленіе—непоглощеніе меньшинства богатыхъ большинствомъ неимущихъ—существованію вотъ этого—его палецъ указалъ на находящееся справа зданіе—и вотъ этого—движеніемъ головы онъ указалъ на церковь. Это—казарма, а то—храмъ. Здѣсь грубое господство надъ тѣлами; тамъ такое же грубое и такое же суровое угнетеніе умовъ. Священникъ и солдатъ составляютъ челядь богача. Они – лакеи, обязанные защищать изобиліе отъ голода нищихъ.

— Милостивый государь,— сказалъ Апробазъ,— не знаю, гдѣ вы набрались подобныхъ идей. Мои родители и я, мы хорошо прожили и безъ того, чтобы столько заботиться объ этомъ. Нужно быть довольнымъ своей судьбой.

— Оселъ правъ,—объявила обезьяна. Никакой пользы не принесетъ желаніе все потрясти сверху

до низу. Господинъ философъ, вы—гордецъ и завистникъ.

— Возблагодаримъ благого Бога за то, что онъ позволяетъ намъ жить,—заревѣлъ оселъ. Вотъ это дѣйствительно церковь.

Движеніемъ морды Апробазъ указалъ на огромное, похожее на храмъ зданіе, окруженное коринѳскими колоннами и увѣнчанное знаменемъ.

— Это не церковь, какъ ты думаешь,—поправилъ его Каллистъ,—но это дѣйствительно ея прибавленіе. Этотъ храмъ называется биржей. Здѣсь производятся сдѣлки на наличныя и на срокъ.

— А! сказалъ Апантесъ, ничего не понявъ.

— Слушайте же, - сказалъ философъ. Тѣ рабочіе, которыхъ мы встрѣтили сегодня утромъ, принадлежатъ къ разряду вещей, называемому *наемный трудъ*. Это—самая новая форма древняго рабства и крѣпостного состоянія среднихъ вѣковъ. Принявши черезъ эволюцію другую форму, рабство называется въ настоящее время наемнымъ трудомъ, вотъ и все. Такъ вотъ биржа есть очень курьезное учрежденіе, гдѣ играютъ на измѣненія условій наемнаго труда По нѣкоторой, еще необъясненной причинѣ, золото, изображающее цѣнность труда, но само по себѣ непроизводительное вещество, становится здѣсь производительнымъ и его колебанія отражаются на заработной платѣ и производствѣ товаровъ. Небольшое число паразитовъ, называемыхъ *спекуляторами*, правитъ всей пролетарской массой.

— Надо же, чтобы всѣ могли жить—пробормотала обезьяна.

— Вы вѣчно недовольны,—проревѣлъ оселъ.

— Не знаю,—продолжалъ философъ,—хорошо-ли вы поняли чудеса Архаполиса и священный характеръ его учрежденій. Вотъ троица, различные образцы которой я представилъ вамъ наудачу и безъ порядка: вверху Биржа и для защиты ея Церковь и Казарма. Эта троица можетъ еще называться такимъ образомъ: капитализмъ, клерикализмъ, милитаризмъ.

— Вы сектантъ,—рѣзко сказалъ Апантесъ.

— Я васъ больше не слушаю, объявилъ оселъ

— О, жалкое упрямство!—вздохнулъ Каллистъ. Вы не хотите меня слушать, такъ какъ я вамъ говорилъ о вещахъ, къ которымъ вы не привыкли. Вы находите естественнымъ, справедливымъ и законнымъ, чтобы эти рано встающіе рабочіе, эти служащіе, эти пролетаріи всѣхъ родовъ, работали для одного только удовлетворенія своихъ самыхъ насущныхъ матеріальныхъ потребностей и для обогащенія бездѣльниковъ, а когда я осмѣливаюсь протестовать противъ этой несправедливости, вы называете меня сектантомъ!

— Согласенъ допустить, что есть несправедливости,—уступилъ Апробазъ, но отсюда утверждать, что религія и армія—служанки капитала!..

— Прежде всего,—сказала обезьяна,—я слышала у Отцовъ, что общественное богатство находится въ рукахъ евреевъ. Нельзя же заставить меня вѣрить, что религія имѣетъ какой-либо интересъ поддерживать евреевъ.

— Другъ мой,—сказалъ философъ,—хочешь, чтобы по примѣру Іисуса изъ Назарета мы употребили нѣкоторую притчу? Вотъ: Два волокиты зарятся на красивую женщину: госпожу Фортуну. Первый, еврей, схватилъ уже ее за талію; второй.

христіанинъ, кричитъ тотчасъ-же „помогите“ для того, чтобы изгнали смѣльчака, виновнаго въ желаніи обольстить столь прелестную особу. Народъ сбѣгается въ домъ, тащитъ въ участокъ волокиту-еврея, въ то время какъ, пребывая одинъ съ простушкой, второй обожатель, христіанинъ, испытываетъ около нея любовныя успѣхи.

— Говорить такъ о религіи, значитъ не знать ее!—возразилъ оселъ.

— Также какъ и армію! сказала обезьяна.

— Мы разсмотримъ эти вопросы въ другое время, - объявилъ Каллистъ - меня разбираетъ голодъ, вѣроятно и васъ также.

— Кокосы далеко, - простонала обезьяна.

— Ги-ган! у меня животъ подвело,—сказалъ оселъ.

— Идемъ же завтракать.

Ускоривъ шаги, оселъ, обезьяна и философъ спустились къ рѣкѣ, перешли ее по мосту и очутились передъ роскошнымъ зданіемъ, фронтонъ котораго былъ украшенъ вѣсами.

— Не правда ли, здѣсь мы утолимъ свой голодъ?—спросило однокопытное.

— Увы! Мы даже не утолимъ здѣсь нашей жажды справедливости. Эти вѣсы,—продолжалъ философъ,—вовсе не измѣряютъ количество питательныхъ веществъ, потребныхъ каждому человѣку, они имѣютъ болѣе высокую амбицію, они символически изображаютъ добрые и дурные поступки, добро и зло и ихъ равновѣсіе.

— Вотъ славная штука!—воскликнула обезьяна.

— Это дворецъ правосудія догадался оселъ.

— Ты угадалъ. Этотъ городъ Архаполисъ, гдѣ отнюдь не всѣмъ несчастнымъ живется хорошо,

построилъ дворецъ, пытаясь доказать этимъ, что, не смотря ни на что, справедливость все-таки царствуетъ между людьми. Здѣсь судятъ тѣхъ, кто не владѣя ничѣмъ, овладѣваетъ собственностью другого и тѣхъ, кто выпускаетъ кружечку крови у своихъ экономическихъ или моральныхъ соперниковъ посредствомъ нѣкотораго сверхъ-хирургическаго сѣченія, произведеннаго подъ покровомъ ночи.

— Положительно,—это превосходное учрежденіе,—одобрилъ Ки-ки.

Оселъ въ знакъ согласія замоталъ головой. Но онъ былъ голоденъ и продолжалъ сѣменить мелкой рысью, не говоря ни слова.

— Кррр!.. кррр!.

Старое и мрачное зданіе бросалось въ глаза безобразіемъ своихъ сѣрыхъ стѣнъ.

— Ги-ган!

— Я вамъ объясню все это завтра,—сказалъ Каллистъ. Это зданіе, друзья мои, --госпиталь-тюрьма. Сюда заключаются женщины, виновныя въ томъ, что безъ разрѣшенія торговали своимъ тѣломъ.

— Одобряю,—высказалъ свое мнѣніе оселъ.

— Я тоже,—сказала обезьяна.

— Есть другія тюрьмы, разумѣется,—продолжалъ философъ—столько тюремъ, сколько нужно, чтобы укротить недовольныхъ. Ибо есть граждане, которые, какъ я, имѣютъ смѣлость находить, что не все къ лучшему въ свѣтлѣйшемъ изъ городовъ.

— Въ тюрьму! въ тюрьму!—ворчалъ оселъ, раздражемый голодомъ.

— Нѣтъ, за столъ лучше,—возразилъ Каллистъ—мы будемъ тамъ черезъ пять минутъ. Но что скажете вы объ Археполисѣ о ты, мой оселъ, о

ты, моя обезьяна, тотъ и другая вѣрные спутники моей гуляющей фантазіи?

— Это—чудо!

— Это— дѣло самого Бога.

— Въ каждомъ городѣ есть, какъ и въ Архаполисѣ, своя Биржа, своя Церковь и своя Казарма. Въ немъ есть еще свой Судъ и своя Тюрьма. Число три дополняется до числа пять, которое выражаетъ въ магіи квинтъ-эссенцію.

— Чтобы достигнуть до семи, священнаго числа,—сказалъ Апробазъ,—что еще долженъ содержать Архаполисъ?

— Архаполисъ имѣетъ также школу,—отвѣтилъ философъ.

— А! а!—усмѣхнулась обезьяна,—что вы можете сказать противъ школы?

— Ничего. Она находится въ зависимости отъ церкви.

— Вы издѣваетесь надъ всѣмъ свѣтомъ!

— Вамъ угодно смѣяться!

— Нѣтъ. Я сказалъ,—продолжалъ Каллистъ,—что школа находится въ зависимости отъ церкви. Когда она конгреганистская (духовная)—это бросается въ глаза; когда она свѣтская... одно и то же. Кромѣ вздора объ естественной религіи, о существованіи Бога (?) и безсмертіи души, тамъ преподаютъ самое глубокое уваженіе къ несправедливостямъ, защищать которыя облечены церковь и казарма, т. е. къ капиталу, собственности и закону.

— Вы можете злословить сколько хотите,—сказалъ Апробазъ,—я не буду слѣдовать за вами на этой почвѣ. Но вотъ вы указали намъ число шесть. Можете ли вы дополнить его до семи?

— Конечно, мои добрые друзья. Я вамъ представилъ школу, какъ находящуюся въ зависимости отъ церкви; но казарма тоже имѣетъ свой придатокъ... Вы не угадаете?

— Кррр!.. кррр!.. повторимъ, — сказала обезьяна, — по вашему мнѣнію Архаполисъ состоитъ изъ *Биржи, Церкви, Казармы, Суда, Тюрьмы, Школы*. Это составляетъ шесть. Какое же будетъ седьмое учрежденіе, зависящее отъ казармы?

Бордель [1] — сильно объявилъ Каллистъ.

И прежде чѣмъ его спутники могли прійти въ себя отъ изумленія, онъ ихъ ввелъ въ большую залу трактира и усадилъ за столъ, довольно изобильно уставленный кушаніями.

---

[1] *Bordel*—не получившее еще права гражданства въ русской литературѣ названіе дома терпимости.

ГЛАВА III.

Въ которой обезьяна находитъ, что все къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ.

Апантесъ кончалъ глодать нѣсколько сушеныхъ фруктовъ. Философъ съ мудрой медлительностью смаковалъ чашку густого чернаго кофе, между тѣмъ какъ Апробазъ наполовину спалъ, опустивъ голову. Тяжелое молчаніе, подслащенное нѣкоторымъ блаженствомъ, окружало столъ и троихъ собесѣдниковъ. Снаружи Архаполисъ пылалъ всей свѣтлой славой полудня.

Струйка веселости пробѣжала по дубленому лицу обезьяны. И вотъ ее разобралъ смѣхъ и все усиливаясь затрясъ тринадцать паръ ея реберъ и покрытый черной шерстью животъ. Она взяла за горлышко наполненный до краевъ графинъ и, подойдя къ ослу, сдѣлала изъ его уха воронку и влила туда содержимое дорогого графина. Апробазъ, вздрогнувъ, проснулся, зафыркалъ и, казалось, былъ мало очарованъ этой шуткой. Онъ даже сказалъ, что разсердится, если подобныя шутки возобновятся. Съ нѣкоторой ироніей онъ спросилъ обезьяну, ужъ не пропитали ли ея мозгъ пагубныя рѣчи Каллиста.

— Будемъ серьезны,—сказалъ Ки-ки. Ты знаешь, что я не способенъ на дурныя мысли, и Каллисту никогда не удастся заставить меня забыть мудрые

и честные принципы, которые мнѣ внушили мои родители.

— Ки-ки! — хныкалъ оселъ, — за эти хорошія слова прощаю тебѣ твою продѣланную сейчасъ надо мной дурную шутку.

— А я приглашаю тебя, — объявилъ спокойно философъ, — изложить намъ мудрые и честные принципы, на которые ты только что намекнулъ.

— Кррр... хорошо, — сказалъ Апантесъ. Нужно быть довольнымъ своей судьбой. Не все безусловно совершенно, но все способно къ усовершенствованію....

— Молчи, молчи, — перебилъ его оселъ. Міръ дуренъ. Жизнь есть наказаніе Божіе. Чѣмъ дальше мы идемъ, тѣмъ больше удаляемся отъ счастья. Ахъ! золотой вѣкъ, доброе старое время! Мы должны думать только о своемъ спасеніи...

— Все? Позволишь ли ты теперь говорить Ки-ки?

— Да, конечно, но я хотѣлъ сказать... ги-ган!..

— Ты объяснишься въ свою очередь.

Апантесъ, съ опасностью для тарелокъ, комфортабельно расположился между остатками обѣда.

— Вотъ! — снова заговорилъ онъ. Міръ образовался не въ одинъ день, дайте ему время улучшиться. Если я хорошо понялъ современную жизнь такихъ городовъ, какъ Архаполисъ, я нахожу, что она вовсе не лишена прелестей. Жители ихъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе, могутъ стремиться къ достиженію высшихъ должностей. Даже сынъ очень бѣдныхъ родителей получаетъ въ нихъ по меньшей мѣрѣ элементарное образованіе, которое онъ можетъ совершенствовать, если онъ не глупый мальчикъ. Благодаря стипендіямъ

для него становится возможнымъ переходъ къ среднему образованію; отсюда до университета одинъ только шагъ. И сынъ ремесленника, случалось, вырываетъ у государства одинъ изъ тѣхъ дипломовъ, которые даютъ право быть врачемъ, адвокатомъ, профессоромъ, какъ знать?.. Иду дальше. Каждый гражданинъ Архаполиса можетъ искать у себѣ-подобныхъ избирательныхъ голосовъ и стать когда-либо, безъ предварительнаго положенія, депутатомъ, министромъ даже. Это такъ вѣрно, что можно было видѣть, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ простой сыромятникъ или кожевникъ—ахъ! очень честный и очень скромный человѣкъ—поднялся до высшей магистратуры!..

— Высшая магистратура!—усмѣхнулся Каллистъ. Апантесъ, ты употребляешь образной языкъ краснокожаго.

— Когда я думаю объ этомъ, продолжала обезьяна,—я остаюсь пораженнымъ передъ величіемъ такой судьбы. Отъ скромнаго занятія кожевника взобраться до президентства республикой. Подумать только, что мялъ когда-то кожи, и вдругъ будешь жать руку царя!..

— Виноватъ,—замѣтилъ философъ,—не въ этомъ состоитъ перемѣна ремесла...

— Вы богохульствуете!—яростно заревѣлъ Апробазъ.

— Словомъ,—сказалъ Апантесъ,—подобные примѣры довольно краснорѣчиво говорятъ въ пользу Архаполиса и его учрежденій. Знаю, что не всѣ могутъ стать профессорами, адвокатами или врачами, а тѣмъ болѣе министрами, но каждый можетъ зарабатывать свой хлѣбъ трудомъ. Выйдя изъ начальной школы, гражданинъ, если онъ не-

богатъ, обучается какому либо ремеслу. При порядкѣ и бережливости онъ можетъ скопить себѣ на старость ренту. Наконецъ, самъ полкъ, который вы стараетесь презирать, господинъ философъ, не даетъ ли онъ пролетарію возможность, совершенно даромъ, стать ефрейторомъ, унтеръ-офицеромъ, фельдфебелемъ, адъютантомъ...

— Потомъ канцелярскимъ служителемъ или швейцаромъ,—насмѣшливо замѣтилъ Каллистъ.

— Адъютантомъ, говорю я, продолжала обезьяна; или же, если онъ не глупъ и привыкъ работать, онъ поступаетъ въ спеціальныя военныя школы, становится подпоручикомъ, поручикомъ, капитаномъ, комендантомъ, полковникомъ, генераломъ даже,

— Потомъ сенаторомъ и президентомъ республики, не такъ ли? Всѣ дороги ведутъ въ Римъ, Апантесъ, и ты это доказываешь.

— Господинъ Каллистъ,—объявила обезьяна,—какимъ бы философомъ вы ни были, вы не помѣшаете, чтобы все это было вѣрно и возможно. Цѣнный человѣкъ можетъ достигнуть высшихъ ступеней, если захочетъ. Но смотрите еще. Мало однихъ школъ, гдѣ самые бѣдные могутъ вкусить бдагодѣянія просвѣщенія,—размножились вечерніе курсы и библіотеки. Музеи позволяютъ обездоленнымъ судьбою приходить и любоваться шедеврами искусства, слѣдами исчезнувшихъ цивилизацій или образчиками естественныхъ богатствъ всѣхъ странъ. Тотъ, кто не имѣетъ средствъ объѣхать весь свѣтъ, можетъ видѣть въ зоологическихъ и ботаническихъ садахъ флору и фауну всей земли, ястреба и крокодила, тигра и змѣю, кокосовую пальму и Ливанскій кедръ. Для него существуютъ въ обще-

ственныхъ скверахъ лужайки и вода, цвѣты и водопады; тамъ дѣтская болтовня и щебетъ птицъ. Иногда онъ можетъ слушать одинъ изъ тѣхъ гармоническихъ концертовъ, которыми мы обязаны музыкальному генію человѣка. Иногда онъ можетъ бывать на представленіи шедевровъ театра, добровольно даваемыхъ вполнѣ справедливо заслужившими одобренія артистами. Имѣетъ ли онъ право жаловаться, господинъ философъ? Ночью, возвращаясь домой, онъ идетъ по хорошо освѣщеннымъ улицамъ и время отъ времени встрѣчаетъ на нихъ блюстителей общественнаго спокойствія, готовыхъ помочь ему, если его особѣ будетъ грозить опасность. Въ домѣ его газъ и вода текутъ изъ крановъ, стоитъ только повернуть ихъ, въ каждомъ этажѣ, почти въ каждой комнатѣ. И я вѣдь говорю о бѣднякахъ, богатые, вы сами знаете, имѣютъ еще и другія удобства.

За ничтожную плату журналы сообщаютъ ему о великихъ современныхъ событіяхъ. Онъ знаетъ спустя нѣсколько часовъ, на что рѣшились мандаринъ и далай-лама, и какъ такой-то наслѣдный принцъ неизвѣстнаго престола вывихнулъ себѣ ногу, выходя изъ бани. Нѣсколькихъ копѣекъ ему достаточно, чтобы переписываться съ находящимся на краю свѣта другомъ. Хочетъ ли онъ путешествовать, перенестись на какую-либо другую точку земного шара? За извѣстную плату, расчитанную согласно съ разстояніемъ, онъ найдетъ на набережныхъ вокзалы, поѣзда, совсѣмъ готовые принять своихъ гостей. И тамъ путешественникъ вкуситъ всю сладость послѣобѣденнаго сна въ различной обстановкѣ, смотря по своему карману (отъ жесткихъ скамеекъ Западной сѣти желѣзныхъ до-

рогъ до роскошныхъ кушетокъ „Спальныхъ-Вагоновъ"), и передъ его очарованными глазами будутъ пробѣгать вереницы великолѣпныхъ картинъ природы. Гражданинъ Архаполиса, сударь?.. *O terque, quaterque beatus* [1]). Если кто-либо обидѣлъ его, онъ найдетъ суды, готовые взять въ свои руки его дѣло и обезпечить ему удовлетвореніе за понесенный ущербъ. Онъ имѣетъ право говорить и писать, сообщать міру свои самыя сумасбродныя мысли путемъ газетъ или книгъ. Боленъ ли онъ? Самыя блестящія свѣтила науки изслѣдуютъ его въ госпиталѣ, гдѣ онъ найдетъ безплатный совѣтъ и будетъ имѣть самый разумный и самый преданный уходъ. И если это бѣдная роженица, ей безплатно помогутъ въ родахъ, и если ей угодно будетъ бросить своего ребенка, общественная благотворительность позаботится о немъ. Все это, говорю вамъ, чудесно. Вы очень бѣдны? Бюро общественнаго призрѣнія дастъ вамъ пособіе. Попечительства, благотворительныя и предупредительныя учрежденія, конторы труда изъ кожи полѣзутъ, чтобы притти къ вамъ на помощь. Ахъ! если бы было немного болѣе религіи, немного болѣе покорности! Слушайте, весь день открыты церкви, туда вы можете пойти помолиться, прослушать мессу, исповѣдаться, причаститься—и все это безплатно! Таинство брака равнымъ образомъ безплатно, какъ и всѣ остальныя таинства. И когда вы умрете, еще разъ безплатно васъ повезутъ на дрогахъ въ двѣ лошади въ ваше послѣднее жилище. Стойте, стойте, господинъ Каллистъ, я по-

---

[1]) О трижды, четырежды счастливый!

нимаю теперь Архаполисъ и его учрежденія. Это, однимъ словомъ,—чудесно.

— Браво, Апантесъ, ты говорилъ лучше, чѣмъ много другихъ людей. Мы съумѣемъ, быть можетъ, понять другъ друга.

— Ги-ган!—замѣтилъ оселъ. Онъ оптимистъ, онъ видитъ жизнь въ розовомъ свѣтѣ.

—О, нѣтъ, онъ видитъ ее въ обезьяньемъ свѣтѣ, не такъ ли, Апантесъ? И твои заключенія?

— Мои заключенія?..

Апантесъ минуту бросалъ остатки обѣда въ большую и широкую голову своего товарища, смиреннаго осла, потомъ онъ заговорилъ снова.

— Мои заключенія?... Нужно упрочить миръ въ Архаполисѣ и сохранить его учрежденія, чтобы можно было продолжать въ тишинѣ и спокойствіи начатыя улучшенія. Для этого нужна сильная и дисциплинированная армія; въ особенности нужна многочисленная армія. Нужно много дѣтей, много дѣтей; нужно обязать жителей Архаполиса производить дѣтей... или заставить производить ихъ; нужнс наказывать смертной казнью выкидываніе...

— Въ какой періодъ?

— Съ перваго дня, съ зачатія... Ахъ, если бы я что-либо значилъ въ государствѣ! Нужно произвести много дѣтей и по-христіански воспитать ихъ.

— Подумалъ ли ты, Апантесъ, о средствахъ прокормить ихъ? Подумалъ ли ты, что въ случаѣ устраненія задерживающихъ причинъ, народонаселеніе удвоилось бы въ 25 лѣтъ? Знаешь ли ты, что продолжая увеличиваться, какъ оно увеличивается теперь, народонаселеніе Германіи, напримѣръ, было бы 231 милліардъ въ 3000 году? Думаешь ли ты, что такое размноженіе возможно?

И думаешь ли ты, что, несмотря на научныя открытія, производство пищевыхъ продуктовъ будетъ идти въ той же самой прогрессіи? Въ нашей странѣ, Апантесъ, въ странѣ, которая ежегодно занимаетъ пищевыхъ продуктовъ на 26 дней, было бы въ 2765 году населеніе въ 1 милліардъ, т. е. въ 26 разъ болѣе теперешняго населенія. И ты думаешь, что она могла бы прокормить его! Это было бы почти теперешнее населеніе земли, которая производитъ нынѣ по 118 граммовъ хлѣба на каждаго человѣка въ день. А эта страна не одна на свѣтѣ. Германія къ тому времени имѣла бы 77 милліардовъ жителей!.. Замѣть Апантесъ, что все это должно произойти, если рождаемость будетъ просто продолжать свое слабое годовое приращеніе. Что же было бы, если бы, благодаря знаменитымъ лигамъ противъ обезлюдѣнія, они были бы, къ несчастью, способны на что-либо другое, кромѣ какъ доставить нѣсколькимъ глупцамъ случай суетиться на подмосткахъ передъ толпой!

— Да, но видите ли, господинъ философъ, Германія въ 2765 году имѣла бы 77 милліардовъ жителей, а мы только 1 милліардъ. Какъ же, по вашему мнѣнію, мы могли бы бороться съ ней?

— Ки-ки правъ,—сказалъ оселъ. Кромѣ того въ евангеліи сказано: „Растите и множьтесь“.

— Конечно. Нужно произвести много дѣтей для того, чтобы армія была сильной, а нація—хорошо защищенной. Только этой цѣной можно будетъ охранять наши священнѣйшія учрежденія: религію, собственность, семью...

— Прибавь также: проституцію, Апантесъ. Ты забываешь, что она—одна изъ самыхъ прочныхъ колоннъ общественнаго зданія.

— О! проституція!.. кррр... кррр.., — сказала обезьяна, — это зло, но зло необходимое, и хорошо сдѣлали, что регламентировали его. Впрочемъ, хотите, чтобы я вамъ сказалъ?.. Хорошо! не знаю, что больше всего восхищаетъ меня въ Архаполисѣ, его ли библіотеки, доставляющія умственныя наслажденія, или же его закрытые дома, которые доставляютъ наслажденія другого рода обиженнымъ природой, тѣмъ, кого не любятъ, такъ какъ они не могутъ плѣнять.

— Ги-ган! ги-ган! благой Богъ сказалъ:

«Дѣла плоти не желай
Кромѣ какъ во бракѣ».

и потомъ:

«Любодѣемъ ты не будь
Въ мысляхъ, ни на дѣлѣ».

— Молчи, Апробазъ, твой благой Богъ писалъ стихи пастуховъ. Но скажи мнѣ, Апантесъ, — продолжалъ Каллистъ, — ты, восхищающійся Архаполисомъ и его регламентаціей проституціи, что ты думаешь о правѣ женщины быть госпожей своего тѣла, не подвергаясь опасности быть преслѣдуемой тѣми подлыми личностями, которыхъ называютъ агентами нравовъ?

— Кррр.... Я ничего объ этомъ не думаю. Женщина вовсе не равна мужчинѣ, она ниже его и физически и духовно. „Женщина есть неудавшійся мужчина“, сказалъ Аристотель. И съ того времени, какъ Аристотель сказалъ это....

— Ги-ган! Маконскій соборъ ставилъ вопросъ: имѣетъ ли женщина душу и не должна ли она быть помѣщена между животными скорѣе, чѣмъ между разумными существами. Богословы всегда утверждали подчиненность женщины.

— Если богословы утверждаютъ это,—пробормоталъ Каллистъ,—мнѣ остается только преклониться предъ ними. Чѣмъ мы были бы безъ богослововъ? Самый знаменитый изъ нихъ, г. Фердинандъ Брюнетьеръ, дѣлаетъ ихъ фундаментомъ общества. Не знаю, точно ли „фундаментъ“ есть употребленное имъ слово, однакожъ оно мнѣ кажется единственно возможнымъ, единственно логичнымъ, единственно примѣнимымъ въ опредѣленіи ихъ роли.

Апантесъ сказалъ:

— Вы вѣчно ворчите. Вы ничѣмъ не довольны. Я нахожу, что все къ лучшему, и что отъ однихъ взаимныхъ обвиненій, обидъ и упрековъ все пойдетъ еще хуже. Предоставьте дѣло времени. Будемъ имѣть хорошіе законы для охраненія старыхъ принциповъ. Прогрессъ совсѣмъ не долженъ касаться старыхъ принциповъ. Таково мое мнѣніе. Будемъ уважать собственность, религію, армію.... О! въ особенности не будемъ трогать армію! Спасеніе Архаполиса возможно только этой цѣной.

— Аминь!—проревѣлъ оселъ.

ГЛАВА IV.

Въ которой оселъ выражаетъ свое сожалѣніе объ исчезновеніи старыхъ порядковъ.

— Моя очередь!—рѣшительно объявилъ Апробазъ. Онъ проревѣлъ одинъ или два раза ги-ган, выпилъ нѣсколько глотковъ воды, собрался со всѣми силами и закричалъ: „Долой республику!".

— Кррр.... понесъ,—замѣтила обезьяна.

— Я слышалъ отъ одного награжденнаго орденами господина... (обезьяна перекрестилась, а философъ опустилъ голову)... я слышалъ отъ одного награжденнаго орденами господина, что все было лучше во времена Имперіи. Женщины тогда были красивѣе, жизнь дешевле и потомъ въ особенности это былъ миръ. Но, ги-ган!... все это ничто въ сравненіи съ счастьемъ, которое вкушали въ царствованіе Людовика-Филиппа...

— О, эта неприличная фраза!—пробормоталъ Апантесъ, сѣдалищныя мозоли котораго покрылись нѣжнымъ румянцемъ.

— Въ царствованіе Людовика-Филиппа,—продолжалъ оселъ,—лѣто было теплѣе, а зима холоднѣе. Проповѣди отца Лякордера возвышали вашу душу, а завоеваніе Алжиріи служило для всѣхъ предметомъ разговоровъ. Однакожъ въ эпоху добраго короля Карла X жили еще счастливѣе. Оскор-

бленіе священныхъ предметовъ наказывалось иногда въ то время смертной казнью и, это очень мудрая мѣра, настаивать на которой я буду до тѣхъ поръ, пока у меня будутъ оставаться длинныя уши и жесткая шерсть. Въ царствованіе Людовика XVIII...

— Какъ! Награжденный орденами господинъ жилъ также и въ царствованіе Людовика XVIII?

— Не знаю. Но въ царствованіе Людовика XVIII была уничтожена личная свобода, а ничто такъ не стѣсняетъ, какъ личная свобода. Развѣ не лучше повиноваться покорно, безъ бунтовского духа, приказаніямъ, даннымъ представителями Бога на землѣ? Кто хорошо себя ведетъ, кто повинуется безъ ропота, тотъ не имѣетъ никакой надобности въ этой личной свободѣ. Свобода состоитъ въ дѣланіи добродѣтели. Въ нѣдрахъ самой мрачной темницы я чувствовалъ бы себя свободнымъ. Ничто не происходитъ безъ воли Божіей...

— Ты завираешься, перебилъ его Каллистъ. Ты удалился на сто миль отъ личной свободы.

— Во время первой Имперіи питались такой славой, что жили вдвойнѣ, если я могу такъ выразиться! Ги-ган! Какая эпопея! Можно было бы умереть героемъ...

— Это то ты называешь жить вдвойнѣ?

— Не оскверняйте славу. Есть люди, которые ставятъ выше обыденныхъ радостей и удовлетвореній желудка болѣе благородную радость сражаться и умереть, если надо, защищая тотъ идеалъ, служенію которому они обрекли себя.

— Не продолжай такъ, Апробазъ, иначе ты приведешь меня въ восторгъ.

— Въ царствованіе Людовика XVI...

— Что же! Революція, Конвентъ... Конвентъ ужъ не одна ли изъ старыхъ формъ правленія?

— Это была дурная форма правленія... развращающая... часто жестокая... форма правленія, которая изгнала Бога.

— Бѣдняжка!

— Я же хотѣлъ сказать, что въ царствованіе Людовика XVI....

— Переходи въ средніе вѣка.

— Ги-ган! вы шутите. Но и въ средніе вѣка народъ не былъ несчастнымъ. Лихоимство дворянъ — ложь, выдуманная врагами старыхъ порядковъ; барщина составляла только другую форму налога; барскій судъ оттого, что не производился по писаннымъ законамъ, былъ не произвольнѣй, чѣмъ теперешній верховный судъ народа. А что касается до особыхъ правъ сеньоровъ (права первой ночи, и др.), то сеньоръ ими не пользовался.

— Онъ ими не пользовался?

— Ги-ган! нѣтъ, не пользовался... Моя мать, ослица, говорила мнѣ это.

— Словомъ, крестьяне были счастливы?

— Очень счастливы. Напрасно они взбунтовались! Это все вина главарей. Этотъ Этьенъ Марсель [1]) со своими заблужденіями — истинный подстрекатель къ Жакеріи [2]). Да чего онъ и добился? Жаки разрушили зàмки дворянъ, дворяне сожгли лачуги крестьянъ.

— Да, въ двѣ недѣли реакція дала 20.000 жертвъ.

---

[1]) Парижскій городской голова. Пытался дать Франціи парламентское правительство еще въ половинѣ 14-го вѣка.

[2]) Возстаніе крестьянъ *(Жаковъ)* противъ помѣщиковъ въ 1358 г.

— Все вина главарей. Ги ган! Лучше безропотно покоряться. Средніе вѣка! средніе вѣка! доброе, старое время.

Въ былое время ѣли щи
Въ блюдѣ общемъ безъ чиновъ,
И на вареной курицѣ
Часто ложку вытирали;
А въ фрикасе и хлѣбъ и пальцы
Когда-то запросто макали.

И потомъ было уваженіе и любовь къ родителямъ, уваженіе и любовь къ сеньору, уваженіе и любовь къ нашей святой религіи... въ тѣ времена-то!

— Религія, къ тому же, воздала за эту любовь сторицей, по пословицѣ: „Кто любитъ, тотъ и наказуетъ".

— Она была права. Ги-ган! Церковь имѣетъ право наказывать, даже тѣлесными наказаніями, даже смертью и костромъ, тѣхъ изъ своихъ дѣтей, которыя служатъ камнемъ преткновенія для своихъ братьевъ. Если бы она была болѣе строгой, мы не были бы теперь свидѣтелями этого потока беззаконія, причины самыхъ худшихъ несчастій. Нужно бы было задушить Вольтеровъ и Дидро, всѣхъ отрицателей, скептиковъ, нерадивыхъ. Спасеніе міра возможно только такою цѣной.

— Какая кротость, Апробазъ! Какая любовь, евангельскій и римскій оселъ!

— Во что бы то ни стало, во что бы то ни стало, спасти души!

— А если душа не существуетъ?

— Если она не существуетъ?... ги-ган! слушайте, я—лишь оселъ, но я знаю, что душа существуетъ, потому что церковь этому учитъ. Я знаю, что есть Богъ, знаю, что есть Промыслъ

Божій, знаю, что нужно уважать законы — когда они справедливы, хороши и согласны съ духомъ религіи, — знаю, что слуги должны повиноваться господамъ, подданные королямъ, короли Богу; знаю, что нужны богатые и бѣдные, и что трудъ есть наказаніе Божіе; я знаю все это, потому что Церковь учитъ этому, а она непогрѣшима. И я читалъ въ одномъ благочестивомъ твореніи, что катехизисъ есть великое благодѣяніе, такъ какъ, благодаря ему, совсѣмъ малый ребенокъ можетъ знать то, что остается непостижимымъ для невѣрующихъ, хотя бы они и знали ту нечестивую науку, которая осмѣлилась угрожать Богу! Ги-ган! И я говорю, что прежде были счастливѣе, во времена формъ правленія, основанныхъ на божественномъ правѣ, когда короли давали своимъ подданнымъ назидательный примѣръ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей.

— Республика, — спросилъ философъ, — не есть ли форма правленія, основанная на божественномъ правѣ?

— Ги-ган!... конечно нѣтъ, и я удивляюсь, какъ Его Святѣйшество... ги-ган!... могъ посовѣтовать католикамъ примкнуть къ этой демагогической формѣ правленія. Ба, я знаю одного великаго писателя, который одного со мной мнѣнія: г. Гранье де Кассаньякъ...

— А! Да.

— Онъ презираетъ формы правленія, основанныя на человѣческомъ правѣ, и онъ вполнѣ правъ. Что это такое человѣческое право?

— Право, основанное на природѣ людей и ихъ взаимныхъ договорахъ.

— Да, слѣдовательно ничего хорошаго, ибо человѣкъ подверженъ заблужденіямъ. Тогда какъ божественное право, беря свое начало изъ воли Бога, представляетъ само совершенство.

— Но, Апробазъ, все знающій, ничему не учившись, какимъ же образомъ люди очутились вс владѣніи этимъ столь драгоцѣннымъ правомъ, которое ты называешь „божественнымъ правомъ“ и которое ставитъ народы въ зависимость отъ королей?

— Черезъ откровеніе... ги-ган!.. Все это находится въ священномъ писаніи. Прежде короли господствовали надъ своими народами, потомъ они отдавали отчетъ Богу въ своихъ поступкахъ. Это было гораздо проще.

— Совершенно вѣрно. Но это какое то особенное пониманіе права. А когда съ подданными слишкомъ худо обходились?

— Ги-ган!... что же! развѣ Богъ съ своими высшими вѣсами не могъ бы установить равновѣсія тамъ, на небѣ?

Оселъ еще разъ собрался со всѣми силами, задралъ голову и закричалъ: „Долой республику!“ Затѣмъ онъ снова сталъ скромнымъ однокопытнымъ съ опущенными ушами, съ узкой грудью аскета.

Тогда Каллистъ обернулся къ обезьянѣ, удивляясь ея долгому молчанію. Положивъ голову между своими четырьмя руками, Ки-ки лежалъ на столѣ и спалъ.

ГЛАВА V.

Въ которой философъ пытается опровергнуть доводы обезьяны и осла.

Услыхавъ, что говоритъ оселъ, изумленный народъ сталъ толпиться во дворѣ трактира и наводнять залъ. Скоро вокругъ философа и его спутниковъ образовалось тѣсное кольцо любопытныхъ. Женщины съ большимъ благоговѣніемъ и большой любовью стали цѣловать спину осла. Шумъ разбудилъ обезьяну. Недовольно ворча, она нахмурила всю свою старческую дубленую кожу, ея подвижные, полные плохо скрытаго недовѣрія глаза бѣгали съ одного любопытнаго на другого. Однако она скоро развеселилась при видѣ женщинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли соблазнительныя формы, когда онѣ съ умиленіемъ наклонялись къ ослу. Въ концѣ концовъ все это возбудило Апантеса; онъ заволновался, пытался даже удовлетворить свое сильное желаніе, возникшее отъ всего этого женскаго тѣла. И такъ какъ онъ становился нескромнымъ, Каллистъ вынужденъ былъ подать знакъ къ отправленію.

Оселъ, обезьяна и философъ долго шли не говоря ни слова. Улицы слѣдовали за улицами, и вездѣ угрюмыя человѣческія фигуры сталкивались, обгоняли другъ друга, проскальзывали между эки-

пажами, терпѣливо пробивались сквозь живыя стѣны и еще поспѣшнѣе бѣжали къ незримымъ цѣлямъ. Потомъ дорога пошла въ гору; тяжелый подъемъ утомилъ осла, недовольнаго еще тѣмъ, что долженъ былъ нести обезьяну, непреодолимая лѣнь которой частенько загоняла ее на спину осла. И обойдя массивную громаду еще утромъ замѣченнаго храма Святой-Внутренности, путешественники рѣшили сдѣлать привалъ у сѣверной части зданія.

— Отдохнемъ здѣсь,—сказалъ Каллистъ.

Они стали спиной къ граниту храма. Передъ ними необъятная равнина разстилалась до темной черты горизонта, утопавшаго въ густомъ туманѣ. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтерка не колебало листьевъ. Земля погрузилась въ такое молчаніе, что казалась мертвой.

Философъ широкимъ жестомъ указалъ на равнину и сказалъ:

— Вотъ прошедшее. Кровь и крики. Земля пила всю кровь; крики, дикій вой несчастныхъ запечатлѣнъ на искомканныхъ листкахъ исторіи, называемыхъ мятежами. Прошедшее — это борьба народовъ съ своими господами, королями, попами, сеньорами. По одному только факту своего рожденія одинъ человѣкъ былъ рабомъ другого человѣка и всю свою жизнь долженъ былъ служить ему. Какая же разница была между этими двумя людьми: господиномъ и рабомъ? Никакой. Физически рабъ могъ быть сильнѣе господина. Одинъ лишь предразсудокъ держалъ раба въ зависимости отъ господина. Точно также владычество воителей. Но простые воины — лишь рабы, подпавшіе подъ власть начальника. Удивительно то, что нѣсколько жад-

ныхъ до власти честолюбцевъ посѣяли среди народа раздѣленіе. Они противопоставили трудящемуся народу военную касту и, господствуя надъ послѣдней, обезпечили себѣ пассивное повиновеніе перваго.

Воинъ согласился стать врагомъ своего брата, раба, за право грабить, которое пожаловали ему его начальники. Но мятежъ рабовъ противъ господъ, тирановъ и королей кончился бы тѣмъ, что смелъ бы ихъ дерзкую прерогативу, если бы не приходъ поповъ. Послѣдніе стали убѣждать народъ, что справедливость требуетъ того, чтобы онъ повиновался, чтобы онъ продолжалъ страдать къ величайшей радости своихъ угнетателей, имѣвшихъ власть боговъ. И народъ — о неизгладимый позоръ лежитъ на челѣ человѣческаго рода! — народъ покорился, преклонился, сталъ продолжать свой тяжелый трудъ къ величайшей радости тирановъ, воителей и поповъ.

И волна цивилизацій прошла по міру. Были Египетъ, Индія, Греція, Римъ. Вездѣ завоеванія, грабежъ и смерть. Умирали для того, чтобы позволить начальнику расширить немного далѣе свое владычество. Да еще дѣло шло тогда о томъ, чтобы пріобрѣсти новыя земли, памятники, сдѣлать открытія, увеличить благосостояніе оставшихся въ живыхъ участниковъ похода и ихъ потомковъ. Но жили лучше.

Въ средніе вѣка, ужасное существо, не имѣющее ничего человѣческаго, кромѣ внѣшняго вида, и прославленное другими варварами подъ именемъ святого Доминика — этотъ гнусный монахъ организовалъ инквизицію. Итакъ, имѣя цѣлью только одно распространеніе религіи любви и доброты (!)

жгли еретиковъ тысячами. Одинъ только знаменитый злодѣй, Томасъ Торквемада, занимавшійся ремесломъ пріора въ испанскомъ орденѣ доминканцевъ, положилъ въ пять лѣтъ *сто тысячъ жертвъ*! И народъ не возмутился, не имѣлъ даже мысли — столь естественной и столь законной однакожъ — свернуть шею носителямъ рясы, бандитамъ въ клобукѣ, всѣмъ этимъ *missi dominici* [1]) божественнаго права, которые въ теченіе столькихъ вѣковъ формировали рабскіе мозги къ величайшему счастью королей.

Нужно подойти къ концу XVIII вѣка.... Народъ понялъ. Онъ мститъ за всю свою вѣковую нищету на распутныхъ дворянахъ и монахахъ. Но трудно сразу поднять головы, согнутыя въ теченіе столькихъ вѣковъ подъ сапогъ воителей и торгашей въ Богѣ. Послѣ страшнаго усилія 93 года, народъ усталъ быть свободнымъ; онъ протянулъ съ умоляющимъ жестомъ свои руки къ алчному до славы завоевателю. Онъ радъ отдать свою кровь, свой потъ, свое золото за господина, голосъ котораго имѣетъ звонкость мѣди. Какую же радость несетъ онъ въ разрушенныя жилища, въ потухшіе очаги? Ахъ! что ему за дѣло до нищеты, болѣзней, холода и голода, лишь бы было хоть немного болѣе удовлетворено чрезмѣрное честолюбіе великаго императора! Потомъ, послѣ его паденія, съ 1814 до 1820 гг., возродилась инквизиція. Великій императоръ понималъ, что безъ поддержки поповъ зашатаются троны.

„И императоръ и папа, эти два чудовища, соединились для подлаго дѣла господства. Разбитый

---

[1]) Божественнымъ посланникамъ.

императоръ оставилъ папу на ногахъ. Итакъ, инквизиція появилась снова. Потомъ были другіе короли, новый императоръ. И опять долина была усыпана трупами; она пила алую и благородную кровь народа для того, чтобы были удовлетворены политическія честолюбія.

Каллистъ, въ сопровожденіи Апантеса, котораго несъ Апробазъ, обошелъ на-половину святое зданіе. Онъ протянулъ руку къ сѣрой массѣ Архаполиса, потонувшаго тамъ и сямъ въ парахъ и дыму заводовъ, и сказалъ:

— Вотъ настоящее. Потъ и слезы. Внизу — тяжелый трудъ, плохо вознаграждаемая работа, голодъ, проституція, жалкая смерть въ гадкой конурѣ. Наверху безпутная праздность, несправедливость, злоба. Подъ предлогомъ защищать отечество, гдѣ большинство не владѣетъ ничѣмъ, — развѣ правомъ обогощать другихъ,—народъ отдаетъ своихъ сыновей господамъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ солдатъ. Онъ не видитъ, глупый народъ, что его дѣти, ставъ солдатами, должны будутъ пожертвовать своей жизнью для защиты эксплуататоровъ и ихъ привилегій; однакожъ, онъ знаетъ, что въ день мятежа, когда работникъ, уставъ обезпечивать наслажденія богатыхъ, возстаетъ, рѣшившись на все, чтобы вытребовать частицу своихъ правъ— въ день мятежа по приказанію начальника солдатъ, сынъ народа, будетъ стрѣлять въ народъ. И матери, зная всѣ эти ужасныя вещи, выкармливаютъ своихъ сыновей для подлаго отцеубійства, скрытаго подъ моской дисциплины и порядка! И съ радостью народъ даетъ въ руки своихъ сыновей усовершенствованное ружье Лебеля, говоря имъ: „Стрѣляйте въ насъ, если намъ придетъ въ голову

безумное желаніе возстать противъ нашихъ эксплуататоровъ, дотронуться до собственности богатыхъ, нашихъ господъ". Крикъ вѣнчаетъ все: „Да здравствуетъ армія!", и довольный, народъ показываетъ кулакъ чужому народу, своему же брату.

Вотъ настоящее. Какимъ бы нелѣпымъ, какимъ бы нелогичнымъ не казалось слѣдующее предложеніе, но оно вѣрно: „Есть люди, которые живутъ трудомъ другихъ". И такое предложеніе вѣрно: „По одному только факту своего рожденія, одинъ человѣкъ бываетъ облеченъ властью надъ другими людьми."

— Кррр!.. кррр!..—закричала обезьяна,—протестую.

— Дай кончить. Допускаю, что послѣднее предложеніе нуждается въ объясненіи. Развѣ полученному образованію человѣкъ обязанъ тѣмъ, что возвышается надъ обыкновенными смертными? И могутъ ли получить полное, всестороннее образованіе всѣ желающіе? Развѣ ты не знаешь, что не смотря на теорію, дитя бѣдняковъ не можетъ надѣяться на другое образованіе, кромѣ начальнаго, отъ котораго его очень скоро отрываютъ, чтобы вложить ему въ руки инструментъ? Слѣдовательно, возвышаются только въ опредѣленныхъ напередъ соціальнымъ положеніемъ условіяхъ. И всегда въ однихъ и тѣхъ же привилегированныхъ классахъ вербуются господа: офицеры, судьи, политики. Ахъ, Апантесъ, богатства искусства, сокровища науки, о которыхъ ты намъ говорилъ! Кто ими наслаждается? Небольшое число избранныхъ.

Прочихъ же не научили поклоненію прекрасному, радости знанія. Знаніе одного только правописанія и четырехъ правилъ ариѳметики не поз-

волястъ еще оцѣнить Гартмана, углубиться въ Гюйо, или разбирать Ле-Дантека. Вечерніе курсы... библіотеки... Капля знанія въ морѣ невѣжества. Музеи... Обратилъ ли ты вниманіе, Апантесъ, на посѣтителей музеевъ? За рѣдкими исключеніями, они интересуются размѣрами картины и помѣстившимся передъ ней копистомъ. Иногда вооруженные Бедекеромъ англичане пребрасываются шутливыми замѣчаніями, когда у кого либо изъ нихъ костюмъ не удовлетворяетъ требованіямъ моды. Зоолгическіе и ботаническіе сады... Тамъ дразнятъ обезьянъ — твоихъ бѣдныхъ родственниковъ! кормятъ слоновъ... а такія забавы мало способны просвѣтить мозги людей. Все прекрасно въ современномъ обществѣ, не такъ ли, Апантесъ? Ты упомянулъ намъ объ общественныхъ скверахъ, зелени и водѣ... Это все равно, что среди песковъ Сахары разсказывать о кораблекрушеніи. Есть также — нужно довольствоваться малымъ — безплатныя представленія. Надо удивляться героямъ, способнымъ полдня ждать открытія священныхъ дверей. И если ты находишь, что при такихъ условіяхъ представленіе безплатно, то ты очень не требователенъ.

Что касается до хорошаго освѣщенія, бравыхъ агентовъ... ты щедро оплачиваешь цѣну хорошаго освѣщенія, Апантесъ, и можешь на досугѣ познакомиться съ кулакомъ „бравыхъ агентовъ“, когда у тебя явится фантазія *устроить сборище* на бульварѣ. Прекрасное изобрѣтеніе — бравые агенты! Но когда приведется тебѣ спѣшить и наткнуться на барьеръ изъ полицейскихъ, потому что такой-то иноземный государь или такая-то мѣстная высокопоставленная особа проѣзжаетъ по городу, ты

мысленно пошлешь бравыхъ агентовъ ко всѣмъ чертямъ и лишній разъ спросишь себя, ты, вѣрящій въ равенство, какъ это можно препятствовать свободному проявленію твоей личности въ угоду другой личности, также какъ и ты одѣтой костьми и плотью, хотя бы и не такой морщинистой и не такой лысой.

— Ги-ган! Господинъ директоръ звалъ его *антропопитекусъ кальвусъ* — проревѣлъ оселъ.

— Бравые агенты, Апантесъ, не позволятъ тебѣ спать ночью на скамейкахъ. Они схватятъ тебя за шиворотъ, если ты закричишь „Да здравствуетъ императоръ!“ во время королевства, „Да здравствуетъ республика!“ во время имперіи и „Да здравствуетъ король!“ въ наше время. Не вздумай вслухъ высказать передъ ними свое желаніе революціи! Эти люди скорѣе разобьютъ себѣ физіономію,— предварительно исковеркавъ твою -чѣмъ допустятъ какое либо измѣненіе въ формѣ государства. Подумай, что ремесло защитника государства даетъ имъ 150—220 франковъ въ мѣсяцъ! Есть на что ужинать, всю ночь напролетъ, съ шампанскимъ и дѣвицами! Какъ же можно за такую цѣну допустить распространеніе теорій, могущихъ измѣнить общество!

Апантесъ, будемъ счастливы настоящимъ, оно прекрасно. За нѣсколько копѣекъ, сказалъ ты, мы освѣдомлены о событіяхъ всего міра. Я знаю, благодаря имъ, что нѣкій господинъ изъ рода Орлеановъ, занимающійся тяжелымъ ремесломъ герцога, попеременно то приближается, то удаляется отъ границы, и это, безъ сомнѣнія, должно чрезвычайно интересовать меня, такъ какъ посвященнымъ этому разсказу мѣстомъ могло бы рас-

полагать любое замѣчательное сообщеніе Академіи Наукъ... Печать — прекрасная вещь. Откроемъ двѣ газеты. „Вчерашнее собраніе, говоритъ первая, было для Х... случаемъ блестящей побѣды. Никогда еще великій ораторъ... истъ не говорилъ съ такой дивной силой.“ Но, говоритъ вторая, „полнѣйшее пораженіе для... истовъ означаетъ вчерашній митингъ. Этотъ развратный Х... убѣжалъ при шиканіи и насмѣшкахъ публики изъ порядочныхъ людей, возмущенной его отреченіемъ отъ прежнихъ взглядовъ.“ Кому вѣрить? И такъ относительно всего.

Что касается до судовъ, которые расхваливаетъ мнѣ твоя мудрость, другъ обезьяна, — они не могутъ удовлетворить мой разумъ. Какъ я могу допустить, чтобы какой нибудь человѣкъ имѣлъ право судить мои поступки, и тѣмъ болѣе, чтобы люди обращали въ ремесло судить поступки другихъ?

Судебникъ — лучшій памятникъ человѣческой несправедливости.

Открой его. Вотъ ст 269 Уложенія о наказаніяхъ: „Бродяжничество есть *проступокъ*“, и слѣдующая статья объясняетъ, что „бродягами или праздношатающимися людьми называются тѣ, кто не имѣетъ ни опредѣленнаго жилища, ни средствъ существованія, и кто не занимается обыкновенно ни ремесломъ, ни профессіей.“ Ахъ! если бы можно было раздѣлить на двѣ части эту статью, *объявить праздношатающимися тѣхъ, кто не занимается обыкновенно ни ремесломъ ни профессіей*, тогда пришлось бы отправить въ тюрьмы республики все благородное дворянство, и это позволи-

ло бы *бродягамъ* создать себѣ *опредѣленное жилище и средства существованія.*

Открой судебникъ еще разъ. Статья 327: „Нѣтъ преступленія, когда смертоубійство, раны или побои были совершены по предписанію закона и по приказанію законной власти". Посмотримъ, что думаешь ты, Апробазъ, объ этомъ различеніи между смертоубійствомъ, предписаннымъ закономъ— законнымъ убійствомъ и убійствомъ, предписаннымъ рѣшеніемъ моей личной воли—въ этомъ случаѣ называемомъ преступленіемъ?

— Ги-ган! вамъ угодно смѣяться? Законъ это — законъ. Все, что онъ повелѣваетъ, законно, и ваша личность должна подчиняться ему.

— А если онъ несправедливъ? Почему законъ, выражающій волю ста тысячъ человѣкъ, напримѣръ, долженъ быть справедливѣе, чѣмъ выражающій мою единственную волю?

— Ги-ган! Милостивый государь, гораздо больше вѣроятія, что сто тысячъ человѣкъ будутъ болѣе правы, чѣмъ вы одинъ.

— Полно! Развѣ толпа открыла кинетическую теорію газовъ или X—лучи? Развѣ отъ умноженія заблужденія въ 100.000 разъ получится истина? Почему же убійство, предписанное закономъ, вовсе не преступленіе, тогда какъ убійство, рѣшенное мной однимъ,—преступленіе?

Апантесъ, чтобы оправдать современное общество, ты сослался на возможность для каждаго говорить и писать о чемъ бы то ни было. Однакожъ, ты знаешь, что самыя суровыя наказанія ожидаютъ тѣхъ, кто не выскажется пошлыми льстецами виновниковъ несправедливостей, и что названіе „подстрекательство къ убійству" примѣняется къ из-

вѣстнымъ поступкамъ высшей справедливости и соціальной гигіены. И ты говоришь о свободѣ говорить и писать!

Что касается до общественной благотворительности, которой, повидимому, ты такъ гордишься, Апантесъ, то она существуетъ только для того, чтобы усыпить у несчастныхъ ихъ и безъ того слабую попытку къ возмущенію. Сто копѣекъ бюро общественнаго призрѣнія и жидкій бульонъ народныхъ столовыхъ, утоляя голодъ несчастныхъ, служатъ пищей, даваемой человѣческой трусости. И благодаря этому предохранительному клапану - милостынѣ — общество, старая сводня, продолжаетъ влачить кое-какъ свои язвы и свое безобразіе.

— Кррр...—сказала обезьяна,—если бы всѣ разсуждали, какъ вы...

— Друзья мои, — сказалъ философъ, — я разсуждаю правильно. Только такъ какъ я задѣваю ваши предразсудки, вы не хотите понимать меня. Стой, Апантесъ, изъ всей твоей длинной апологіи настоящаго времени я запомнилъ только одну вещь, дѣйствительно достойную одобренія людей: послѣднюю балладу о послѣднемъ жилищѣ. И еще...

— Ага! я былъ бы очень удивленъ, если бы вы и тутъ не придрались къ чему нибудь.

— Что я и дѣлаю. Я нахожу, что для того, чтобы отнести трупъ въ землю, можно было бы не прерывать движенія живыхъ.

— Богохульникъ!

— Нечестивецъ!

Въ это время вдоль стѣнъ храма Святой Внутренности проходилъ одѣтый во все черное монахъ.

Услыхавъ послѣднее замѣчаніе Каллиста, онъ отвернулся и съ отвращеніемъ плюнулъ. Но такъ какъ оселъ сталъ передъ нимъ на колѣни, а обезьяна зашептала горячую молитву, то святой отецъ, презирая оскорбительное присутствіе Каллиста, далъ имъ раздѣлить между собой самое дѣйствительное изъ своихъ благословеній.

ГЛАВА VI.

Оселъ и обезьяна соединяются противъ философа для защиты религіи[1]).

— Уфъ!— сказалъ оселъ,—вотъ ужасныя теоріи. Сразу видно, что у васъ совсѣмъ нѣтъ вѣры! Ахъ, если бы я могъ обратить васъ на путь истины! Вы увидѣли бы, господинъ философъ, какъ ничтожна ваша философія въ сравненіи съ великими религіозными истинами... Ги-ган!.. и какое утѣшеніе приноситъ она безпокойной и страждущей душѣ! Слушайте, у меня было много непріятностей въ зоологическомъ саду...

— Кррр... и у меня также,—перебила его обезьяна. Меня тамъ называли оголтѣлымъ!

— Меня—онгуле импаридигите! Это гораздо важнѣе. Ги-ган! Итакъ, одна только вѣра поддерживала меня въ несчастіи. Кромѣ того, зачѣмъ быть честнымъ человѣкомъ, бравой обезьяной или добрымъ осломъ безъ надежды на другую жизнь, гдѣ мы увидимъ Бога лицемъ къ лицу? Эта земля—лишь мѣсто испытаній, эта жизнь—лишь наказаніе; одна

---

[1]) Эта глава печатается съ небольшими пропусками.

только будущая жизнь дастъ полное блаженство тѣмъ, кто до конца будетъ слѣдовать заповѣдямъ нашей святой религіи.

— Оселъ правъ, — сказалъ Апантесъ. — Я не ханжа, но я признаю, что вѣра нужна. Ибо, наконецъ, знаемъ ли мы, что ожидаетъ насъ на томъ свѣтѣ?

— Ги-ган! я знаю, храбро закричалъ Апробазъ. Рай для добрыхъ, адъ для злыхъ.

— Конечно, — согласилась обезьяна... Должна же тамъ быть справедливость. И потомъ, наконецъ, какъ сказалъ Апробазъ, для чего надо было бы быть всю свою жизнь бравой обезьяной...

— ... Или добрымъ осломъ...

— ... Или честнымъ человѣкомъ...

— ... Если съ тобой обращаются точно такъ же, какъ и съ тѣми, кто ни бравъ, ни честенъ, ни добръ!

— Наконецъ, есть справедливость!

— Ну да... кррр... кррр... есть справедливость, Боже мой!

— Я, — объявилъ оселъ, — я твердо вѣрю въ религію.

— Въ какую? — спросилъ философъ.

— Ги-ган! ги-ган! Вотъ вопросъ... Да въ нашу, единую истинную, католическую, апостольскую и римскую религію, единую, основанную Іисусомъ Христомъ, сыномъ Божіимъ, Спасителемъ міра.

— Подожди, Апробазъ, не увлекайся. Что же это за Іисусъ Христосъ?

— Ги-ган! онъ спрашиваетъ... Но весь свѣтъ вамъ скажетъ, что Іисусъ Христосъ родился отъ Дѣвы Маріи, страдалъ при Понтійскомъ Пилатѣ, умеръ на крестѣ и въ третій день воскресъ.

— Апробазъ, я смѣюсь надъ мнѣніемъ всего свѣта.

. . . .

. . . .

. . . . Посмотримъ какими средствами мы обладаемъ, чтобы знать о существованіи весьма древняго лица? Исторія, историческіе документы, надписи на надгробныхъ памятникахъ, саркофаги, старинная глиняная посуда, тесанные кремни и, наконецъ, самый скелетъ людей. Въ частномъ случаѣ, относительно этого Іисуса, мы владѣемъ: 1) Объявленіемъ Тацита, приписывающаго начало христіанства нѣкоторому Христусу, умершему въ царствованіе Тиверія по приказу прокуратора Понтія Пилата, т. е. между 26 и 36 годами христіанской эры; 2) ... Вотъ и все. Ибо Светоній едва затрогиваетъ этотъ предметъ, письмо Плинія къ Траяну — подозрительно, а соотвѣтствующее мѣсто еврейскаго историка Іосифа вообще считаетъ недостовѣрнымъ.

Слѣдовательно, мы должны положиться на свидѣтельства самихъ заинтересованныхъ лицъ, т. е. на писанія евангелистовъ. Это значитъ: разбирать тяжбу двухъ сторонъ, изъ которыхъ одна будетъ обречена на одно только свидѣтельство другой стороны, безъ возможности слѣдствія и безъ того, чтобы могла быть доказана вещественность какого-либо факта. Изъ чтенія евангелій (написанныхъ приблизительно полвѣка спустя послѣ смерти Назарянина, за исключеніемъ евангелія св. Іоанна, болѣе позднѣйшаго), видно явное намѣреніе ихъ авторовъ согласовать жизнь и дѣла Христа съ жизнью и дѣлами предсказаннаго пророками Мес-

сіи. Въ такомъ случаѣ, гдѣ найти матеріалы для достовѣрной исторіи галилейскаго реформатора?

Евангелія были дѣломъ первыхъ христіанскихъ общинъ. Мы вполнѣ знаемъ, благодаря имъ, что *думали* объ Іисусѣ около 75 или 80 года нашей эры, но мы почти ничего не знаемъ о томъ, чѣмъ *онъ былъ*, потому что мы его видимъ только сквозь ихъ апостольскія предубѣжденія. Евангелія въ гораздо большей степени представляютъ изъ себя догматическія сочиненія, чѣмъ біографическіе опыты жизни Христа. Есть въ евангеліи Св. Матѳея, въ главѣ XXVI, одинъ стихъ, который особенно освѣщаетъ эти попытки приспособленія Христа къ Мессіи.

Іисусъ обращается къ одному изъ своихъ учениковъ: *„Какъ же сбудутся Писанія, говорящія, что такъ должно быть?“* Эта фраза Іисуса служитъ ключемъ къ евангеліямъ. Священное писаніе возвѣщаетъ, что Мессія родится отъ дѣвы. И Евангелисты говорятъ, что онъ родился отъ дѣвы. У Іереміи предсказано, что Сынъ человѣческій будетъ преданъ за тридцать серебренниковъ. Легенда о предательствѣ Іуды находитъ себѣ мѣсто въ евангельской лѣтописи. Въ Ветхомъ Завѣтѣ находятся, между прочимъ, такія слова: „Ни одна изъ костей его не будетъ переломлена“. „Раздѣлили ризы мои между собой и объ одеждѣ моей бросали жребій“. И Св. Іоаннъ говоритъ о бросаніи жребія солдатами о рубахѣ, которую носилъ Іисусъ, и избѣгаетъ того, чтобы послѣднему перебили ноги и на крестѣ, вопреки употреблявшемуся тогда по отношенію къ казнимымъ обычаю. Послѣ нѣсколькихъ часовъ такой критики ты могъ бы за-

мѣтить, Апробазъ, что ветхозавѣтные пророки никогда не имѣли миссіей *предсказать* христіанство, но что, напротивъ, ихъ пророчества служили для созданія біографіи Іисуса изъ Назарета. Ты прекрасно знаешь, къ тому же, что христіанская философія не нова, и что сама Нагорная проповѣдь не содержитъ въ себѣ ничего такого, что не было бы сказано предшедствовавшими философами. Сакіа-Муни, Конфуціемъ, Сократомъ...

— Крррр... кррр... какое святотатство!

— Ги-ган!... Огонь небесный сойдетъ на тебя, нечестивый философъ!

— Вотъ, — продолжалъ Каллистъ,— куда мы ушли въ знакомствѣ съ Іисусомъ. Онъ не оставилъ намъ писаній (несмотря на то, что одна пожилая дама купила за десять тысячъ франковъ— нѣсколько лѣтъ тому назадъ — собственноручное письмо Іисуса Христа, *написанное по-французски!!!* его кровью!) и мы не владѣемъ его скелетомъ.

— Вотъ те на,—усмѣхнулась обезьяна,—вѣдь Господь нашъ вознесся на небо, такъ какъ же можно было бы найти его священные останки?

— . . . .
. . . .
. . . .
. . . . . . Мы имѣемъ, сверхъ того, въ качествѣ останковъ или реликвій, *двадцать одинъ* экземпляръ *единственной* рубахи безъ швовъ, которую онъ носилъ. Но такъ какъ существуетъ

три одинаково подлинныхъ головы Св. Іоанна Крестителя, то нечего удивляться. И мы имѣемъ еще Туринскую Плащаницу, фотографіи которой г.г. Ивъ Деляжъ, Виньонъ и Кольсонъ представили въ Академію Наукъ. Одного только осмотра этихъ фотографій было достаточно, чтобы констатировать, что они воспроизводятъ картину, такъ какъ даютъ *проэкцію* вмѣсто *искаженнаго отпечатка*, который получился бы отъ приложенія ткани къ человѣческому тѣлу, но до этого мало было дѣла вышеуказаннымъ представителямъ конгрегаціи. Они позабыли даже заглянуть въ папскую буллу отъ 6 января 1390 года, объявляющую, что *это изображеніе не есть истинная плащаница, а только представляющая ее картина.*

. . . .

1) Религія противна всякому разуму и всякой логикѣ.

2) Она служитъ въ рукахъ сильныхъ орудіемъ угнетенія слабыхъ.

— Ги-ганъ!

Оселъ дико заревѣлъ, что свидѣтельствовало о его негодованіи, а Ки-ки не могъ удержаться отъ смѣха, несмотря на скуку, которую нагнала на него богохульная критика философа. Фамильярно онъ вставилъ свои косматые кулаки въ уши однокопытнаго, чтобы не дать ему возможности слышать предосудительныя теоріи, могущія поколебать его вѣру.

Каллистъ сѣлъ на ступенькахъ храма и вмѣстѣ съ осломъ и обезьяной представлялъ симпатичную, но нѣсколько странную и неподходящую въ подобномъ мѣстѣ группу.

Онъ сказалъ:

— Религія противна всякому разуму и всякой логикѣ, потому что она противонаучна и, слѣдовательно, не признаетъ дѣла, которому мы обязаны тѣмъ, что мы люди и подчинили себѣ земной шаръ; дѣла, которое съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе удаляетъ насъ отъ первобытнаго животнаго состоянія; дѣла, которое освободитъ насъ соціально, какъ оно уже освободило насъ интеллектуально; дѣла, которое скоро повалитъ господъ, эти послѣдніе остатки древнихъ теократій; дѣла, которое надѣлитъ насъ братствомъ въ равенствѣ, черезъ свободу,—науки, однимъ словомъ.

— Кррр... кррр... никогда религія не презирала науку,... когда она была согласна съ богословской истиной. Религія всегда поощряла ее.

— Да, пытая, осуждая, отлучая всѣхъ тѣхъ, кто своими открытіями разрушалъ одно за другимъ ужасныя заблужденія Библіи.

Оселъ внезапно принялся ревѣть.

— Гиган! ги-ган!... неправда.

— Заглянемъ въ исторію, Апробазъ, хочешь?— сказалъ философъ. Наука, какъ ты знаешь, родилась въ Греціи. Едва возникнувъ, христіанство задушило ее. Она должна была ждать до шестнадцатаго столѣтія, чтобы пробудиться отъ своей летаргіи. Къ тому же, костеръ Джіордано Бруно и Ванини свидѣтельствуетъ о любви религіи къ наукѣ. Гассенди могъ перевести Эпикура только „приправляя его богословскимъ соусомъ“—по выраженію г-жи Ройеръ. Декартъ и Спиноза искали убѣжища въ некатолическихъ странахъ, Вольтеръ удалился въ изгнаніе въ Швейцарію, и тамъ же Энциклопедія должна была искать издателей, чтобы

избѣжать сожженія. Правда, что наука и работала до сихъ поръ только для того, чтобы показать заблужденіе религіи. Да! сочиненіе Коперника, *Объ обращеніи небесныхъ сферъ*, фигурировало въ папскомъ Индексѣ (спискѣ запрещенныхъ книгъ) до 1835 года.

— *Наука—служанка богословія*, — проревѣлъ оселъ.

— Слушайте, господинъ Каллистъ, — сказала обезьяна,—вы прекрасно знаете, что наука обанкротилась.

— Ги-ган! — Какъ, по вашему мнѣнію, священныя книги могли бы содержать ошибки, когда онѣ написаны по откровенію Божію!

— Мои добрые друзья, вашъ Богъ знаетъ не больше васъ, потому что вы же его и выдумали. Вы вѣрите еще, согласно съ Библіей, что земля болѣе длинна, чѣмъ широка, и что она соединяется съ небеснымъ сводомъ; вы вѣрите также, что она центръ міра, вы вѣрите въ Адама, потопъ и Ноевъ ковчегъ?

— Кррр... вы преувеличиваете; я вѣрю въ Адама, въ потопъ и Ноевъ ковчегъ, но я также знаю, что земля кругла и что она лишь маленькая вращающаяся планетка, затерявшаяся въ безконечномъ числѣ звѣздъ.

— Т. е. Апантесъ, ты дѣлаешь уступки а это— начало банкротства. Ты допускаешь вращеніе и шарообразность земли, потому что не позволительно больше сомнѣваться въ этомъ, и ты скоро будешь вынужденъ согласиться, что Адамъ, потопъ и Ноевъ ковчегъ такія же грубыя выдумки, какъ и остановка солнца Іисусомъ Навиномъ, пребываніе Іоны во чревѣ кита и возвратное движеніе

солнечной тѣни въ часахъ Ахаза. Съ чьей стороны банкротство, со стороны ли науки, или со стороны религiи?

— Ги-ган!... Боже мой, Iона во чревѣ кита, это не такъ невозможно, это чудо, вотъ и все, я вѣрю въ это.

— Ты вѣришь въ чудеса, Апробазъ, прекрасно! Чудеса же противорѣчатъ разуму и логикѣ. Религiя учитъ возможности чудесъ, которыми она, кстати, изобильно начинена; слѣдовательно, религiя противна всякому разуму и всякой логикѣ, вотъ и доказана первая часть моего изслѣдованiя.

— Кррр... кррр... вы слишкомъ торопитесь.

— Апантесъ,—отвѣтилъ Каллистъ,—я хотѣлъ доказать, что религiя—врагъ науки. Послѣдняя прибѣгаетъ только къ опытному изслѣдованiю и логикѣ; первая допускаетъ откровенiе и чудо. Открой катехизисъ. Сотворенiе мiра—чудо: Богъ творитъ мiръ изъ ничего!... . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

— И ты думаешь о возможности согласить науку и вѣру! Открой еще катехизисъ, эту книжку, которая даетъ отвѣтъ на все, какъ сказалъ Жуберъ, забывая упомянуть, что она даетъ на все ошибочный отвѣтъ. Онъ тебя будетъ учить, что мы происходимъ отъ Адама, а это ложно; что мы имѣемъ безсмертную душу, это тоже ложно; что есть адъ, рай и чистилище, это ужъ смѣшно и ложно; и что грѣшитъ тотъ, кто ѣстъ въ пятницу скоромное, что совсѣмъ глупо. И ты хочешь сопоставить науку и религiю и говорить о банкротствѣ науки!

— Я васъ больше не слушаю, — сказалъ

оселъ.—Господинъ философъ, если бы вы были знакомы съ твореніями Преп. От. Жири, которыя я недавно перелистывалъ, вы знали бы, что „чтеніе священныхъ книгъ требуетъ подчиненія и покорности разума вѣрѣ, тѣмъ болѣе что онѣ, будучи дѣломъ благодати, не могутъ быть поняты при свѣтѣ естественнаго разума; это чтеніе можетъ быть полезно только при сверхъестественной помощи вѣры; нужно сдѣлать свой умъ покорнымъ и заставить его принимать съ благоговѣніемъ то, что онъ не понимаетъ".

— Хорошо. Но если я долженъ такъ взнуздывать свой упрямый разумъ, какъ я узнаю, что твоя религія не только выше всякой другой, но еще и единая истинная, единая дающая вѣчное спасеніе на выгодныхъ условіяхъ, съ абсолютной увѣренностью и безъ особаго труда? Развѣ ты не знаешь, что каждая религія имѣетъ подобныя притязанія?

— Ги-ган! Но достаточно разсуждать, сравнить... Развѣ другія религіи имѣютъ единство, святость, католичность, апостоличность? Развѣ онѣ имѣли такихъ славныхъ мучениковъ?...

— Постой. Достаточно разсуждать, говоришь ты?... Чудесно. Я разсуждаю о чудѣ: оно—глупость. Я разсуждаю вообще объ откровеніи и его началахъ. Богъ является Моисею въ неопалимой купинѣ, которая *горитъ не сгорая*, и мой разумъ возмущается такимъ разсказомъ. Я разсуждаю о дѣлѣ, данномъ откровеніемъ: оно кишитъ ошибками, оно отражаетъ все невѣжество древнихъ эпохъ, и мой разумъ говоритъ мнѣ, что богъ, такъ мало свѣдущій въ естественныхъ наукахъ,—жалкій богъ; мой разумъ говоритъ мнѣ, что религія, опирающаяся на басню

и на чудо, есть вызовъ, брошенный легковѣрію людей, и вся тонкость доказательства защитниковъ церкви, дорогой оселъ, приводитъ насъ къ такому необыкновенному положенію: *разумъ* долженъ насъ заставить предпочитать всякой другой религіи — религію *противную разуму*!

— Ги-ган! можно ли говорить такъ о священныхъ книгахъ?

— . . . .

Обезьяна перекрестилась, оселъ преклонилъ колѣни и на минуту погрузился въ самую умилительную молитву; Каллистъ же, не заботясь объ учиненномъ святотатствѣ, продолжалъ:

— Я утверждаю еще, что религія служитъ въ рукахъ сильныхъ орудіемъ угнетенія слабыхъ. И отсюда-то происходитъ моя ненависть къ ней. Ибо не важно было бы, что люди собираются вмѣстѣ и воздаютъ божеское поклоненіе облаткѣ изъ прѣснаго тѣста въ золотой чашѣ и вымаливаютъ себѣ на колѣняхъ прощеніе у попа за то, что совокуплялись внѣ брака съ лицами другого пола; не важно было бы, что они считаютъ себя осужденными на вѣчныя мученія за свое нераденіе къ посѣщеніямъ маленькихъ представленій; нѣтъ, все это было бы не важно, если бы религіозныя дѣйствія не влекли за собой слѣдствія другого порядка. Эти слѣдствія—порабощеніе совѣстей евангельской безропотностью. „Если васъ ударятъ по одной щекѣ, подставьте другую". Вся религія заключается въ этихъ словахъ. И благодаря имъ, создались поколѣнія трусливыхъ людей, которые позволили меньшинству самую позорную эксплуатацію человѣческой нищеты. „Блаженни алчущіе!"—говоритъ еще она. А въ продолженіе

этого времени наихристіаннѣйшіе капиталисты живутъ эксплуатаціей пролетаріевъ. „Страдайте терпѣливо на этой землѣ, въ этой жизни, вы будете имѣть право на вѣчное блаженство въ другой жизни". Между тѣмъ какъ праздное довольство спокойно наслаждается своими нечистыми привилегіями. „На колѣни! невѣрующіе, маленькіе, бѣдные, страдающіе. На колѣни! въ повиновеніи и безропотности. На колѣни! чтобы вы долго еще не знали жеста—освободителя, революціоннаго жеста, который заставитъ сытыхъ и довольныхъ возвратить вамъ неправедно взятое. На колѣни! на колѣни! ....для подчиненія господамъ!"

— Безропотность,—возразилъ Апробазъ,—есть добродѣтель, на которую вы очень напрасно нападаете. Что произошло бы, если бы всѣ мы стали бунтовать. Была бы самая ужасная анархія! Гиган!... Господинъ философъ, всегда будутъ богатые и бѣдные, ученые и невѣжи, господа и слуги. Нужно же, чтобы кто-либо приказывалъ, а остальные повиновались.

— Тогда тебѣ нравится быть всегда битымъ?

— Боже мой... ги-ган!... я покоряюсь этому. Я приношу свои страданія Богу и буду вознагражденъ на томъ свѣтѣ.

— А если того свѣта не существуетъ?...

— Существуетъ.

— Если твоя безропотность будетъ безполезна?..

— Моя вѣра непоколебима.

— Она не разумна.

— Да и лучше совсѣмъ не разсуждать о ней. Но знайте, господинъ философъ, безъ вѣры я былъ бы несчастнѣйшимъ изъословъ.

— О Ницше, Ницше! Неужели ты сказалъ правду? Неужели возможно, чтобы люди были созданы для того, чтобы быть рабами? Стало-быть, нужно закрыть свое сердце для всякой жалости, когда видишь, что люди отказываются отъ предлагаемаго освобожденія, что они сами себѣ кладутъ на шею цѣпи и предоставляютъ себя прихотямъ господъ?...

— Войдемъ туда,—сказалъ оселъ. Небольшая молитва успокоитъ меня, послѣ слушанія подобныхъ богохульствъ.

Апантесъ первый проникъ на паперть храма Святой-Внутренности. Онъ подбѣжалъ къ ближайшей чашѣ съ водой, окунулъ въ нее свои волосатыя руки и обрызгалъ свое тѣло всѣми благодатями, присвоенными употребленію святой воды. Потомъ онъ опустился на колѣни, между тѣмъ какъ оселъ набожно цѣловалъ каменныя плиты пола, а Каллистъ стоялъ съ шляпой на головѣ, окидывая глазами многочисленныя *ex-voto*[1]), украшавшія стѣны. Къ нему подбѣжалъ привратникъ, полный благочестиваго гнѣва, слегка усиленнаго абсентомъ, и вылупивъ глаза, закричалъ:

— Обнажите голову. Здѣсь снимаютъ свои шляпы, сударь.

Каллистъ посмотрѣлъ на привратника.

— А что же вы сами раньше не снимете шляпу?—сказалъ онъ.

— Это совсѣмъ другое дѣло. Я имѣю право не снимать свою треуголку, а вы должны снять

---

[1]) Предметы, приносимые въ католическую церковь по обѣту.

шляпу. Вы находитесь въ церкзи, въ домѣ посвященномъ Богу. Передъ Богомъ обнажаютъ голову.

— Почему,—настаивалъ все еще философъ,—почему вашъ Богъ требуетъ, чтобы обнажали *голову*, а не *ноги*, напримѣръ, какъ этого желаетъ богъ мусульманъ?

Привратникъ усмѣхнулся.

— А! а!... Вы, я вижу, шутникъ, это хорошо. Но все таки, снимите свою шляпу, ибо я буду вынужденъ выгнать васъ, если вы не повинуетесь сейчасъ же.

Каллистъ повиновался и снялъ шляпу. Потомъ онъ сталъ осматривать церковь и ея сокровища. Ему было любопытно опредѣлить мѣсто, какое презрѣнное золото занимало среди предметовъ религіи. Божество до такой степени безпокоилось о продажной стоимости предметовъ культа, что нужно ожидать, что когда золото потеряетъ свою цѣнность въ пользу какого либо другого, болѣе драгоцѣннаго, металла, перемѣнится и металлъ дароносицъ. Какъ этотъ богъ похожъ на человѣка! Онъ любитъ богатство и комфортъ, какъ и человѣкъ! Онъ гордъ, какъ и человѣкъ! Онъ хочетъ, чтобы ему угождали подарками и трогали мольбами. Онъ радуется, видя колѣнопреклоненіе богомольцевъ и ихъ низкую лесть. О! какъ онъ любитъ лесть! Нужно говорить ему: „богъ мой, ты добръ, ты справедливъ, ты великъ, ты могучъ, а я, я — ничто, я - пыль!“ И когда передъ этимъ богомъ достаточно унижаются... онъ продолжаетъ чваниться этимъ и посылаетъ на васъ самыя худшія несчастія!

— Гей! господинъ осель,—сказалъ Каллистъ,—объясни-ка мнѣ, какой символъ скрывается подъ

этими каменными статуями, изображающими существа съ пріятными лицами и съ крыльями за плечами . . . .

— Нисколько, — сказалъ Апробазъ. Это — ангелы.

— Ангелы!

— Ги-ган! да, ангелы. Ангелы суть существа, созданныя до начала міра и назначаемыя Богомъ для управленія вселенной.

— . . . .
. . . .
. . . .

— Поздравляю тебя, Апробазъ, ты владѣешь солиднымъ образованіемъ. Скажи мнѣ, какое назначеніе этихъ будокъ съ тремя отдѣленіями?

— Исповѣдаленъ? Ги-ган!., покаяніе—одно изъ величайшихъ таинствъ. Грѣшникъ съ чистосердечнымъ раскаяніемъ исповѣдуетъ свои грѣхи священнику. Священникъ говоритъ ему: *Ego te absolvo* [1]) и отпускаетъ его очищеннымъ.

— Все это чудесно. Но резюмируемъ вкратцѣ, что требуетъ отъ своихъ адептовъ эта католическая религія? Ничего не скрывай отъ меня, Апробазъ.

— Ги-ган!... Прежде всего нужно креститься. Крещеніе смываетъ первородный грѣхъ.

. . . .
. . . .
. . . .

— Прекрасно. Затѣмъ?

---

[1]) Разрѣшаю тебя.

— Затѣмъ, нужно повиноваться заповѣдямъ Бога и церкви. Какъ только человѣкъ согрѣшитъ противъ этихъ заповѣдей, онъ долженъ очиститься черезъ таинство покаянія. Потомъ приступить, по меньшей мѣрѣ разъ въ годъ, къ причастію...

— . . . .
. . . .

— Я не слушаю вашихъ святотатственныхъ насмѣшекъ. Наконецъ, нужно жить, какъ подобаетъ доброму христіанину, т. е. вѣрить во все то, чему учитъ церковь, ибо папа непогрѣшимъ, когда онъ говоритъ съ кафедры. И нужно молиться святому Іосифу, чтобы онъ сподобилъ насъ умереть по христіански.

— Апробазъ, что будетъ съ человѣкомъ, который жилъ такимъ образомъ, добрымъ христіаниномъ? Какія выгоды извлечетъ онъ изъ своего абсолютнаго повиновенія ученію Церкви?

— Ги-ган!.. добрый христіанинъ, умершій въ состояніи благодати, идетъ въ рай (или въ чистилище, если ему остается искупить нѣкоторые простительные грѣхи). Что касается до грѣшника, то онъ навѣки осужденъ терпѣть мученія ада. Разумѣется, время пребыванія въ чистилищѣ можетъ быть уменьшено, благодаря индульгенціямъ, присвоеннымъ извѣстнымъ молитвамъ. Такъ, одно призываніе: „Святая-Внутренность помилуй насъ“! соотвѣтствуетъ тремъ стамъ днямъ индульгенціи.

— Скажи мнѣ, Апробазъ, что такое рай?

— Мѣсто блаженствъ, гдѣ праведные имѣютъ счастье видѣть Бога лицомъ къ лицу.

— . . . .
. . . . церковь бросала людей однихъ противъ другихъ; впро-

долженіе вѣковъ, терроризировала народы, . . .
. . . . учила ненависти къ труду и любви! Только ради этого смѣшного рая она насыщала трусостью сердца людей! Только ради этого вздорнаго рая она душила разумъ и распространяла вѣрованія въ безсмертную душу и въ невѣсть какую другую жизнь, гдѣ будутъ вознаграждены простофили, соглашающіеся на отреченіе отъ своихъ правъ въ пользу сильныхъ, бездѣльниковъ, соціальныхъ паразитовъ! Только ради этого дѣтскаго рая столько людей отказывалось отъ земныхъ радостей—единыхъ истинныхъ—а народъ обливался потомъ, истекалъ кровью, лилъ слезы на всѣхъ дорогахъ, во всѣхъ геенахъ, подъ всѣми небесами! Какъ я понимаю этотъ прелестный афоризмъ Ренана: „Человѣческая глупость лучше всего даетъ идею о безконечномъ"!

— Наконецъ, наконецъ,—закричалаобезьяна,—какое вы имѣете право отрицать рай?

— . . . .

Оселъ не выдержалъ и убѣжалъ. Каллистъ долженъ былъ послать за нимъ Апантеса. И отнынѣ Апробазъ рѣшилъ не раскрывать рта. Онъ послушно слѣдовалъ за философомъ, который шелъ рядомъ съ обезьяной. Такъ они обошли всю церковь, украшенную воззваніями къ Святой-Внутренности.

Папа совершилъ необыкновенную вещь: онъ посвятилъ Святой-Внутренности весь человѣческій родъ. И среди этого человѣческаго рода не нашлось ни одного гражданина, который спросилъ бы

христіанскаго далай-ламу: чего онъ суется не въ свое дѣло, и запретилъ бы ему набрасывать смѣшное на очень значительную часть человѣчества. Къ чести человѣчества, не всѣ люди приняли позорное клеймо католической религіи.

На столбахъ висѣли многочисленныя кружки. Столько дѣлъ предлагалось спасенію грѣшниковъ! Духовное всегда, свѣтское никогда. Ибо ходатайства о милостыни въ пользу школъ, ясель, попечительствъ производилось только въ видахъ спеціальнаго образованія, которое они распространяли. Все, что способствовало усиленію Церкви и ея вліянія, было богоугоднымъ дѣломъ, которое слѣдуетъ поощрять. И другія кружки предлагались глупому легковѣрію христіанъ: „Кружка для доброй смерти, Кружка для душъ чистилища, Кружка Святого Антонія". Казалось, развитіе христіанства готовитъ возвратъ къ самымъ грубымъ суевѣріямъ древняго варварства.

Какое различіе могло существовать между негромъ, обожателемъ фетишей, и добрымъ католикомъ, повергнутымъ ницъ передъ чудотворными реликвіями? Выставленные для поклоненія неопредѣленные и недостовѣрные останки привлекаютъ тысячи богомольцевъ, готовыхъ убивать другъ другъ за право поцѣловать стекло ковчежца съ мощами.

Кліенты Лурда, триста тысячъ пѣшеходовъ, идущихъ каждый годъ принести *публичное покаяніе* передъ пещерой Бернадетта Субируса и выпить чудесной воды; почитатели святого Антонія Падуанскаго, святого слуги, который помогаетъ отыскивать потерянныя вещи, доставляетъ занятія безработнымъ, обезпечиваетъ успѣхъ экзаме-

новъ, выигрываетъ тяжбы, совершаетъ поѣздки и возвращается домой; вѣрующіе въ чудотворцевъ, эти бѣдные умы до такой степени проникнутые значеніемъ ихъ, что допускаютъ возможность нарушенія законовъ природы изъ-за самыхъ безполезныхъ поступковъ ихъ смѣшного существованія... развѣ все это не возвращаетъ насъ далеко назадъ, въ мрачные вѣка невѣжества и глупости? Разумъ, бѣдный человѣческій разумъ, нашъ единственный свѣточъ въ темномъ лѣсу явленій, гаснетъ подъ могучимъ дуновеніемъ христіанства.

На фронтонѣ этого зданія лжи, эксплуатируемой во имя Іисуса изъ Назарета, были высѣчены такія смѣшныя слова: *Credo quia absurdum*[1])". И народы преклонились, попавъ въ руки господъ, они отреклись отъ своего права мыслить и дѣйствовать—созрѣвши отнынѣ для порабощенія...

Каллистъ почувствовалъ отвращеніе къ дерзкому и преступному дѣлу религіи, убивающему всѣ человѣческія силы. Онъ потащилъ за собой обезьяну и осла, вышелъ торопливо изъ храма и на ступенькахъ вздохнулъ. Сильный вѣтеръ обвѣвалъ холмъ, отгоняя даже самыя мысли о толпахъ богомольцевъ. И Каллистъ захотѣлъ видѣть въ этомъ символъ нѣкотораго будущаго часа, когда, наконецъ, осуществилась бы эта мечта очищеннаго человѣчества, радостно идущаго къ прогрессу среди пепла догматовъ и праха мертвыхъ храмовъ.

---

[1]) **Вѣрю, потому что нелѣпо.**

ГЛАВА VII.

Та же коалиція для защиты собственности и капитала.

Въ тотъ же вечеръ оселъ, обезьяна и философъ ночевали въ покинутой конюшнѣ стараго отеля. Хотя у Каллиста и была гдѣ-то въ Архаполисѣ комната, весьма прилично обставленная мебелью, однако онъ не могъ и думать пріютить въ ней своихъ спутниковъ. Оселъ не согласился бы, безъ солидныхъ возраженій, подняться на сто двадцать ступенекъ вверхъ, а привратница, обязанная заботиться объ исправномъ состояніи недвижимости, не потерпѣла бы нарушенія обязательства, въ должной формѣ заключеннаго между Каллистомъ и его хозяиномъ и упоминающаго, что названному Каллисту воспрещается держать у себя фортепьяно, дѣтей, четвероногихъ домашнихъ животныхъ, птицъ и горшковъ съ цвѣтами, стирать бѣлье, громко разговаривать послѣ десяти часовъ вечера и поздно возвращаться домой безъ предварительнаго увѣдомленія. Такъ что Каллистъ былъ очень радъ счастливому случаю, представившему въ его распоряженіе уютную конюшню, куда можно было проникнуть, раздвинувъ плохо прибитыя доски забора.

Пообѣдавъ, обезьяна и оселъ стали искать себѣ развлеченій высшаго вкуса. Сначала имъ пришла въ голову мысль поджечь перегородку, отдѣлявшую ихъ отъ службъ отеля, но послѣ нѣкотораго размышленія дѣло показалось имъ мало забавнымъ и не лишеннымъ опасности. Поэтому они рѣшили лучше бесѣдовать о прежнихъ жильцахъ конюшни и о владѣльцахъ оныхъ.

— Здѣсь должно быть была лошадь,—предполагала обезьяна.

— Ги-ган! скорѣй оселъ, — сказало однокопытное.

— Какъ должны быть счастливы тѣ, у кого есть прекрасный отель, уютная конюшня и пара добрыхъ рысаковъ!

— Ги-ган! У меня никогда не будетъ ничего подобнаго.

— У меня тоже.

— Мои родители не оставили мнѣ состоянія, бѣдные!

— Мои не могли мнѣ завѣщать даже маленькаго клочка земли... кррр... кррр... царство имъ небесное!

— Ги-ган! тѣмъ хуже для насъ!

Здѣсь философъ счелъ нужнымъ вмѣшаться.

— Вы, кажется, огорчены тѣмъ, что не получили наслѣдства?—спросилъ онъ.

— Конечно,—отвѣтилъ оселъ,—но я вовсе не завидую тѣмъ, кому судьба покровительствовала больше, чѣмъ мнѣ. Справедливость требуетъ того, чтобы родители передавали своимъ дѣтямъ имѣнія, которыя они сами наживали съ такимъ трудомъ.

— Кррр... кррр... иначе, къ чему работать и создавать себѣ столько заботъ?

— А! да, — пробормоталъ Каллистъ, — вѣчно старая религіозная идея о трудѣ-наказаніи. Мечтой для нѣкоторыхъ было бы лежачее положеніе и помощь негра, обязаннаго вводить имъ въ ротъ вполнѣ разжеванную пищу. Печально то воспитаніе, которое создаетъ такихъ людей. Къ счастью, есть другіе люди, для которыхъ трудъ — наслажденіе, гармоническая потребность нашей жизни, конечно, при условіи, что онъ не будетъ израсходованъ въ исключительную пользу господъ. Двѣ причины, преимущественно, способствуютъ тому, что трудъ становится ненавистнымъ: увѣренность, что онъ мало обогатитъ производящаго его, и вынужденность очень часто заниматься профессіей, мало соотвѣтствующей нашимъ способностямъ и нашимъ вкусамъ. А есть тѣсное соотношеніе между первой причиной и вопросомъ наслѣдства, прелести котораго вы оба такъ желали бы извѣдать. „Право наслѣдства, сказалъ Максъ Нордау, укрѣпляетъ и преувеличиваетъ соціальныя неравенства". Слѣдовательно, пока общество будетъ признавать принципъ его, трудъ останется ненавистнымъ. Одинъ только этотъ доводъ говорилъ бы въ пользу уничтоженія права завѣщанія.

— Ги-ган! ги-ган!... Кррр... кррр... кррр...

Поднялась невообразимая суматоха. Обезьяна вскочила на загривокъ осла, тотъ сталъ, въ свою очередь, брыкать перегородку конюшни. А ревъ и крики, по своей силѣ, позволяли предположить о внезапномъ приключеніи какого либо большого несчастія: уничтоженія всѣхъ благъ, дорогихъ этимъ животнымъ и, быть можетъ, серьезнаго покушенія на ихъ жизнь.

— Почему такой шумъ? — спросилъ Каллистъ. — Можно подумать, что земля сейчасъ лопнетъ оттого, что я заговорилъ объ уничтоженіи наслѣдства.

— Но, кррр... кррр... вы—безсовѣстный. Право наслѣдованія есть только приложеніе самаго права собственности. Если бы я не имѣлъ права завѣщать тѣмъ, кого я люблю, плоды своихъ трудовъ, развѣ я взялъ бы на себя столько труда? Развѣ я не довольствовался бы работой, которой достаточно было бы для моихъ ежедневныхъ потребностей? Развѣ я лишалъ бы себя столькихъ удовольствій?

— Апантесъ, нехорошо работать вдвойнѣ. Дѣлая это, ты крадешь у другихъ часть труда, и безработица является прискорбнымъ слѣдствіемъ этого. Не преувеличивай работу каждаго дня. Предоставь что либо дѣлать своимъ согражданамъ. Отдохни.

— Кррр... вы неизящно шутите. Какъ? я буду работать всю свою жизнь для того, чтобы отложить про запасъ немного денегъ, и не буду имѣть права завѣщать ихъ своимъ дѣтямъ? Вы можете взять у меня мои деньги, мои дорогія деньги, плодъ моихъ трудовъ...

— Или трудовъ другихъ.

— ... Вы возьмете у меня недвижимость, которую я смогъ бы купить съ большимъ трудомъ, заводъ, который я заставилъ бы процвѣтать, дивиденды предпріятія, которое сдѣлалось доходнымъ, благодаря моимъ заботамъ! Вы—безсовѣстный, говорю вамъ... кррр... кррр... и несчастный.

— Трижды несчастный! ги-ган! — добавилъ оселъ. Деньги, оставленныя нашими родителями, — священныя деньги, мы должны ихъ передать на-

шимъ дѣтямъ, увеличивая всѣмъ тѣмъ состояніемъ, которое мы сами наживемъ.

— Я заслуживаю, вѣроятно, ваши упреки, — скромно сказалъ Каллистъ.

Однакожъ, я постараюсь оправдаться. Твои слова, Апробазъ, содержатъ защиту тройной несправедливости: 1) капитала, 2) собственности и 3) наслѣдства, т. е. права передавать капиталъ или собственность. Покончимъ сперва съ этой передачей. Какимъ образомъ человѣкъ можетъ нажить состояніе? Можетъ ли копить деньги отшельникъ, живущій въ пещерѣ? Нѣтъ, ибо его трудъ, чтобы принести прибыль, долженъ быть обмѣненъ на другую цѣнность. Идея обмѣна предполагаетъ идею общества. Сверхъ необходимаго для его существованія количества продуктовъ: пищи, одежды, общеупотребительныхъ предметовъ, ему было бы безполезно дѣлать запасы съ другой какой-либо цѣлью, чѣмъ его *личное* существованіе, такъ какъ онъ живетъ и долженъ жить одинъ. Накопленіе становится возможнымъ только тогда, когда онъ перестаетъ быть отшельникомъ и вступаетъ въ сношеніе съ другими людьми, т. е. входитъ *въ общество.* Такимъ образомъ, прибыль является результатомъ нѣкотораго рода ассоціаціи между индивидуумомъ съ одной стороны и обществомъ съ другой. Общество—необходимый и обязательный помощникъ реализаціи какой-либо выгоды для индивидуума. Развѣ несправедливо было бы, разъ индивидуумъ пользовался въ продолженіе своей жизни выгодами, которыми онъ обязанъ обществу, чтобы онъ возвратилъ ихъ ему по своей смерти! Я говорю, разумѣется, предполагая такое же несовершенное, какъ и наше, общество, ибо въ обще-

ствахъ будущаго, гдѣ накопленіе станетъ неизвѣстнымъ, этотъ вопросъ не возникнетъ даже.

— Кррр... кррр... тогда сыновья были бы принуждены работать такъ же, какъ и ихъ отцы?

— Увы! печальная и жестокая необходимость, не правда ли, Апантесъ? Пожалуй, не увидишь больше юныхъ Адонисовъ, проводящихъ свою жизнь въ поискахъ за дорого стоющими удовольствіями, среди изысканныхъ пировъ, прихотливыхъ женщинъ, мотовства, истребленія ради удовольствія всего того, что было бы такъ необходимо другимъ людямъ. Трудъ сталъ бы общимъ закономъ, къ великому соблазну, такъ называемыхъ, правящихъ классовъ, къ величайшей радости пролетаріевъ.

— Ги-ган! ги-ган!... какой позоръ! Тогда пришлось бы работать потомкамъ Людовика XIV-го?

— Да, любопытное зрѣлище, не правда ли? Толпой сбѣжались бы посмотрѣть на это.

— Кррр... кррр... это конецъ всего. И, безъ сомнѣнія, обширныя помѣстья, изъ рода въ родъ передаваемыя крупными владѣльцами сыновьямъ своимъ, возвратились бы въ общественную собственность?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Земля должна принадлежать не нѣкоторымъ, а всѣмъ.

— Кррр... кррр... конецъ всего, говорю вамъ, конецъ всего,

— Нѣтъ, конецъ злоупотребленій просто. На чемъ основывается право собственности?

— Какъ на чемъ основывается... ги-ган!... право собственности? Но весь свѣтъ вамъ скажетъ...

— Я смѣюсь надъ всѣмъ свѣтомъ. Воздухъ — необходимъ для жизни; вода—необходима для жизни; пища—необходима для жизни, слѣдовательно, су-

ществуетъ естественное право *для всѣхъ* пользоваться воздухомъ, водой и землей, производительницей пищи. Земля должна кормить всѣхъ людей, что невозможно, если она захвачена нѣкоторыми.

— Кррр... позвольте, вы забываете, что право собственности основано на очень серьезной теоріи, которую ваши возраженія не могутъ поколебать. Это теорія перваго занимающаго. Земля, которую я занялъ первый,— моя, я могу передавать ее кому хочу, могу не допускать своихъ ближнихъ пользоваться ею.

— Но, тройная обезьяна, почему фактъ занятія земли даетъ тебѣ право на нее? Тогда достаточно тебѣ объявить, что участокъ земли, который ты обошелъ кругомъ или исходилъ вдоль и поперекъ, принадлежитъ тебѣ, чтобы всѣ преклонились предъ твоимъ рѣшеніемъ и уважали его изъ рода въ родъ?

— Ги-ган!... есть теорія гораздо серьезнѣй этой, основанная на трудѣ. Трудъ создаетъ цѣнность вещей. Слѣдовательно, земля, которую я расчистилъ, осушилъ, обработалъ, принадлежитъ мнѣ, ибо она имѣетъ цѣнность только благодаря тому труду, который я затратилъ на нее.

— Прекрасно. Слѣдовательно, во 1-хъ—садъ въ центрѣ Архаполиса не имѣетъ никакой цѣнности, а во 2-хъ—фермеръ долженъ быть собственникомъ своей фермы и ея угодій, а не дѣйствительный владѣлецъ ея.

— Ги-ган! ги-ган! не знаю, что вамъ отвѣтить... но я увѣренъ, что вы неправы. Развѣ человѣческая личность возможна безъ присвоенія извѣстной собственности?

— Господинъ оселъ, почему вы хотите, чтобы только нѣкоторые могли заявлять о такой личности? Если всѣ люди имѣютъ безусловное право на жизнь, самое священное изъ правъ, почему вы находите справедливымъ, чтобы экономическое неравенство препятствовало пользоваться имъ? Собственность обезпечиваетъ право на жизнь всѣмъ собственникамъ, а что вы будете дѣлать съ тѣми, у кого вся собственность состоитъ только въ трудѣ, когда имъ не удается отдать въ наемъ этотъ трудъ?

— Кррр... кррр... что жъ! можно усовершенствовать, можно издать хорошіе законы...

— Апантесъ, не утомляй свою мозговую оболочку. Лучшій законъ будетъ тотъ, который всѣ ихъ уничтожитъ. А земля станетъ общимъ достояніемъ людей, и всѣ будутъ пользоваться ею свободно, какъ свѣтомъ дня. Теперь что вы можете сказать еще въ защиту собственности?

— Ги-ган!... вы—софистъ!

— Кррр... кррр... мечтатель!

— Опасный мечтатель!

— Софистъ, котораго слѣдовало бы посадить въ тюрьму.

— Я обѣщалъ вамъ,—продолжалъ Каллистъ,— тройное доказательство тройной несправедливости: наслѣдства, собственности и капитала. Мнѣ остается еще поговорить о капиталѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ги-ган!... вы довольно наговорили ругательствъ противъ всего, что должно быть уважаемо.

— О!—насмѣшливо сказала обезьяна,—пусть говоритъ; все, что онъ можетъ сказать, не измѣнитъ ничего въ установленномъ порядкѣ вещей.

— Капиталъ, — сказалъ философъ, — представляетъ изъ себя нѣчто мало отличное отъ собственности; это — то, что приноситъ прибыль, т. е. доходъ, безъ труда его владѣльца. Капиталъ родится изъ прибавочной стоимости труда рабочаго и увеличивается на ея счетъ. И тогда происходитъ странное явленіе. Рабочій, производитель того труда, который составляетъ единственную сущность мѣновой цѣнности и который позволилъ прибавочной стоимости превратиться въ капиталъ, становится зависимымъ отъ капитала. Выброшенный на рынокъ, какъ продавецъ своей рабочей силы, онъ подвергается всѣмъ колебаніемъ заработной платы, всѣмъ неожиданностямъ безработицы. Какимъ же образомъ могъ родиться капиталъ? Какъ могло произойти это первоначальное накопленіе?

— Благодаря труду, — сказалъ оселъ. Первые капиталисты были работниками, и вполнѣ справедливо, чтобы ихъ потомки пользовались плодами ихъ трудовъ.

— Кррр... кррр... да, оселъ правъ, — сказала обезьяна, зѣвая.

— Первоначальное накопленіе, — невозмутимо продолжалъ Каллистъ, — производилось силой. Когда были открыты золотые и серебряные рудники Америки, эксплуататоры обратили въ рабство жителей ея и загнали ихъ въ рудники, гдѣ они производили добываніе драгоцѣнныхъ металловъ для своихъ побѣдителей. Сила же позволила торговлю неграми въ Африкѣ и грабежъ восточной Индіи. Кромѣ того, этому помогали торговыя войны: возстаніе Голландіи противъ Испаніи, крестовый походъ Англіи противъ французской рево-

люціи. Опійныя войны и т. п. Всѣ способы пускались въ ходъ государственной властью и силой.

— Хорошо,—сказалъ оселъ,—къ чему вы говорите это?

— А вотъ къ чему,—объявилъ философъ.— Собственность, какова бы ни была ея форма, не можетъ быть основана ни на занятіи, ни на трудѣ, слѣдовательно, она безнравственна и несправедлива, какъ это доказалъ Прудонъ. Такъ какъ она образовалась благодаря одному только употребленію силы и поддерживается до сихъ поръ силою же, то вы, быть можетъ, найдете справедливымъ, если жертвы ея рѣшатся когда либо обратить эту силу противъ плутократовъ и отобрать у нихъ насильственно землю и машины для того, чтобы сдѣлать ихъ собственностью всѣхъ.

Ревъ и крики покрыли послѣднія слова Каллиста. Потомъ оселъ сталъ жевать овесъ, который нужно было силой всунуть ему въ ротъ, чтобы заставить его замолчать. Въ концѣ концовъ и обезьяна заснула, завернувшись на половину въ плащъ философа. И старая конюшня погрузилась въ безмолвный—легендарный, быть можетъ—покой монастырей.

ГЛАВА VIII.

Та же коалицiя для защиты власти и силы.

Однажды утромъ, во время прогулки въ окружающихъ Архаполисъ лѣсахъ, у обезьяны и осла было секретное совѣщанiе. Увлеченный чтенiемъ книги, философъ нѣсколько поотсталъ. Щипля траву и грызя орѣхи, Апробазъ и Апантесъ повѣряли другъ другу возмущенiя своей души. Цинизмъ Каллиста становился для нихъ невыносимымъ; продолжая слушать самыя худшiя теорiи, самыя дерзкiя отрицанiя, не рискуютъ ли они потерей того цвѣтка непорочности, который распустился въ ихъ душѣ, благодаря неусыпнымъ и самоотверженнымъ заботамъ христiаннѣйшихъ воспитателей? Оселъ сослался на восемьдесятъ положенiй Силлабуса, [1]) обезьяна обратилась къ многовѣковому преданiю, которое старой несправедливости даетъ имя справедливости, заблужденiю имя истины; всему, что глупо—названiе превосходнаго; и эти два авгура пришли къ соглашенiю о необходимости отдѣлить доброе зерно отъ плевелъ, какъ сказано въ евангелiи отъ Матѳея, въ XIII главѣ.

Итакъ, оселъ вооружился большимъ мужествомъ, обезьяна приняла важный видъ и, первый неся вторую, они предстали передъ Каллистомъ.

---

1) Списокъ заблужденiй, осужденныхъ папой.

— Что такое, въ чемъ дѣло?—спросилъ удивленный философъ.

— Дѣло въ слѣдующемъ, сударь, — сказалъ оселъ. Этотъ союзъ троихъ: вы, Ки-ки и я, становится опаснымъ для обезьяны и вашего покорнаго слуги. Безъ сомнѣнія, на первыхъ порахъ нашей связи, намъ было пріятно узнать съ вашей помощью неизвѣстныя вещи, проникнуть въ нравы и обычаи Архаполиса, о которыхъ мы знали лишь по книгамъ, но, ги-ган, такое положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться. Вы взялись, слѣдуя не знаю какому преступному и дьявольскому умыслу, исторгнуть изъ нашихъ душъ самыя спасительныя вѣрованія. Оба мы, и обезьяна и я, полны уваженія къ установленнымъ учрежденіямъ. У меня слабость къ прошлому, у обезьяны—къ настоящему. Но оба мы хотимъ сохраненія религіи и собственности. Сударь, ваши попытки не возьмутъ неграненаго алмаза, вставленнаго въ желѣзо нашихъ убѣжденій. Однакожъ, такъ какъ намъ было бы непріятно подвергаться дольше вашимъ язвительнымъ насмѣшкамъ, мы имѣемъ честь, сударь... (тутъ оселъ сталъ на колѣни и очень низко поклонился, что чуть было не вызвало паденія обезьяны) ...объявить вамъ о нашемъ уходѣ.

— Прекрасно,—сказалъ Каллистъ,—я иду съ вами.

— Кррр... кррр... Ахъ, нѣтъ!

— Ги-ган! это—дерзкое злоупотребленіе властью.

— Вы не съумѣете вести себя одни.

— Кррр... извините. Мы будемъ пить и ѣсть тамъ, гдѣ найдемъ, будемъ гулять до усталости и ляжемъ спать, гдѣ намъ понравится.

— Я съумѣю помѣшать вамъ.

— Кррр... вы, стало-быть, прибѣгнете къ силѣ?

— Я буду только подражать правителямъ, королямъ, законодателямъ, къ которымъ вы чувствуете такое глубокое уваженіе.

— Это не одно и то же. Во имя порядка и справедливости, ги-ган! власть должна примѣняться въ современныхъ обществахъ.

— Во имя порядка и справедливости, Апробазъ, я намѣреваюсь удержать тебя противъ твоей воли.

— Вы не думаете объ этомъ.

— Что же! нѣтъ. Я долженъ бы отпустить тебя на свободу и позволить тебѣ по-своему наслаждаться жизнью на лонѣ природы. Но я знаю, что мой поступокъ несправедливъ, и не буду имѣть лицемѣрія утверждать, что я пользуюсь властью для счастья другихъ. Итакъ, злоупотреблю еще нѣкоторое время своей властью, чтобы убѣдить васъ въ гнусности ея.

— Кррр... начинаются новыя разглагольствованія.

— Апантесъ, и ты, Апробазъ, уважаете ли вы власть такъ же, какъ и силу, на которую она опирается?

— Власть правительства—да, но не вашу.

— Во имя порядка и справедливости, ги-ган!

— Да, да, кррр... кррр... во имя порядка и справедливости!

— Итакъ, порядокъ и справедливость — это слишкомъ большое изобиліе для нѣкоторыхъ, голодъ для многихъ; роскошь для первыхъ, нищета для послѣднихъ; праздность для однихъ, чрезмѣрный трудъ для другихъ; порядокъ и справедли-

вость—это повиноваться, когда приказываютъ господа; это, будучи нищимъ, позволить убивать себя за привилегіи плутократіи!

— О! о! о! ги-ган! кррр...

— Преступленіе, бродяжничество, нищенство, воровство, проституція, самоубійство, нищета, безработица, мятежъ, война, банкротство, ложь, развращенность, — итакъ, вотъ порядокъ и справедливость, происходящіе отъ пользованія властью и употребленія силы!

— Кррр... Вотъ что я вамъ скажу, господинъ Каллистъ. Не пользованіе властью влечетъ за собой всѣ упомянутыя вами бѣдствія, а отказъ отдѣльныхъ лицъ подчиняться ей.

— Да, вашъ идеалъ — порабощенная нація, очень низко согнутая подъ сапогъ господъ. Однакожъ, это совсѣмъ не рѣшаетъ вопроса. Справедлива ли власть или нѣтъ?

— Ги-ган! да, въ интересахъ самихъ людей.

— Апробазъ, ты цѣпляешься за утилитарныя теоріи; мы къ нимъ вернемся позднѣе. Но какое право имѣетъ человѣкъ повелѣвать себѣ подобнымъ?

— Эхъ!

— Ты не знаешь, я тебѣ сейчасъ скажу это. Повелѣваніе не право, это — злоупотребленіе силой. Въ отдаленныя времена это было физическое превосходство; затѣмъ страхъ, внушаемый колдунами, жрецами и магами, окружилъ ихъ ореоломъ дѣйствительной власти; позднѣе хитрецы стали хвастаться привилегіей своего рожденія для того, чтобы издавать распоряженія, которыя военная каста, вѣрный помощникъ власти, заставляла уважать; а въ наше время плутократія, неизмѣнно поддерживаемая военной кастой, вырабатываетъ законы,

предназначенные защищать ея прерогативы. Развѣ старѣя, злоупотребленіе силой, предоставившее при первыхъ шагахъ общества слабаго въ распоряженіе сильнаго, могло бы стать правомъ?

— Господинъ Каллистъ,— заревѣлъ оселъ, общественный договоръ требуетъ, чтобы вы подчинялись законамъ.

— Да, да,—подтвердила обезьяна,—разъ вы составляете часть общества, вы должны слѣдовать распоряженіямъ, которыя оно налагаетъ на своихъ членовъ.

— Послушай, Апантесъ, и ты, Апробазъ, развѣ я отвѣтствененъ за этотъ общественный договоръ? Развѣ я его скрѣплялъ? И если мои предки подчинились ему, то почему и я долженъ дѣлать то же? Одна лишь Библія осуждаетъ человѣчество за проступокъ воображаемыхъ предковъ, разумъ же отказывается допустить такую чудовищность... Тогда?.. Со дня моего рожденія меня пеленаютъ въ пеленки закона. Всякое стремленіе къ свободѣ, первому условію счастья, жестоко изгоняется. Съ того времени, какъ мое имя запишутъ въ подробномъ соціальномъ каталогѣ, меня учатъ, что я долженъ повиноваться законамъ своей страны. Кто же ихъ составилъ, эти законы? Люди, о которыхъ исчезло само воспоминаніе, которые никоимъ образомъ не могли знать нашихъ желаній, нашихъ потребностей, нашихъ страданій, но дѣло которыхъ, какъ позорный желѣзный ошейникъ, продолжаетъ лежать на нашихъ плечахъ. Есть ли у меня надежда уйти въ какую либо далекую землю свободы? Нѣтъ. Вся земля раздѣлена на небольшое число государствъ, и законы, иногда несходные и противорѣчивые, но всегда обязательные,

дѣйствуютъ въ нихъ съ неумолимой жестокостью. Одѣнутъ человѣка жандармомъ, урядникомъ, и я обязанъ повиноваться ему, я, считающійся свободнымъ гражданиномъ! Иногда мнѣ присылаютъ письма такого рода: „По приказу Военнаго Министра предписывается... (такому-то)... явиться... (тогда-то)... (туда-то)“. Тогда этотъ министръ, имени котораго я могу и не знать, имѣетъ право начальствовать надо мной и распоряжаться моей жизнью.

— Ги-ган! но, господинъ Каллистъ, министръ является представителемъ той власти, которая была ему ввѣрена націей. Прежде одинъ только король, по божественной волѣ, пользовался этой властью. Въ настоящее время парламенты пожелали принять ее на себя. Но будетъ ли это божественное право, или человѣческое, вы все же должны повиноваться.

— Крpp... кррр .. Для счастья возможно большаго числа людей, сударь.

— Счастье возможно большаго числа людей не оправдываетъ несправедливостей, совершенныхъ по отношенію къ нѣкоторымъ. Каждый человѣкъ имѣетъ право на абсолютную свободу, безъ ограниченій, какъ онъ имѣетъ право на свѣтъ, какъ онъ имѣетъ право на воздухъ, воду и продукты земли. Апробазъ, читалъ ли ты Дидро?

— Ги-ган! Тьфу!...

— Кррр... Дидро! Атеистъ!

— Запомните же эти два стиха великаго философа:

«Природа не создала ни слугъ, ни господъ,
«Я не хочу ни давать, ни принимать законовъ».

Лучше, всѣхъ молитвъ въ мірѣ ихъ ежедневное повтореніе создало бы сознательный, гордый и благородный умъ у молодыхъ поколѣній.

— Ги-ган! ну, нечего сказать, хорошо бы было, если бы никто не захотѣлъ повиноваться.

— Да, да,—усмѣхнулась обезьяна,—хорошо бы было.

— Вы отвѣчаете мнѣ во имя пользы и случайностей, когда я вамъ говорю во имя справедливости. Еще разъ, имѣетъ ли человѣкъ право повелѣвать другими? Нѣтъ, слѣдовательно, законъ несправедливъ. Впрочемъ, у него одна лишь цѣль—защищать собственность, другую форму несправедливости. И посмотрите, куда ведутъ тѣ слѣдствія, на которыя вы то и дѣло ссылаетесь. Владѣть—несправедливо, повелѣвать—несправедливо, вотъ и доказано, что армія—несправедливое учрежденіе, такъ какъ она служитъ несправедливой собственности и несправедливой власти; а патріотизмъ—подкрашенный алкоголь, которымъ одурманиваютъ народъ, чтобы онъ оставался покорной скотиной на службѣ у своихъ господъ. Нѣтъ ничего забавнѣй, какъ видѣть босяковъ, бѣгущихъ на границу для защиты денежныхъ сундуковъ буржуазіи. Ахъ! носители султановъ на каскѣ, у кого не сходятъ съ языка слова о законѣ, судейскомъ приговорѣ, національной арміи, неосвязаемомъ отечествѣ, чести знамени, вы живете безстыдной эксплоатаціей всей этой нищеты, всѣхъ этихъ великихъ соціальныхъ гнусностей—какъ *lumbricus puter* [1]) на трупѣ герцогини!

— Ги-ган!... Кррр... кррр!... да вѣдь онъ—сумасшедшій! онъ—сумасшедшій! И оселъ и обезьяна принялись бѣгать вокругъ философа, оглашая воздухъ своими криками!

---

[1]) Могильный червь.

ГЛАВА IX.

Та же коалиція для защиты нравственности во имя долга.

— Онъ — сумасшедшій! онъ — сумасшедшій! — твердилъ оселъ.

И изъ жалости Апробазъ и Апантесъ оставались нѣсколько недѣль вмѣстѣ съ философомъ, готовые прійти къ нему на помощь по мѣрѣ средствъ своихъ. Молча они признали необходимость позволять ему разглагольствовать сколько угодно, совсѣмъ не противорѣча ему изъ опасенія раздражить его. Гнѣвъ сумасшедшаго могъ повлечь за собой самыя прискорбныя послѣдствія, а Каллистъ, несомнѣнно, сошелъ съ ума. Какъ же иначе объяснить тѣ теоріи, которыя онъ имѣлъ дерзость высказывать и которыя стремились къ уничтоженію всей соціальной системы, освященной вѣками непрерывнаго—хотя и колебавшагося—существованія? Сумасшествіе Каллиста все таки не мѣшало ему проявлять активную дѣятельность въ чисто второстепенныхъ вопросахъ. Въ нѣсколько дней, при помощи неизвѣстно какихъ уловокъ, онъ мобилизировалъ несмѣтныя богатства, набилъ заднюю часть конюшни сѣномъ, наполнилъ цѣлыя ясли кокосовыми орѣхами, разостлалъ мягкіе ковры въ качествѣ подстилки для всей его труппы. Онъ даже

съ удовольствіемъ позвякивалъ монетами, предназначенными, какъ онъ говорилъ, облегчить обезьянѣ и ослу входъ въ главные кафе-концерты, гдѣ пѣлись патріотическія пѣсни. Онъ утверждалъ, наконецъ, что дружба съ префектомъ полиціи служила ему превосходнымъ средствомъ для достиженія цѣли въ щекотливыхъ комбинаціяхъ. И обезьяна съ осломъ не знали, заключалась ли въ этомъ утвержденіи иронія, или же оно носило на себѣ печать истины. Вѣдь столько людей гордится симпатіями, которыми они совсѣмъ и не пользуются! Когда человѣкъ отрекается, подобно Каллисту, отъ самыхъ уважаемыхъ вѣрованій, онъ очень часто способенъ дѣлать фальшивыя монеты и хвастаться мнимымъ довѣріемъ. Но оселъ и обезьяна отказались отъ изслѣдованія этой стороны вопроса. Каллистъ былъ сумасшедшимъ скорѣе, чѣмъ негодяемъ. И каждый вечеръ, ложась спать, они подходили къ нему, награждали его ревомъ и криками, вздыхали въ отвѣтъ на его загадочную улыбку и счастливые засыпали. Такъ проходили дни за днями.

Иногда, во время ежедневныхъ прогулокъ по Архаполису или его окрестностяхъ, Каллистъ начиналъ высказывать вольныя мысли. Но Апробазъ и Апантесъ не отвѣчали ему. Въ толпѣ ли, на травѣ ли зеленѣющихся луговъ, или въ сѣрой пыли дорогъ, они отвѣчали однимъ только молчаніемъ на опасныя рѣчи сумасшедшаго. Но когда ослу приходилось ревѣть, обезьяна сейчасъ же таинственными криками давала знать ему, что она хорошо поняла его самыя глубокія мысли. Такимъ образомъ, каждый былъ доволенъ собой, жизнь текла очень тихо и спокойно, отъ сумерокъ до сумерокъ, между тѣмъ какъ жители Архаполиса

волновались за торжество капитальныхъ реформъ, долженствующихъ перевернуть міръ, какъ то: замѣна выборовъ по списку выборами по округамъ, или измѣненіе распредѣленія податей. Дряхлѣющій міръ былъ весь потрясенъ, земля извергала пламя своихъ вулкановъ и, даже въ самыхъ предѣлахъ неба, звѣзда Вега поблѣднѣла.

Однажды утромъ, несмотря на свой обѣтъ молчанія, Апантесъ и Апробазъ сговорились испытать Каллиста съ цѣлью узнать, усилилась ли его болѣзнь или уменьшилась. Быть можетъ, въ тяжеломъ безмолвіи ночей на мечты философа совершилось вліяніе добрыхъ духовъ и ангеловъ хранителей, населявшихъ воображеніе осла, которое возвратило его къ самымъ справедливымъ понятіямъ о природѣ вещей, а то, пожалуй, и привело его осторожно къ спасительнымъ теоріямъ, принятымъ всѣми благомыслящими людьми. По своему человѣколюбію Апробазъ даже помолился о томъ, чтобы его хозяинъ Каллистъ получилъ неувядаемый вѣнецъ, предназначенный для мучениковъ за вѣру.

— Другъ мой,—кротко сказало однокопытное, потираясь своимъ длиннымъ ухомъ о грудь философа,—проснулись ли вы отъ страшнаго кошмара, тревожившаго ваши мысли?

— Другъ мой,—хныкала обезьяна,—раскаиваетесь ли вы въ тѣхъ ужасныхъ заблужденіяхъ, къ которымъ привело васъ чтеніе пагубныхъ книгъ?

— Ги-ган! признаете ли вы, что религія, собственность и власть суть основы, на которыхъ держится всякое общество, достойное этого имени, и что никакое общество не могло бы существовать безъ обязанности для всѣхъ его членовъ уважать принципы ихъ?

Каллистъ сдѣлалъ едва замѣтное нетерпѣливое движеніе.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.

Оселъ поникнулъ головой, и глаза его наполовину сомкнулись. Обезьяна усмѣхнулась.

— Далеко еще не доказано,—продолжалъ Каллистъ,—что принципъ власти, религія и, такъ называемое, право собственности должны лежать въ основѣ какого бы то ни было общественнаго договора. Напротивъ, у каждаго найдутся неудовольствія противъ дѣйствующей системы. Поэтому, кажется по меньшей мѣрѣ страннымъ, что можно извлечь изъ нея доводы въ защиту ея существенныхъ принциповъ. Зачѣмъ мнѣ подчиняться лицемѣрнымъ и дурнымъ общественнымъ договорамъ, соблюденіе которыхъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе удаляетъ меня отъ желаннаго идеала?

— Кррр...—усмѣхнулась обезьяна, — если бы вы были дѣйствительно философомъ, какъ хотите имъ быть, господинъ Каллистъ, вы бы согласились съ нами, что одинъ лишь фактъ принадлежности къ обществу создаетъ для каждаго человѣка цѣлую совокупность обязанностей. Изъ самаго сознанія долга родится нравственность. Безъ нравственности нѣтъ общества, безъ признанія долга нѣтъ нравственности. Смотрите, господинъ философъ, я заговорилъ о долгѣ. Хорошо! въ чемъ состоитъ долгъ? Онъ состоитъ въ выполненіи назначенія, для котораго мы были созданы.

— Благодарю, Апантесъ. Для какого же назначенія мы были созданы?

— Ги-ган!—заревѣлъ оселъ,—для того, чтобы прославлять Бога.

— Я,—сказалъ Апантесъ,—я не хочу подать повода для клички „клерикалъ". Я просто буду утверждать, что наше назначеніе, наша сущность состоитъ въ двойной гармоніи: въ гармоніи нашихъ органическихъ отправленій и въ гармоніи этой гармоніи съ законами вселенной. Съ одной стороны гигіена, умѣренность; съ другой—любовь къ благу, пожертвованіе личнаго блага для общаго блага семьи, родины и человѣчества! И этимъ опредѣленіемъ долга я изложилъ всю сущность нравственности.

— Апантесъ,—спросилъ Каллистъ,—какъ ты согласишь другъ съ другомъ эти двѣ гармоніи, составляющія сущность человѣка? Самопожертвованіе за отечество, напримѣръ, могущее повлечь за собой смерть,—одна изъ самыхъ антигигіеничныхъ вещей, какія только могутъ быть. И вотъ уже находятся въ столкновеніи гармонія нашихъ органическихъ отправленій и ихъ гармонія съ законами вселенной—какими ихъ понимаютъ моралисты.

— Ги-ган! онъ еще не выздоровѣлъ,—пробормоталъ оселъ.

— Ему хуже, чѣмъ когда либо,—рѣшила обезьяна.

— Послѣ того, какъ онъ изругалъ все, что свято и достойно уваженія,—сказалъ Апробазъ,—ему только и остается, что отрицать нравственность!

— Того и жди,—заключилъ Апантесъ.

— Ги-ган! господинъ Каллистъ, я защищаю нравственность во имя долга. Долгъ повелѣваетъ намъ дѣлать добро и избѣгать зла.

— Кррр... жить справедливо и добродѣтельно.

— Апантесъ, и ты, Апробазъ, вы запомнили слова, которымъ васъ научили Отцы, и употребляете ихъ, не понимая ихъ значенія. Для чего вы мнѣ говорите о долгѣ? У меня нѣтъ долга.

— Ги-ган! Какъ, а долгъ по отношенію къ Богу!...

— Это слишкомъ старая исторія, существуетъ давность.

— Какое святотатство!

— И такъ какъ до сихъ поръ никому не удалось *доказать* существованіе Бога, какъ я могу согласиться исполнять обязанности по отношенію съ гипотетическому существу?

— Атеистъ!... ги-ган!

Апантесъ застучалъ по землѣ своимъ волосатымъ кулакомъ.

— Кррр... а обязанности по отношенію къ ближнему?

— Ближній всегда радуется нашимъ неудачамъ и огорчается нашими успѣхами. Ближній — соперникъ, интересы котораго противоположны моимъ; я ничѣмъ не обязанъ ближнему.

— Ты долженъ прежде всего уважать его жизнь.

— А онъ уважаетъ мою? Когда ближній *соціализированъ*, онъ приноситъ въ жертву мое личное существованіе своимъ общимъ интересамъ.

— Ты долженъ уважать его свободу, его умъ, его добро; ты долженъ жертвовать собой за ближняго.

— Т. е. танцовать „кавалеръ соло" въ то время, какъ ближній будетъ веселиться на мой счетъ.

— Несчастный! А обязанности... кррр... кррр... обязанности по отношенію къ самому себѣ?

— Я признаю ихъ. Онѣ состоятъ въ исканіи счастья. „Мое счастье—дѣлать то, что мнѣ больше всего нравится, въ тотъ моментъ, который мнѣ больше нравится“, какъ говорилъ Стандаль.

— Слѣдовательно, добро есть?... — спросилъ оселъ.

— То, что доставляетъ мнѣ удовольствіе, что удовлетворяетъ меня, что дѣлаетъ меня счастливымъ.

— А зло?... спросила обезьяна.

— Противоположное.

— Такимъ образомъ, ги-ган! вы отрицаете нравственность?

— Извини, Апробазъ, какъ видишь, у меня есть нравственность. Она вся состоитъ въ свободной игрѣ моихъ страстей.

— Всемогущій Боже,—молилъ оселъ,—порази меня глухотой, не дай мнѣ слышать подобныя богохульства!

— Послушать васъ,—сказала обезьяна,—такъ и честь долой и всѣ добродѣтели долой; отечество не могло найти у васъ пощады, сама семья подвергнется, пожалуй, вашему отрицанію... что касается до человѣчества, то даже его культъ долженъ вамъ казаться ненавистнымъ?

— Право, друзья мои, я нисколько не затрудняюсь признать, что добродѣтель—я ничего не выдумываю—есть лишь слово. Слово, означающее нѣчто... чѣмъ восхищаются у другихъ. Есть, въ глазахъ свѣта, двѣ категоріи добродѣтельныхъ: лицемѣры и простаки. Я не хочу быть добродѣтельнымъ. Ты заговорилъ о чести, Апантесъ?

Честь —это фабричное клеймо добродѣтели, печать, оттиснутая на спинѣ тѣхъ людей, которые вели себя согласно съ правилами оффиціальной нравственности. И что же получается? Негодные развратники считаются честными людьми, а граждане безъ пятна, виноватые въ томъ, что слѣдовали альтруистической нравственности, - т. е. простаки, — то и дѣло называются подлецами. Тогда, что же такое честь? Вы прекрасно знаете, что практически честь — это вердиктъ Общественнаго мнѣнія, Общественнаго мнѣнія съ большой буквой О. Что же! я смѣюсь надъ Общественнымъ мнѣніемъ. Если я — глупецъ среди милліоновъ другихъ, кому какое дѣло до моихъ поступковъ? А если я — геній, кто могъ бы судить меня?

— Ги-ган! на этотъ разъ философъ правъ. Нужно презирать Общественное мнѣніе и слушаться только своей совѣсти.

— Но, тройной оселъ, у меня своя собственная, особая совѣсть, которая именно и побуждаетъ меня искать всего того, что доставляетъ мнѣ удовольствіе, и избѣгать противнаго.

— Кррр... кррр... видишь, Апробазъ, не нужно было находить, что онъ правъ. Единый истинный судъ есть судъ Общественнаго мнѣнія. Я читалъ это въ *Маленькомъ Журналѣ*.

— Какъ мнѣ жаль, о ты, Апробазъ! о ты, Апантесъ! какъ мнѣ жаль затрогивать ваши вѣрованія! Но я думаю сдѣлать полезное дѣло, пытаясь искоренить въ васъ ваши страшныя заблужденія. Нѣтъ ничего глупѣе Общественнаго мнѣнія. Оно валитъ въ кучу всѣ предразсудки, всѣ глупыя теоріи, все невѣжество и безапеляціонно судитъ васъ. Никогда новаторы и освободители не нахо-

дили у него пощады, оно безжалостно къ тѣмъ, кто слишкомъ великъ, оно благосклонно и дружится съ тѣми, кто льститъ ему... О, Апантесъ, и ты, Апробазъ, если бы я зналъ, что мои поступки будутъ одобрены Общественнымъ мнѣніемъ, я бы устыдился самого себя!

— Крр... кррр... это парадоксъ.

— О нѣтъ, ибо печать Общественнаго мнѣнія доказывала бы только, что мои поступки были глупы, слѣдовательно, недостойны человѣка.

— Ги-ган! вы говорите слишкомъ вольно о чести!

— Кррр... какъ и обо всей нравственности, какъ и о долгѣ, добродѣтели, добрѣ. Это—оскорбленіе!

— Друзья мои, я имѣю понятіе о добрѣ, отличное отъ вашего, и весь вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы узнать, кто изъ насъ правъ. Общественное мнѣніе утверждаетъ вмѣстѣ съ вами, что умереть за отечество—благо, я утверждаю, что это худшее, что могло бы со мной случиться. Что я получу взамѣнъ своей смерти?

— Ги-ган! Славу!

— Ахъ, нѣтъ! нѣтъ! Этого слишкомъ мало, это—монета низкой пробы. Не буду возобновлять спора, стараясь доказать вамъ, что самопожертвованіе за отечество смѣшно для того, у кого нѣтъ ничего, остановлюсь лишь на предлагаемомъ вознагражденіи: славѣ и... я не хочу ея.

— Ги-ган! за всю свою жизнь однокопытнаго, одареннаго пятью поясничными позвонками, я никогда не слышалъ столь святотатственныхъ рѣчей. Для этого человѣка нѣтъ уже ничего святого, ни власти, ни собственности, ни религіи, ни нрав-

ственности, ни чести... есть только дикіе звѣри, готовые удовлетворять своимъ страстямъ! Что это за время, которое производитъ подобныхъ существъ! Святая-Внутренность, помилуй насъ!

— Аминь!—сказала обезьяна и перекрестилась.

— Нѣтъ ничего забавнѣе,—продолжалъ невозмутимо философъ,—нѣтъ ничего забавнѣй, какъ видѣть общественное мнѣніе санкціонирующимъ дѣла современниковъ. Въ опредѣленное время оно выбираетъ двѣнадцать общепатентованныхъ феноменовъ и поручаетъ имъ изслѣдовать, хорошо ли или дурно поступалъ такой то человѣкъ. И что еще забавнѣй, завѣдомо преступный поступокъ опредѣляется дурнымъ или хорошимъ по большинству голосовъ. Такимъ то образомъ нѣкій Корнилье, нечаянно убившій свою жену, посдѣ долгихъ и зрѣлыхъ размышленій былъ признанъ *добродѣтельнымъ* вышеуказанной делегаціей.

Бываетъ, что поступокъ, судимый какъ *дурной* въ одномъ округѣ и переданный по какой либо причинѣ на обсужденіе двѣнадцати неподкупныхъ гражданъ сосѣдняго округа, становится *хорошимъ* или, по меньшей мѣрѣ, *сноснымъ* поступкомъ.

Другого рода делегаціи поручается указать на поступки вполнѣ хорошіе, перваго разряда. Какъ торговцы приклеиваютъ ярлычки къ головамъ сахара, на банки съ вареньемъ или на флаконы духовъ, такъ и она прикрѣпляетъ къ петлицѣ извѣстныхъ людей лоскутъ цвѣтной матеріи разнообразной формы. Когда поступки этихъ людей колоссально добры, имъ привязывается ярлычекъ на шею, тогда имъ присуждается, говоря канцелярскимъ жаргономъ, *галстукъ командора*. Случается, наконецъ, что люди достигаютъ вершинъ

высочайшаго. Въ такомъ случаѣ имъ надѣваютъ черезъ плечо широкую ленту, и они становятся предметомъ почитанія для толмы. Итакъ, вотъ какое вознагражденіе вы предлагаете мнѣ взамѣнъ моей жизни, моей свободы, моей независимости, моего человѣческаго достоинства!...

— Вы невозможны!—заревѣлъ оселъ.

— А что касается до другой санкціи,—продолжалъ Каллистъ,—той, которая *караетъ* поступки, признанные дурными собраніемъ феноменовъ, называемымъ судомъ присяжныхъ, или просто Миносами, Эаками и Радамантами [1]), сидящими за длинными столами исправительной камеры суда... что касается до этой санкціи, то я стараюсь избѣгать ея, такъ какъ къ ея услугамъ находится сила, но я не оправдываю ее.

Но будь то санкція добра или зла, а честь или безчестіе со стороны общественнаго мнѣнія мало значатъ въ глазахъ свободнаго, какъ я, человѣка. Будь ваша нравственность религіозной или свѣтской, но она удушлива, принудительна и несправедлива.

— Несправедлива! ги-ган!.. Несправедлива нравственность, которая говоритъ: „Не дѣлай другимъ того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали!"

— Да, такъ какъ она меня связываетъ и оставляетъ беззащитнымъ на произволъ тѣхъ, кто ее забываетъ.

— Что-жъ! это не доказываетъ, что она несправедлива. Достаточно было бы... кррр... сдѣлать ее обязательной для всѣхъ.

---

[1]) Судьи въ аду, по греческой миѳологіи.

— Апантесъ, ты дѣлаешь ее еще болѣе принудительной, а она все-таки остается несправедливой. Что такое несправедливость? Неравенство въ обращеніи. Если твоя нравственность хоть на мгновенье отнимаетъ у меня мои средства въ борьбѣ, она несправедлива. И такъ какъ она стремится помѣшать свободному теченію моихъ страстей, она удушлива. *Quod erat demonstrandum.* [1]),

— Истинно, истинно,— заревѣлъ оселъ, пародируя своего учителя Христа, — истинно говорю вамъ, сей человѣкъ не оставитъ камня на камнѣ. Если бы я его толкнулъ еще хоть немного, хоть самую малость, онъ дошелъ бы до того, что сталъ бы осуждать семью!

— Не толкай меня, Апробазъ, я дошелъ уже. Современное общество служитъ превосходнымъ памятникомъ предразсудковъ, глупостей, несправедливостей и лжи. Ничто не должно оставаться въ немъ камнемъ на камнѣ — исключая науки. Самыя уважаемыя, самыя почтенныя изъ его учрежденій готовы рухнуть подъ сильнымъ дуновеніемъ освободительной Идеи. И сама семья, священно-святая семья, присоединится къ мечу правосудія, кропилу священника и саблѣ солдата въ томъ историческомъ Музеѣ, въ которомъ будутъ уже тогда помѣщены старые судебники, старые боги и протокольное старье.

— Ги-ган! ги-ган!.. Кррр!.. кррр!..

— Не кричите такъ, бравые звѣри... Если бы я говорилъ вамъ только то, что вы сами думаете, для чего бы мнѣ нужно было говорить это? Вы подобны тѣмъ людямъ, которые восхищаются

---

[1]) Что и требовалось доказать.

только писателями-зеркалами, тѣми, которые настолько лишены оригинальности, что первый встрѣчный находитъ въ ихъ сочиненіи отраженіе всѣхъ ходячихъ идей, всѣхъ старыхъ знакомцевъ, съ видимымъ удовольствіемъ привѣтствуемыхъ при свиданіи. „Какъ это хорошо, моя дорогая!“

— Кррр!.. наконецъ, господинъ Каллистъ, семья...

— Она начинается ложью и поддерживается принужденіемъ. Бракъ — обязательство любить другъ друга вѣчно, какъ будто бы завтрашній день принадлежитъ намъ! Совмѣстная жизнь—тяжелая цѣпь, подъ давленіемъ которой въ концѣ концовъ изнемогаетъ самая сильная страсть. А налагаемое на дѣтей воспитаніе увѣковѣчиваетъ заблужденіе.

— Кррр...—насмѣшливо сказалъ Апантесъ, — пойдите-ка спросите въ томъ или другомъ семействѣ, счастливы ли тамъ или нѣтъ!

— Но, моя бѣдная обезьяна, если и бываютъ тамъ счастливы, то помимо учрежденія семьи, а не по причинѣ его, — какъ женщины бываютъ иногда любимы несмотря на то, что онѣ некрасивы.

— Ги-ган!.. Это такъ, господинъ философъ, уничтожимъ семью, отечество, религію, законъ, будемъ жить какъ дикари, какъ звѣри, ища только удовлетворенія своихъ вожделѣній, угнетая слабыхъ, грабя побѣжденныхъ!..

— Что ты говоришь, Апробазъ? Зачѣмъ ты даешь картину современнаго общества!..

При этихъ словахъ обезьяну разобралъ такой смѣхъ, что оселъ съ досадой нахмурился и замолчалъ.

———

ГЛАВА X.

Философу съ большимъ трудомъ удается вбить въ головы своихъ спутниковъ идею эволюціи.

— Господинъ философъ, — спросилъ оселъ, — ради чести вашихъ родителей и того воспитанія, которое они дали вамъ, могу ли я думать, что вы не всегда держались подобныхъ теорій?

— Конечно, Апробазъ, я совершилъ эволюцію. Будучи мальчикомъ, благодаря деспотизму воспитанія, я вѣрилъ и въ Богородицу и въ провиденціальную роль закона. Я раздѣлялъ всѣ ходячіе предразсудки относительно нравственности, семьи, чести и непорочности. Ничего изъ всего этого не уцѣлѣло. Я эволюціонировалъ.

— Кррр...—сказала обезьяна. Вы эволюціонировали, можетъ быть, но вы совсѣмъ не прогрессировали. Даю свои четыре руки на отсѣченіе, если это неправда.

— Я прогрессировалъ... По крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что переходъ отъ состоянія нравственнаго порабощенія къ состоянію умственной свободы представляетъ прогрессъ,—сказалъ Каллистъ,— со всѣмъ тѣмъ я хочу допустить вмѣстѣ съ вами, что прогрессъ и эволюція не одно и то же Въ случаѣ возвратной эволюціи, напримѣръ, у змѣй, которыя потеряли свои ноги и возвратились къ

ползающему способу передвиженія, нѣтъ прогресса.

Кромѣ того, если эволюція и имѣетъ характеръ достовѣрности, того нельзя сказать о прогрессѣ; вопросъ прогресса составляетъ трудную задачу. Мы увидимъ, какъ нибудь на дняхъ, можно ли намъ будетъ, по крайней мѣрѣ, хоть опредѣлить его.

— Я вѣдь только оселъ,—объявилъ Апробазъ. Другими словами: идея эволюціи мнѣ совсѣмъ незнакома. Что вы разумѣете подъ ней?

— Апробазъ, эволюція - всеобщій законъ. Она состоитъ въ переходѣ отъ однороднаго къ разнородному, отъ простого къ сложному; она объясняетъ образованіе міровъ и обособленіе видовъ, она господствуетъ надъ дѣятельностью мысли; она—непрерывная цѣпь, соединяющая прошедшее съ настоящимъ, настоящее съ будущимъ.

— Ги-ган! все это прекрасно, но требуетъ объясненій.

— Я готовъ дать ихъ тебѣ.

— Что дѣлаетъ Богъ... ги-ган!... въ вашей теоріи.

— Апробазъ, онъ ничего не дѣлаетъ, но онъ и не мѣшаетъ намъ. Онъ появляется въ свое время, вмѣстѣ съ возникновеніемъ религій. Богъ— созданіе людей, несомнѣнно позднѣйшее, чѣмъ изобрѣтеніе языка.

— Кррр... вотъ снова начинаются богохульства!

— Господинъ философъ, - продолжалъ оселъ,— какъ вы объясняете происхожденіе міра? Мнѣ всегда говорили,—и это лучше всего удовлетворяетъ мой разумъ,—что вначалѣ Богъ сотворилъ міръ изъ ничего.

— Поздравляю тебя, Апробазъ, твой разумъ можно легко удовлетворить. Вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ этому богу, который, уставъ отъ вѣчности бездѣйствія, неистово поднимается въ пространствѣ—не существовавшемъ еще—и творитъ міръ изъ ничего!., вмѣсто того, чтобы выдумывать этого вѣчнаго и безконечнаго бога, я предпочту просто допустить, что матерія вѣчна и безконечна, надѣлена силой, слѣдовательно, дѣятельна и вѣчно измѣняется. И я не грѣшу противъ логики, допуская безконечность матеріи, такъ какъ научныя наблюденія не позволяютъ указать предѣловъ пространства, и **пространство вездѣ занято матеріей.** Твой Богъ, Апробазъ,—безполезная роскошь.

— Подождите, подождите, господинъ Каллистъ, вы не такъ заговорите, когда всѣ мы соберемся, въ день страшнаго суда, въ долинѣ Іозафата.

— Ее нужно будетъ предварительно расширить, кррр... кррр... подтрунила обезьяна.

Глаза Апробаза омрачились печалью отъ такихъ словъ своего товарища. А Каллистъ продолжалъ:

— Вѣчно въ безконечномъ пространствѣ міры рождались, жили и умирали среди пожаровъ, взрывовъ и столкновеній космической матеріи; вѣчно солнца кружились, потухали, потомъ снова загорались, снова становились туманностями, занимая пространство въ крайне тонкомъ состояніи, или въ видѣ хаотическаго тумана, или въ видѣ сгущенной матеріи. Матерія вѣчно совершала эволюцію, будь то планета или атомъ эфира. Все, что возможно вообразить относительно формъ, цвѣтовъ, біологическихъ или даже психологическихъ

разнообразій, существовало,—вѣроятно,— въ безконечномъ времени и безконечномъ пространствѣ, въ безконечности соединеній матеріи. И если мы хотимъ отъ общаго перейти къ частному, намъ стоитъ только взять мѣсто въ пространствѣ и моментъ во времени для образованія нашего земного міра.

Мѣсто находится во млечномъ пути, огромной туманности, для прохожденія которой свѣтъ употребляетъ 15.000 лѣтъ; моментъ—какой нибудь моментъ времени, болѣе безконечный еще. Вы знаете теоріи, объясняющія образованіе планетъ нашей системы, разъ допущено существованіе солнечной туманности.

Оставимъ въ сторонѣ исторію Юпитера, Сатурна или Марса. Насъ интересуетъ, главнымъ образомъ, земля, такъ какъ мы живемъ на ней. Она—чудовищный шлакъ, выброшенный изъ огненнаго очага. Она употребляетъ милліоны лѣтъ, чтобы охладиться и покрыть толстой корой свою внутреннюю вязкую массу. Высыханіе этой коры роетъ пропасти, поднимаетъ горы. Водяная часть этого гигантскаго существа—земли устремляется въ естественныя впадины, которыя люди назвали потомъ океанами; высохшія части названы материками. Кора вся состоитъ изъ минераловъ, она богата разнообразіемъ красокъ, свойствами соединій и сплавовъ, различіями плотностей, проявленіями электрической, магнитной и радіактивной силы, она подчинена всѣмъ законамъ молекулярной механики. И послѣ милліоновъ лѣтъ, когда наконецъ осуществились на этой корѣ *условія, допускающія жизнь,* появляется жизнь. Она—плѣсень еще, менѣе того, протоплазма, химически эволюціониро-

вавшее вещество, болѣе, чѣмъ неорганическое, менѣе, чѣмъ органическое. Жизнь есть результатъ извѣстнаго рода группировки молекулъ; жизнь — это матерія въ движеніи — какъ и все, что существуетъ, отъ одного конца до другого, въ безконечномъ пространствѣ.

— Виноватъ, — сказалъ оселъ, — пусть ваша протоплазма будетъ живой субстанціей, но этого мало, вы могли бы собрать вмѣстѣ много протоплазмы и все-таки не получили бы одареннаго жизнью существа.

— Да оно и невозможно такое скопленіе ея, — возразилъ философъ. Какъ только протоплазмовая масса достигаетъ нѣсколькихъ десятыхъ долей миллиметра, она дѣлится, давая начало клѣточкамъ, которыя, въ свою очередь, дѣлятся, достигнувъ своего наибольшаго роста. Клѣточки могутъ соединяться, группироваться, составляя болѣе сложные организмы. Тѣ изъ нихъ ,которые отдѣляются отъ внѣшняго міра толстой оболочкой изъ клѣтчатки, становятся растеніями, остальные даютъ начало животному царству. Среди этихъ клѣточекъ, этихъ пластидовъ, соединенныхъ въ сложныя колоніи, устанавливается раздѣленіе труда. Извѣстныя клѣточки, группируясь, образуютъ ткани, органы, аппараты и такимъ-то образомъ, начиная съ безразличныхъ клѣточекъ, обѣ вѣтви органическаго міра, растительная и животная, оканчиваются у первой двудольными, проходя черезъ водоросли, тайнобрачныя, голосѣмянныя и однодольныя, а у второй—человѣкомъ, пройдя длинный непрерывный рядъ простѣйшихъ, червей, мягкотѣльныхъ, рыбъ, премыкающихся, сумчатыхъ и низшихъ млекопитающихъ. Разумѣется, человѣкъ не послѣдняя стадія этой эво-

люціи; вѣроятно, что мы дадимъ начало (мы, люди, которые дальше всѣхъ ушли съ интеллектуальной точки зрѣнія) существамъ безконечно превосходящимъ насъ и такимъ, которыхъ мы не можемъ даже и вообразить себѣ. Все можетъ быть, что у нихъ, послѣ долгихъ десятковъ тысячъ лѣтъ, будетъ наружность, весьма отличная отъ нашей. Такимъ образомъ, на эволюцію нужно смотрѣть, не какъ на исторію прошедшаго, а какъ на самый законъ настоящей жизни и той, которая будетъ управлять будущими судьбами міра.

— Кррр...—сказала обезьяна,—какъ все это кончится?

— Какъ это можетъ кончиться... Двѣ гипотезы даютъ объясненіе конца нашего міра, Апантесъ. Или солнце потухнетъ, и вся жизнь мало по малу исчезнетъ на землѣ; лишившись свѣта и теплоты, похороненная подо льдомъ, земля будетъ блуждать, какъ вѣчный трупъ, въ необъятномъ времени и пространствѣ. Или же, увеличившись лунной массой—и отъ этого уже исчезла бы вся органическая жизнь, такъ какъ такое ужасное столкновеніе произвело бы пожаръ,—земля послѣдовательно будетъ занимать орбиты Венеры, Меркурія, и, наконецъ, упадетъ на солнце. Потомъ, послѣ вѣковъ и вѣковъ, пожиратель-солнце распадется въ свою очередь, возвратится въ состояніе туманности и, переплавляясь въ вѣчномъ тиглѣ хаотической матеріи, дастъ начало новымъ мірамъ.

— Это—взглядъ на цѣлое,—замѣтила обезьяна,—и его нужно изучить подробнѣе. Я допускаю, до извѣстной степени, геологическую эволюцію...

— Да, да, ги-ган!—вмѣшался оселъ,—хотя онъ и не упомянулъ о всемірномъ потопѣ...

Всемірнаго потопа никогда не было,—объявилъ Каллистъ,—я говорю тебѣ отъ имени науки, Апробазъ, не могу же я останавливаться на опроверженіи всѣхъ библейскихъ глупостей!

— Кррр... не слушайте его, господинъ философъ. Я допускаю геологическую эволюцію. Относительно появленія жизни я дѣлаю оговорки. Но вы никогда не увѣрите меня, что виды могутъ произойти одни изъ другихъ. Если костистыя рыбы происходятъ отъ хрящевыхъ, безхвостые гады отъ рыбъ, млекопитающія отъ сумчатыхъ, человѣкъ отъ антропоидовъ, то какъ же встрѣчаются еще обезьяны,—какъ вашъ покорный слуга,— кэнгуру, ослы,—какъ Апробазъ,—лягушки, сельди, акулы, черви, губки?

— Постой, Апантесъ, какъ въ одномъ и томъ же классѣ нѣкоторыя изъ дѣтей становятся даровитыми, а другія лѣнтяями? Какъ между тѣми, кого евхаристическій хлѣбъ собиралъ когда то вокругъ баллюстрады, называемой алтаремъ... какъ объяснить, что одни теперь анархисты, а другіе священники или тайные іезуиты, что еще хуже? Замѣть аналогію. Эволюція мозговъ—одинаковой природы съ эволюціей видовъ. Наслѣдственность, атавизмъ, естественный подборъ, среда, вліяніе свѣта, теплоты и пищи, отборъ, половой подборъ, все это вмѣшивается въ измѣненія существъ, полная эволюція которыхъ длилась сотню милліоновъ лѣтъ. Исключительное употребленіе нѣкоторыхъ органовъ влечетъ за собой чрезвычайное развитіе ихъ, неупотребленіе ведетъ къ ихъ атрофіи и потерѣ. Посмотри на слуховую и осязательную чувствительность слѣпыхъ... Но эволюція не восходящая прямая линія. Будучи дурно приспособ-

ленными къ прогрессу, большинство существъ не пріобрѣтаетъ никакой новой способности и иногда идетъ назадъ. Когда они эволюціонируютъ въ спеціальномъ смыслѣ, они образуютъ уклоняющіяся группы. Есть такія существа, эволюція которыхъ циклическая: послѣ непрерывнаго ряда измѣненій они возвращаются къ своей исходной точкѣ. Наконецъ, есть существа, эволюція которыхъ регрессивна. Нѣкоторыя млекопитающія, уже приспособленныя къ жизни на землѣ, возвратились въ водяную среду, тюлени и киты, напримѣръ; они пріобрѣли легкія и сохранили ихъ. Паразитизмъ, наконецъ, служитъ причиной регресса въ эволюціи видовъ. Саккулины, напримѣръ, молодыми плаваютъ въ водѣ, а затѣмъ прикрѣпляются къ тѣлу краба, теряютъ свои конечности и въ концѣ концовъ превращаются въ простой мѣшечекъ, наполненный яйцами. Я не говорю тебѣ о соціальныхъ паразитахъ...

— Кррр... наконецъ, почему же между одной формой и слѣдующей за ней не встрѣчается промежуточныхъ формъ?

— Извини, палеонтологія дала ихъ для нѣкоторыхъ видовъ больше, чѣмъ надо: ископаемыя лошади, напримѣръ. Но легко понять, когда не одурѣлъ отъ катехизиса, что промежуточныя формы, *именно потому, что онѣ промежуточныя*, могутъ встрѣчаться лишь очень рѣдко. Ихъ переходный характеръ показываетъ, что онѣ были недостаточно приспособлены къ жизни. Поэтому онѣ и мало оставили слѣдовъ. А земля не ле́дникъ для сохраненія въ цѣлости всѣхъ своихъ запасовъ. Какимъ образомъ формы безъ скелета, самыя мно-

гочисленныя формы, смогли бы устоять противъ разъѣдающаго дѣйствія геологическихъ слоевъ?

— Ги-ган! ги-ган!... я вѣрю въ постоянство видовъ. Исторія еще не доказала превращеніе одного вида въ другой.

— Дуракъ! исторія, 5000 лѣтъ,—капля воды въ океанѣ протекшихъ вѣковъ!

— Ги-ган!.. я вѣрю въ постоянство видовъ. Никогда не видѣли, чтобы виды измѣнялись.

— Постоянство видовъ—это теорія творенія?

— Ги-ган! да.

— Видѣли ли когда либо, чтобы виды создавались?

— Ги-ган! я не могу допустить, чтобы антропоидъ сталъ человѣкомъ.

— Но ты допускаешь, что самопроизвольно вдругъ появился бы слонъ или китъ.

— Ученіе объ измѣняемости видовъ— гипотеза.

— Тройной оселъ, почему же человѣческій зародышъ проходитъ въ утробѣ матери всѣ стадіи прародительской эволюціи отъ сперматозоида, простой жгутиковой клѣточки, до обособленнаго плода, принимая послѣдовательно всѣ характерныя черты размножающихся дѣленіемъ, яйцеродныхъ, живородныхъ животныхъ; безпозвоночныхъ, потомъ позвоночныхъ, жаберныхъ, потомъ легочныхъ?

— Ги-ган! я согласенъ сдѣлать уступки. Я допускаю, что измѣняемость видовъ возможна относительно низшихъ видовъ, при условіи, что вы введете Бога для созданія первоначальныхъ типовъ и управленія въ желаемомъ порядкѣ его всеобъемлющаго предвѣденія тѣми превращеніями, которыя совершатся въ будущемъ. Ги-ган!..

— Апробазъ, твой Богъ—лишній.

— Ги-ган!.. что касается до животнаго происхожденія человѣка, я отказываюсь допустить это. Посмотрите на тѣ различія, которыя отдѣляютъ человѣка отъ обезьяны. Одинъ только человѣкъ имѣетъ естественное вертикальное положеніе тѣла; онъ не покрытъ волосами, какъ Апантесъ; одинъ только онъ можетъ мыслить и обобщать.

— Но, Апробазъ, если бы не существовало никакого различія между человѣкомъ и обезьяной, человѣкъ былъ бы обезьяной!

— Ги-ган!.. Человѣкъ былъ сотворенъ Богомъ въ земномъ раю...

Раздраженный Каллистъ повернулся къ обезьянѣ.

— Кррр... сказала она. Думали ли вы о трудности объяснить, что такое совѣсть, мысль, душа, однимъ словомъ?

— Слишкомъ много злоупотребляли словомъ „душа",—сказалъ философъ. Я вовсе не признаю въ душѣ сущность, отличную отъ тѣла. Если угодно опредѣлить душу, какъ *совокупность психическихъ явленій*, я введу это слово въ свой словарь. Въ противномъ случаѣ я совсѣмъ не буду употреблять его. Человѣческая психика представляетъ изъ себя лишь усовершенствованіе неясной психики животныхъ. Здѣсь зачаточный мозгъ, тамъ сложный. На лицо—прогрессивная эволюція, вотъ и все. Только разница въ степени раздѣляетъ душу человѣка отъ души обезьяны или собаки, и эта разница параллельна разницѣ въ сложности мозга — органа мысли—человѣка, обезьяны или собаки. Но психика едина, какъ и жизнь едина. Она, при томъ, ничто иное, какъ сознательная жизнь, которая, въ свою очередь, лишь стадія эволюціи матеріи.

— Такимъ образомъ, — сказалъ Апантесъ, — все эволюцiонируетъ?

— Все. Законъ эволюцiи всеобщiй законъ. Наши обычаи, наши нравы, наши привычки представляютъ изъ себя эволюцiонировавшiе обычаи, нравы и привычки древнихъ народовъ, первыхъ цивилизацiй, прародительскихъ ордъ едва обособившихся людей. Наши политическiя формы эволюцiонируютъ то подъ регрессивной формой, то подъ прогрессивной. Наши чувства также не избѣгаютъ этого всемогущаго закона. Такъ, любовь крайне способна къ эволюцiи. Лицемѣрно утверждать, что будешь любить всю свою жизнь одну и ту же женщину, и это одно убѣдило бы въ *безнравственности* брака... тѣхъ, кто вѣритъ еще въ нравственность или безнравственность учрежденiй.

Человѣкъ не воленъ любить или не любить, любить одинъ предметъ скорѣе, чѣмъ другой, такъ же какъ онъ не воленъ страдать или не страдать, быть счастливымъ или несчастнымъ, глупымъ или умнымъ. И патентованные моралисты, клеймящiе прелюбодѣянiе,—смѣшныя личности.

Апантесъ, по одному только пониманiю эволюцiи, мы можемъ предсказать близкое крушенiе современнаго несправедливаго общества. Возьми какое нибудь человѣческое явленiе и прослѣди его въ его эволюцiи. Говорить, напримѣръ. Одинъ человѣкъ *говоритъ* съ другимъ. Хорошо, вотъ общественный фактъ. Отдаленность раздѣляетъ этихъ двухъ людей, и вмѣшивается новый факторъ: письмо, представляющее изъ себя ничто иное, какъ закрѣпленную рѣчь. Человѣкъ *пишетъ* другому человѣку, а третьему лицу поручается нести посланiе перваго второму. Эволюцiя этого обществен-

наго явленія побуждаетъ посланнаго воспользоваться лошадью, болѣе быстрой, чѣмъ онъ. Это — время курьеровъ.

Еще шагъ впередъ и лошадь замѣнена паровой машиной, однимъ изъ самыхъ могущественныхъ чудесъ человѣческаго генія. Закончилась ли, наконецъ, эволюція? Вовсе нѣтъ. Человѣкъ приручилъ таинственныя силы. Письмо передается теперь при помощи электрическаго аппарата и называется телеграммой, это — *непосредственная передача закрѣпленной рѣчи.*

Но вотъ эволюція вводитъ глубокое измѣненіе въ это явленіе. Она заканчиваетъ полный оборотъ винтовой линіи. Это уже не циклическая и регрессивная эволюція, какъ у кокцидій, напримѣръ, это—винтовая эволюція. Человѣкъ *говоритъ* съ другимъ человѣкомъ, ему не нужно уже закрѣплять свою рѣчь. Онъ говоритъ съ другимъ, а тотъ ему отвѣчаетъ,—мы возвращаемся къ начальному общественному факту. Только эволюція состояла въ отрицаніи пространства: оба человѣка далеко удалены другъ отъ друга и разговариваютъ одинъ съ другимъ, ихъ рѣчь *телефонирована.* Не нужно было много вѣковъ, чтобы была уничтожена невозможность для человѣка говорить съ другимъ, когда ихъ раздѣляетъ большое разстояніе.

Что же! Апантесъ, и ты, Апробазъ, свобода точно также совершитъ эволюцію, какъ и равенство и братство. Принципъ частной собственности раздѣлитъ участь дозорныхъ судовъ, принципъ власти—участь водяныхъ и песочныхъ часовъ. Эволюція—всеобщій законъ. Она управляетъ всѣми явленіями, матеріальными и жизненными, безсознательными и сознательными, индивидуальными и соціальными.

Размышляли ли вы когда-либо о самихъ себѣ, вы, осмѣливающіеся отрицать ее? Выброшенные изъ утробы матери, вы росли. Все ваше существо преобразовывалось тѣлесно и духовно. Потомъ придутъ старость, дряхлость и смерть. Ваши совокупленія произведутъ довольно отличныя отъ васъ существа, которыхъ ваши самки родятъ въ болѣзни. И когда ваши разъединившіеся элементы истолкутся въ ступѣ природы, происшедшія отъ васъ существа будутъ расти, старѣть и умирать. Нѣтъ ничего неизмѣннаго, нѣтъ ничего неподвижнаго, нѣтъ ничего постояннаго, **все измѣняется.**

— Ги-ган!..—сказалъ оселъ. Одна только католическая, апостольская и римская церковь непоколебима и не погибнетъ никогда. Іисусъ Христосъ сказалъ Апостолу Петру: „*Ты еси Петръ и на семъ камени...*“.

— Апробазъ, твоя церковь рухнетъ, какъ и другія. Сколько религій уже исчезло съ своей свитой глупости и лжи! Наука подрыла твою церковь, дуновеніе человѣческаго разума разсѣетъ обломки ея. И ты поймешь тогда, Апробазъ, что эволюція—единая сила и единый законъ. Въ продолженіе вѣковъ она работала для преобразованія первоначальной протоплазмы въ могущественный мозгъ генія не для того, чтобы оставить когда либо человѣка безпомощнымъ передъ лицомъ враждебныхъ просвѣщенію учрежденій, дѣлъ отступленія и смерти.

— Но... началъ оселъ.

И онъ долженъ былъ остановиться на этомъ короткомъ возраженіи, такъ какъ сама обезьяна зажала ему ротъ.

ГЛАВА XI.

... Но онъ теряетъ даромъ трудъ и время, желая объяснить прогрессъ.

— Неблагодарный! ты меня покинулъ!

Въ такихъ выраженіяхъ Апробазъ упрекалъ обезьяну за ея безобидную шутку, прервавшую споръ.

— Вовсе нѣтъ! кррр... кррр...—сказалъ Апантесъ,—я нисколько не отказался отъ своей програмы, исключая того, что я дѣлаю уступки эволюціи и прогрессу. Я—обезьяна своего времени! Я не реакціонеръ! Я хочу свободы... нѣкоторой свободы, по крайней мѣрѣ,и я хочу принциповъ... немного религіи, много нравственности, уваженія къ закону... О! въ особенности уваженія къ закону. Какъ видишь, Апробазъ, я обезьяна порядка и прогресса... кррр... прогресса!

— Ги-ган! Вотъ ты какъ пропитанъ ложными идеями философа. Онъ также только и клянется, что прогрессомъ. Прогрессъ здѣсь, прогрессъ тамъ...

— Позвольте вмѣшаться,—сказалъ Каллистъ. Очевидно, я вѣрю въ прогрессъ *относительный*, что же касается прогресса *абсолютнаго*... я оговариваюсь, я не знаю.

— Ги-ган! онъ не знаетъ! Вы видите, куда ведетъ наука. Она приводитъ къ тому, чтобы сказать: „Я не знаю!“ Это—банкротство, говорю вамъ,

банкротство. Да здравствуетъ великій богословъ Фердинандъ Брюнетьеръ!

— Кррр!... кррр!... Это дѣйствительно огорашиваетъ. Господинъ Каллистъ, своимъ сомнѣніемъ вы даете перевѣсъ поклонникамъ катехизиса, ибо катехизисъ даетъ рѣшенія на всѣ вопросы. Если наука неспособна отвѣтить „да" на столь важный вопросъ, какъ вопросъ прогресса, ей остается только преклониться передъ вѣрой.

— Не совсѣмъ такъ, Апантесъ. Ибо наука, хоть и мерцающій свѣтъ, но все же свѣтъ, вѣра же—лишь тьма; наука несетъ немного истины, вѣра одну только ложь; наука знаетъ кое-что, вѣра ничего не знаетъ.

— Ги-ган! когда васъ спрашиваютъ: „Вѣрите ли вы въ прогрессъ?", вы отвѣчаете: „Я не знаю!"

— Нужно бы опредѣлить прогрессъ. Во всемъ опредѣлить—это почти рѣшить. Идея прогресса вызываетъ идею движенія впередъ, перехода отъ низшаго состоянія къ высшему, каковы бы ни были на пути остановки или попятныя движенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если разсматривать ту или другую фазу человѣческой эволюціи, напримѣръ, непремѣнно придется признать прогрессъ: такъ, сумма знаній, пріобрѣтенныхъ западнымъ человѣчествомъ, показываетъ извѣстный прогрессъ. Точно также, психика бѣлыхъ людей представляетъ прогрессъ сравнительно съ психикой дикихъ племенъ Африки. Но сами эти дикія племена представляютъ ли они прогрессъ по сравненію съ греческой цивилизаціей? Никто не смѣлъ бы серьезно утверждать это. Наши стремленія къ политическому и соціальному равенству, равнымъ образомъ, можно разсматривать, какъ прогрессъ, но развѣ какое либо непредвидѣнное

явленіе не можетъ опрокинуть это зданіе и возстановить на его мѣстѣ режимъ болѣе абсолютнаго неравенства, чѣмъ всѣ записанныя исторіей?

Человѣкъ составляетъ прогрессъ надъ антропоидами, согласенъ съ этимъ, но развѣ не можетъ завтра произойти какой либо космическій переворотъ, который уничтожилъ бы всѣхъ людей? И если бы рѣдкіе Фигійцы пережили эту исполинскую гекатомбу и, будучи господами земли, нашли бы наши лабораторіи, наши машины, книги нашихъ библіотекъ, что бы они стали дѣлать съ ними? Наука была бы мертва съ послѣднимъ цивилизованнымъ человѣкомъ. И если гипотеза космическаго переворота кажется слишкомъ невѣроятной, развѣ нельзя допустить гипотезу соціальнаго переворота, возвращенія къ древнему варварству?...

— Ха, ха, ха!..—засмѣялась обезьяна.

— .... Военное безуміе, безуміе крови и ярости, сыны людей, слишкомъ многочисленные, тѣснящіеся одни на другихъ и убивающіе другъ друга въ прекрасномъ порывѣ ненависти, въ неистовой маніи struggle for life? [1]).

— Ги-ган!... вы думаете о такихъ ужасахъ, которыхъ Богъ не допустилъ бы.

— Увѣрены ли мы,—продолжалъ Каллистъ,—въ дѣйствительности прогресса у растеній, которыя превращаются геологическими явленіями въ каменный уголь, и у животныхъ, которыя становятся пищевой кашицей въ желудкѣ другихъ животныхъ и людей? Но ограничимъ наше изученіе прогресса однимъ человѣчествомъ. Вы не вѣрите

---

[1]) Борьбы за существованіе.

въ возможность космическаго или соціальнаго переворота? Хорошо. Каковъ можетъ быть конецъ человѣчества? Безграничная эволюція должна роковымъ образомъ окончиться космическимъ разложеніемъ. Когда матерія нашихъ мозговъ, нашихъ нервныхъ центровъ, нашей плоти и нашихъ костей станетъ неосязаемой космической пылью, готовой для образованія новыхъ міровъ, гдѣ будетъ прогрессъ? Будутъ ли эти міры совершеннѣй нашего? Кто можетъ сказать это? И если, устраняя эти причины разложенія, человѣчество, этотъ grand Etre (великое существо) Огюста Конта, достигнувъ высокой умственной культуры, вдругъ предалось-бы пессимизму Гартмана? Если бы, сознавая, наконецъ, что сумма страданій всегда больше суммы радостей, и что каждый шагъ впередъ изощряетъ нашу способность страдать, открывая намъ новыя болѣе пылкія и болѣе мучительныя потребности, если бы человѣчество *отказалось* отъ жизни?

— Казалось бы, однако,—сказалъ Апантесъ,— что прогрессъ долженъ бы доставить болѣе счастья.

— И опытъ опровергаетъ это, Апантесъ. Образованный, очищенный человѣкъ знаетъ страданія, которыхъ простолюдинъ не знаетъ. Думаешь ли ты, что житель Архаполиса, живущій среди постоянныхъ заботъ о деньгахъ—деньги такой могущественный факторъ прогресса!—думаешь ли ты, что этотъ современникъ счастливѣй человѣка каменнаго вѣка, утоляющаго свое сладострастное вожделѣніе на тѣлѣ вырванной у побѣжденнаго врага дѣвушки? Кто могъ бы сказать, что нѣтъ наслажденія убивать, насиловать... для этого звѣря, нечувствительнаго къ нашей современной жалости? Мы потеряли такія наслажденія съ теченіемъ ци-

вилизацій. И мы поставили на мѣсто ихъ... любовь, эту глупость, которая заставляетъ насъ кривляться около глупенькой болтуньи, охорашиваться, принимать всевозможныя смѣшныя позы и бояться взять ее, когда она *принадлежитъ* другому! Или же, молодая дѣвушка въ тиши ночей своихъ желаетъ какого либо мужчину изъ окружающихъ ее и не говоритъ ему это, она согласилась бы скорѣе умереть, чѣмъ сказать ему это, *потому что это не дѣлается!* Прогрессъ въ любви состоитъ въ желаніи соединенія, никогда не осуществляя его.

О! не нужно ли намъ жалѣть объ эллинскихъ дняхъ, о восхитительномъ безстыдствѣ Эфеса въ Іоніи? Увы! христіанское безобразіе обрушилось на міръ, оно прикрыло нашу привлекательную наготу, видъ которой оскорблялъ ея бога!

Но я хочу допустить антропоморфный прогрессъ, прогрессъ въ человѣчествѣ. Я хочу допустить, что наши соціальныя преобразованія, наши художественныя и научныя стремленія не простыя перемѣны, не простыя фазы эволюціи; я хочу допустить, что они означаютъ дѣйствительное движеніе впередъ... но почему человѣческій прогрессъ доказывалъ бы, что законъ прогресса есть космологическій законъ? Что такое человѣчество въ жизни нашей планеты? Если эволюція должна привести къ разложенію, прелюдіи съ своей стороны къ новой эволюціи, и такимъ образомъ окончиться возвратомъ, зачѣмъ?... А съ другой стороны, что думать о принципѣ разсѣянія энергіи? Если уровни и давленія стремятся къ равенству, и если міръ есть замкнутое цѣлое, то развѣ предѣломъ разнороднаго не было бы равновѣсіе и однообразіе, т. е. покой и смерть? Съ одной стороны принципъ сохраненія энергіи, повидимому,

несетъ съ собой идею прогресса; передъ нимъ возстаетъ разрушительный принципъ Клаузіуса, принципъ прогресса и возврата. Тогда кто могъ бы утверждать прогрессъ?...

— Вы согласитесь со мной... ги-ган!... — заревѣлъ оселъ, — что катехизисъ избавляетъ насъ отъ всего этого скучнаго изслѣдованія и навѣрно успокаиваетъ нашу душу. Богъ усиліемъ своей воли сотворилъ міръ; онъ помѣстилъ въ немъ сыновъ Адама, чтобы они воздавали ему поклоненіе, и скоро, по скончаніи вѣка, онъ будетъ судить ихъ по заслугамъ; добрые пойдутъ съ нимъ на небо, злые присоединятся къ діаволу въ аду, и міръ перестанетъ существовать. Задача прогресса, ги-ган! благодаря катехизису, даже и не возникаетъ.

— Кррр...—сказала обезьяна. Метафизика навѣрное привела бы васъ къ признанію прогресса, господинъ философъ. Міръ есть ничто иное, какъ усиліе мыслиться въ самомъ себѣ, а знаніе, откровеніе, абсолютный разумъ міра служили бы цѣлью, концомъ, порядкомъ, единствомъ...

— Ты, можетъ быть, и правъ, Апантесъ,—объявилъ Каллистъ. Но метафизика до сихъ поръ слишкомъ часто обманывала насъ, чтобы я, даже въ случаѣ опасности, ухватился за эту хрупкую вѣтвь. Прогрессъ, космологическій законъ прогресса?... что жъ... я не знаю!...

———

ГЛАВА XII.

Когда философъ излагаетъ свою идею о лучшемъ обществѣ, оселъ и обезьяна называютъ его анархистомъ.

Съ наступленіемъ вечера оселъ, обезьяна и философъ предались молчаливымъ размышленіямъ. Они лежали вмѣстѣ на плитнякѣ своей покровительницы конюшни и мечтали. Но, утомившись этой блаженной тишиной, обезьяна потянула осла за ухо, оселъ очень сильно дунулъ въ лицо Каллиста.

— Вы спали что ли?—спросила обезьяна.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ философъ,—я мечталъ.

— Я тоже мечталъ, — сказалъ оселъ. Богъ внушалъ мнѣ ту мысль, что господинъ Каллистъ знаетъ не больше насъ. Онъ хотѣлъ бы все разрушить и былъ бы очень затрудненъ поставить что либо на мѣсто существующаго. Впрочемъ всѣ революціонеры таковы. Ихъ ремесло—кричать, что все дурно, чтобы привлечь на себя вниманіе. Прижмемъ ихъ къ стѣнкѣ, скажемъ имъ: „Вотъ власть, берите ее!“. Знаете ли вы, что они тогда дѣлаютъ? Они становятся консерваторами, реакціонерами, мѣняютъ паръ... даютъ машинѣ задній ходъ.

— Кррр...—объявила обезьяна. Въ этомъ заключается политика. Они очень умны, что поступаютъ такъ. Высказывать теоріи—одно, прикладывать ихъ къ дѣлу—другое. Какъ только человѣкъ держитъ въ своихъ рукахъ власть, онъ начинаетъ давать себѣ болѣе точный отчетъ въ трудностяхъ пользоваться ею. Нужно заботиться о законныхъ интересахъ всѣхъ классовъ. Искусство состоитъ въ умѣніи выжидать случая, въ умѣніи взять у одного, чтобы дать другому, для того, чтобы взять назадъ у послѣдняго и помочь первому. Въ этомъ и состоитъ политика.

— Апантесъ, ты сейчасъ обвинилъ всю политику...

— Что же,—заревѣлъ оселъ,—возвратимся къ старинымъ обычаямъ, къ доброму старому времени... Ги-ган!

— Молчи. Апантесъ доказалъ ничтожество всѣхъ политикъ, каковы бы они ни были, теократическими, самодержавными или демократическими...

— Кррр... Тогда какъ же управлять людьми?—спросила обезьяна.

— Ими и не нужно управлять. Кто же признаетъ за собой право управлять?

— Но сами люди возлагаютъ на нѣкоторыхъ людей изъ своей среды эту привилегію... и жалуются на нихъ потомъ. Тогда они мѣняютъ ихъ, и все-таки жалуются снова.

— Слѣдовательно, нехорошо, что люди управляютъ другими.

— Вы хорошо знаете, господинъ Каллистъ,—вмѣшался оселъ,—что люди неспособны управляться сами?

— Почему? Развѣ это доказано на опытѣ?

— Ги-ган! Опытъ производится каждый день. Человѣкъ, предоставленный самому себѣ, не замедлитъ нарушить предписанія закона, т. е. совершить всѣ преступленія. Онъ гордъ...

— Былъ бы онъ такимъ, если бы общество не способствовало возвышенію нѣкоторыхъ надъ остальными?

— ... Скупой...

— ... Если бы накопленіе богатствъ было невозможно вслѣдствіе уничтоженія денегъ?

— ... Сладострастный...

— ... Если бы общество не выдумало дурацкій стыдъ, сдерживающій самыя естественныя желанія человѣка и дающій имъ величайшую силу расширенія въ силу принципа Папэна?

— ... Завистливъ...

— ... Если бы неравенства положенія и богатствъ отошли въ область историческихъ вспоминаній; если бы всѣ были счастливы?

— ... Обжора...

— ... Если бы вмѣсто катехизиса ему преподавали гигіену?.. Впрочемъ, обжорство, какъ и сладострастіе, вредятъ только индивидууму, а не обществу.

— ... Склоненъ къ гнѣву...

— ... Развѣ гнѣвъ что либо другое, чѣмъ болѣзнь? Развѣ разумное воспитаніе и врачебное пользованіе не освободили бы ребенка отъ зачатковъ гнѣва, какъ они освобождаютъ его отъ заиканія и дурныхъ привычекъ?

— ... Лѣнтяй...

— ... Развѣ можетъ быть иначе въ обществѣ, гдѣ тѣ, кто меньше всего работаетъ,—самые счастливые? Развѣ есть для пролетарія другое побу-

жденіе къ труду, кромѣ одного только голода? Онъ думаетъ: „Какъ бы я ни работалъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, я никогда не смогу пріобрѣсти себѣ автомобиль, паркъ, рыболовную лодку и виллу на берегу моря“.

— Человѣкъ имѣетъ всѣ пороки, ги-ган!

— Общество привило ихъ ему.

— ... Онъ ежеминутно нарушаетъ законы?

— ... А когда не будетъ болѣе законовъ?

— Законъ сдѣланъ въ интересахъ всѣхъ.

— Прибавь: „всѣхъ тѣхъ, кто владѣетъ, противъ тѣхъ, кто не владѣетъ“. Законы рухнутъ вмѣстѣ съ неравенствомъ положеній.

— Виноватъ!—сказала обезьяна. Если общество причина пороковъ человѣка, то не менѣе достовѣрно, что и онъ ихъ имѣетъ. Слѣдовательно, нужны законы, чтобы защищать общество отъ покушеній индивидуума, и вотъ оправданіе для политической дѣятельности.

— Ты думаешь оправдать несправедливость, продолжая ее! Напротивъ, помѣстимъ лучше индивидуума въ его естественную среду, какъ больного въ чистый воздухъ, и будемъ работать воспитаніемъ для освобожденія его отъ недостатковъ.

— Это слишкомъ долго!

— Можетъ быть...

— Ги-ган! простое мечтаніе.

— Мечта имѣетъ свои прелести. Друзья мои, я вамъ скажу сейчасъ свою мечту.

Широкимъ жестомъ руки Каллистъ указалъ на міръ за стѣнами конюшни и сказалъ:

— Все это скоро погибнетъ. Да, все существующее обречено на исчезновеніе въ крови. Уставъ по пустому вооружаться до горла, цѣною самыхъ

ужасныхъ жертвъ, народы набросятся другъ на друга, чтобы покончить съ этимъ и отдохнуть отъ своего долгаго напряженія. Самъ Архаполисъ запылаетъ на радость глазамъ. Люди сочтутъ себя тогда и скажутъ другъ другу: „Насъ еще очень много“. И снова начнется бойня, послѣдняя агонія умирающаго скотства. Потомъ наступитъ долгій періодъ безплодныхъ попытокъ, глухой борьбы и ночи. Но когда люди осушатъ свои слезы, они протянутъ другъ другу руки для братскаго объятія. Слова мудрыхъ придутъ имъ на память. Когда-то побитые камнями, мудрые говорили имъ: „Нѣтъ отечествъ, есть только человѣчество... Нѣтъ національностей, есть только рабы и господа. На господъ! Когда господа и рабы станутъ просто людьми, любовь зацвѣтетъ на землѣ. Зачѣмъ, братья, бороться вамъ другъ съ другомъ? Не довольно ли съ васъ ежедневной борьбы съ голодомъ, холодомъ или жарой, съ болѣзнями, воздухомъ, водой, огнемъ?... Воспитывайте своихъ дѣтей въ любви другъ къ другу. Научите ихъ добродѣтели, т. е. личной и соціальной гигіенѣ... Предохраните ихъ отъ низкопоклонства, отъ слѣпого повиновенія... Пусть ихъ словарь не знаетъ словъ, означающихъ Господинъ и Богъ... И когда они будутъ изучать исторію (не ту жалкую исторію нашихъ школъ, которая возбуждаетъ кровожадные инстинкты людей небольшого уголка свѣта, а широкую исторію человѣчества, указывающую научный прогрессъ расъ), пусть воины и попы будутъ заклеймлены ихъ юношескимъ презрѣніемъ... Однакожъ, вы не учите ихъ ненависти, даже къ тѣмъ, кто въ теченіе вѣковъ эксплуатировалъ легковѣріе и слабость толпы... нужно было, чтобы эта эволю-

ція совершилась. Воинъ — все же прогрессъ надъ тигромъ, попъ — надъ гіэной... Благодаря ученымъ, изобрѣтавшимъ порохъ и машины; благодаря ремесленникамъ, отдѣлывавшимъ богатыя ткани для облаченія священниковъ, воины и попы пользуются почетомъ въ обществѣ людей, свохъ жертвъ... Подобнымъ воспитаніемъ вы подготовите путь къ истинному братству".

Каллистъ на мгновеніе умолкъ. Въ покинутой конюшнѣ было слышно только дыханіе осла, выдававшее все его внутреннее волненіе.

Человѣкъ продолжалъ:

— Слова мудрыхъ — сѣмя, которое рано ли, поздно ли всходитъ. Каждый мозгъ принесетъ въ себѣ немного добраго сѣмени. Придетъ день, когда одна и та же крайняя необходимость предстанетъ передъ глазами всѣхъ: искать свое счастье въ счастьи всѣхъ. Каждый убѣдится, что хорошо ли, плохо ли, а жизнь — законъ, и что потребность счастья — другой. Въ этотъ день не будетъ уже существовать ни одного потомка тѣхъ религіозныхъ школъ, которыя смотрятъ на жизнь, какъ на наказаніе, а на наслажденіе чувствами, какъ на преступленіе. Въ этотъ день не возникнетъ уже вопроса о дѣйствительной и достаточной благодати, а вопросъ: какъ осуществить счастье?

— *Hic!* [1]) — сказала обезьяна.

— Разсмотримъ условія счастья, — продолжалъ Каллистъ. Есть два рода ихъ: условія экономическія или матеріальныя и условія интеллектуальныя или духовныя. Задача сводится, слѣдовательно, къ удовлетворенію матеріальныхъ и духовныхъ по-

[1]) Въ этомъ-то вся и суть.

требностей. Чтобы наслаждаться жизнью, удовлетворяя свои матеріальныя потребности (безъ другого стѣсненія, кромѣ предписаній гигіены), достаточно, чтобы общее производство необходимыхъ для существованія предметовъ немного превосходило потребленіе ихъ. Развѣ невозможно разрѣшить эту задачу, не прибѣгая совсѣмъ къ многосложной системѣ законовъ? Какъ объяснить тогда, что современное общество еще держится кое-какъ на ногахъ, несмотря на необузданное мотовство богатствъ, несмотря на праздность цѣлаго класса людей и гнусный паразитизмъ другого класса? Однакожъ, ни одинъ законъ не вмѣшивается въ рѣшеніе вопроса о томъ, чтобы ребенокъ былъ каменщикомъ, а не булочникомъ. Потребность создаетъ органъ. Соціально, потребность создаетъ производительный организмъ. Кто могъ бы серьезно утверждать, что соотвѣтствіе между производствомъ и потребленіемъ жизненныхъ предметовъ происходитъ отъ соблюденія и, въ особенности, отъ справедливости законовъ? Чѣмъ становятся мелкіе нескладные предметы, помѣщенные внутри калейдоскопа? Чудесами орнамента и симметріи. Что нужно, чтобы осуществить эти чудеса въ соціальной области? Три наклонныхъ зеркала калейдоскопа: знаніе потребностей жизни, любовь къ *необходимому* труду, любовь однихъ къ другимъ. Кто отказался бы работать ежедневно три или четыре часа — а то и меньше, съ прогрессомъ науки,— чтобы купить цѣною этого труда увѣренность въ своемъ собственномъ счастьи и въ счастьи другихъ?

— Ги-ган!—сказалъ оселъ,— а лѣнивые...

— Я тебѣ говорилъ объ обществѣ, гдѣ пустили бы ростки слова мудрыхъ... А теперь раз-

смотримъ духовныя потребности: образованіе, искусства, любовь. Какая преграда мѣшаетъ удовлетворенію этихъ потребностей? Только одна: современное общество.

— Позвольте... кррр...—сказалъ Апантесъ. Согласенъ съ вами, что легко рѣшить проблему духовныхъ потребностей. Но возникаетъ одно затрудненіе, на которое вы не обратили вниманіе. Вы говорите о любви. А если двумъ мужчинамъ придетъ мысль владѣть одной и той же женщиной?

— Ага!—сказалъ оселъ, фыркая.

— Бѣдные вы люди,—объявилъ Каллистъ. Вы не можете освободиться отъ среды, ея вліяній и ея предразсудковъ. Вы говорите еще *владѣть* женщиной, словно во времена похищеній женщинъ пещерными людьми. Когда я говорю „люди“ завтрашняго дня, вы понимаете „скоты“ сегодняшняго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эволюція должна совершиться и въ умахъ. Если бы дурацкое воспитаніе не преувеличило въ насъ чувства собственности, мы вовсе не были бы ревнивыми. Ревность же—ужасное страданіе, отъ котораго во что бы то ни стало слѣдовало бы избавить новое человѣчество. Современный цивилизованный человѣкъ лишаетъ себя жизни, потому что женщина, которую онъ ложно считаетъ своей исключительной собственностью, испытала нѣкоторое наслажденіе съ другимъ человѣкомъ. Развѣ невозможно постигнуть исчезновеніе столь не въ мѣру развившагося эгоизма? Знаю, что многіе великіе умы, анализируя ревность, открываютъ въ ней рядомъ съ главнымъ фактомъ: запрещенныя объятья, другой не менѣе важный фактъ: вѣроломство. Даже многіе изъ нихъ придаютъ только незначительное

значеніе поступку *самому по себѣ.* Прелюбодѣяніе всецѣло состоитъ въ незаконныхъ желаніяхъ и молчаливомъ согласіи на поступки, которые можно и не совершать. Потому-то часто можно видѣть людей, которые измѣняють другъ другу съ жаромъ; это—вопросъ темперамента. А съ другой стороны, если одинъ изъ супруговъ перестаетъ любить другого, съ которымъ онъ соединенъ узами брака или свободнаго согласія, какое преступленіе онъ совершаетъ?

— Да,—сказала обезьяна,—вы возвращаетесь къ теоріи детерминизма.

— Безъ сомнѣнія, ибо обѣщанія любви ничего не значатъ, и человѣкъ не воленъ имѣть или не имѣть любовную страсть къ одному лицу скорѣе, чѣмъ къ другому, въ періодъ времени отъ возмужалости до смерти.

— Господинъ философъ,—заревѣлъ оселъ,—если бы вы были христіаниномъ, вы знали бы, что Богъ особенныя милости даруетъ тѣмъ, кто ему горячо молится. Молитва позволяетъ человѣку любить своихъ враговъ!.. Она дѣлаетъ двухъ супруговъ вѣрными другъ другу и соединяетъ ихъ въ общей любви къ Богу.

— Аминь!—завизжала обезьяна.

— Счастье,—продолжалъ Каллистъ,—какъ легко было бы осуществить его въ умственной и нравственной области, когда была бы рѣшена экономическая задача. И какой легкой стала бы борьба съ непокорной природой, съ невѣжествомъ, болѣзнями, смертью. Всѣ люди свободные, на свободной землѣ. Ихъ страсти, направленныя въ сторону добраго и прекраснаго, свободно подчинились бы своему теченію. Торжествующая наука, благодаря

труду всѣхъ, каждый день открывала бы людямъ радостью больше...

— Но это—мечта, кррр...

— Да, Апантесъ, я мечталъ. Нужно столько сдѣлать!..

— Республика осуществитъ реформы, — сказала обезьяна. Прежде всего нужно было бы, чтобы монархіи и имперіи исчезли, уступая мѣсто честнымъ республикамъ...

— Я не хочу ни имперій, ни королевствъ, ни республикъ, я хочу только людей.

— Ого! — воскликнулъ Апантесъ.

— Вотъ какъ?—сказалъ оселъ.

Апробазъ навелъ свои длинныя уши на философа, въ его глазахъ засверкалъ гнѣвный огонекъ, и онъ страшно заревѣлъ.

— Но, Боже мой! — сказалъ онъ вдругъ, — вы — анархистъ!

Онъ тотчасъ же раскаялся въ своей жестокости и въ профанаціи имени Божьяго, но затѣмъ онъ разсудилъ, что тотъ, кто былъ причиной зла, будетъ имѣть свою долю отвѣтственности передъ судилищемъ Бога.

— Вы — анархистъ! — повторилъ онъ.

— Да,—подтвердилъ шимпанзе, — вы — анархистъ.

Каллистъ ничего не отвѣтилъ. Апробазъ немедленно представилъ свои заключенія.

— Я такъ и думалъ, ги-ган! я такъ и думалъ. Анархистъ! я въ рукахъ анархиста. Уйдемъ отсюда, Ки-ки, уйдемъ отсюда. Все сейчасъ взлетитъ въ воздухъ. Какъ можно оставлять подобныхъ существъ прогуливаться на свободѣ! Стало-быть нѣтъ законовъ! Анархисты, но слѣдовало бы сдѣлать

изъ нихъ чудовищный костеръ. Подумайте только, люди, мечтающіе все разрушить, уничтожить все существующее...

— Т. е. зло,—перебилъ его философъ.

— ... Чтобы поставить на его мѣсто...

— Добро.

— Ги-ган! Нѣтъ, сударь, вы хотите взорвать общество. Вы всегда носите въ своихъ карманахъ керосинъ, динамитъ и бомбы. Вы забавляетесь, убивая женщинъ, дѣтей и невинныхъ прохожихъ.

— Апробазъ, ты обвиняешь меня во всѣхъ преступленіяхъ правительствъ.

— Словомъ, вы—анархистъ, вотъ и все Ги-ган! Достаточно мнѣ услышать это имя, чтобы почувствовать ознобъ въ спинѣ. Анархистъ! Я желалъ бы знать, что вы думаете объ Эмилѣ Анри, Вальянѣ и Казерьо.

— Да, да, — сказала обезьяна, — скажите-ка намъ это.

Философъ собрался отвѣчать, но взглянувъ между двумя досками забора, онъ замѣтилъ на нѣкоторомъ разстояніи блаженную фигуру добровольнаго полицейскаго. Тогда Каллистъ повернулся и скоро заснулъ.

ГЛАВА XIII.

Философъ въ концѣ концовъ сдается на доводы обезьяны и осла, только...

— Кррр... какъ здѣсь жарко!—сказалъ Апантесъ. Выйдемъ, хотите?

Каллистъ согласился, оселъ послѣдовалъ за нимъ. Они долго шли по широкимъ, обсаженнымъ деревьями улицамъ, составлявшимъ гордость Архаполиса.

Подымая пыль столбомъ, проѣзжали автомобили и, едва мелькнувъ, исчезали. Какая-то старушка переходила шоссе, была опрокинута однимъ изъ этихъ быстрыхъ чудовищъ и распростертая лежала на землѣ, представляя теперь нѣсколько странную смѣсь черной ткани, пыли и крови. Въ уѣхавшемъ экипажѣ раздались восклицанія изумленія, ужаса, быть можетъ, и только.

— Замѣть номеръ, номеръ замѣть...—сказалъ Апробазъ обезьянѣ.

— Слишкомъ поздно... ихъ уже не видно. Кррр...

Апантесъ напрасно напрягалъ свое зрѣніе. Тогда онъ обернулся къ Каллисту и усмѣхнулся.

— Кррр...—сказалъ онъ,—ты вѣришь въ будущее? Ты ожидаешь лучшее общество; ты думаешь, что эволюція, черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ дастъ сердце этимъ людямъ.

— Кромѣ того,— сказалъ Апробазъ,— къ чему работать для идеальнаго общества, которое могло бы осуществиться не раньше нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ?

Философъ ничего не отвѣтилъ. Онъ молча продолжалъ идти, между тѣмъ какъ взмостившійся на ослиную спину Апантесъ принялъ разубѣжденный видъ.

. . . .

. . . .

Теперь паркъ бросался въ глаза пестрымъ великолѣпіемъ своихъ лужаекъ. Старыя деревья раскидывали свои огромныя тѣни по узкой глади озера, на которомъ играли лебеди. Каллистъ, обезьяна и оселъ остановились у береговъ его, наслаждаясь спокойствіемъ мѣста и отдыхая обожженными солнцемъ глазами на сложенныхъ крыльяхъ большихъ бѣлыхъ птицъ. У противоположнаго берега озера проходили двое солдатъ. У ихъ ногъ была большая куча булыжника, а передъ ними—лебеди. Они нагнулись, взяли каждый по камню и изо всѣхъ силъ запустили ихъ въ головы гордыхъ птицъ...

— Господинъ философъ,—пробормотала обезьяна,—ваше будущее общество улыбнулось!..

. . . .

. . . .

И прогулка продолжалась по дорожкамъ и лужайкамъ парка. Мимо нихъ прошло нѣсколько молодыхъ людей. Они набожно разговаривали о *De Custodia virginitatis* [1]) святого Іеронима и сильными ударами палокъ опустошали цвѣтникъ геліотроповъ. Дальше, благочестивая фаланга, возму-

[1]) О стражѣ цѣломудрія.

тившись тѣмъ, что мраморъ выставлялъ на восхищеніе толпы свою дивную наготу, разбила знаменитый фалосъ, который почитали когда то языческія цивилизаціи.

Оселъ одобрилъ.

— Хорошо сдѣлано! — сказалъ онъ.

Но Каллистъ оставался задумчивымъ и не смѣлъ выдержать насмѣшливаго взгляда обезьяны.

. . . .

Выйдя изъ парка, оселъ, обезьяна и философъ шли нѣкоторое время по малолюднымъ улицамъ, обстроеннымъ домами съ строгой архитектурой фасадовъ, на ступенькахъ дверей которыхъ прохлаждались лакеи, разговаривая другъ съ другомъ. Проходившій мимо нищій съ просительнымъ видомъ, не говоря ни слова, остановился у одной изъ группъ.

— Хочешь, чтобы я тебя выставилъ сію же минуту, бродяга! — закричалъ самый дородный изъ слугъ. Развѣ можно позволять этимъ людямъ ходить по такимъ уважаемымъ улицамъ, какъ эта? Что сказалъ бы графъ, если бы увидѣлъ, что этотъ человѣкъ расположился у двери его дома?

— Это, можетъ быть, — анархистъ... — сказалъ маленькій черный человѣчекъ съ плоскимъ носомъ.

— Во всякомъ случаѣ, — продолжалъ первый, между тѣмъ какъ прохожій удалялся, — этотъ кварталъ не сдѣланъ для прогулки нищихъ. Вы не можете себѣ представить, какъ неловко себя чувствуешь во время обѣда при видѣ этихъ существъ! Есть отъ чего потерять аппетитъ.

— Они такъ дурно одѣты! — замѣтилъ курносый

— Если это будетъ происходить каждый день, надо будетъ просить полицію присматривать за этими гуляками. Ба, обезьяна!

Группа замѣтила Апантеса, но уносимая осломъ, котораго велъ Каллистъ, обезьяна удовольствовалась одними презрительными гримасами.

— Кррр... кррр... мерзкій народъ!—пробормотала она.

— Ги-ган!—сказалъ насмѣшливо оселъ,—философу едва ли удастся ввести ихъ въ всемірное братство.

И на этотъ разъ Каллистъ ничего не отвѣтилъ.

. . . .

. . . .

Теперь народныя предмѣстья своей живописностью и своимъ оживленіемъ привлекали взоры нашихъ странниковъ. Они уже улыбались при видѣ дѣятельной жизни, плодотворнаго труда, общаго усилія воли и мускуловъ. Здѣсь производятся чудеса современныхъ городовъ и здѣсь же вырабатываются почки будущихъ городовъ. Все дѣйствительное и вся надежда.

Появилась молодая дѣвушка, стройная, красивая, граціозная; сквозной корсажъ позволялъ угадать ея бѣлое тѣло, юбка выдѣляла ея стройный станъ. Что произошло въ темныхъ нервахъ находившагося на пути изящной молодой дѣвушки работника? Рѣшительно онъ плюнулъ на ея юбку, изъ-подтишка, сзади.

— Я убилъ бы этого человѣка,—сказалъ Апантесъ,—если бы былъ самъ человѣкомъ! а между тѣмъ моя душа полна кротости. Но оскорбленіе красоты заслуживаетъ худшихъ наказаній.

И Каллистъ кивнулъ головой, и нельзя было понять, одобрялъ ли онъ слова обезьяны, или же осуждалъ ихъ.

. . . .

. . . .

Большая толпа народа привлекла вниманіе философа, и чтобы доставить удовольствіе ослу, ко тораго разбирало необыкновенное любопытство, они подошли къ ней. Два агента освобождали изъ рукъ толпы окровавленнаго человѣка. Позади его бѣжала маленькая собачка съ поджатымъ хвостомъ и запыленнымъ тѣломъ. И Каллистъ узналъ, что произошло. Человѣкъ гулялъ, держа на привязи эту безобидную собачку. Тогда какой то субъектъ, ради забавы, далъ ногой пинка въ бокъ собаки. Человѣкъ обернулся и залѣпилъ пощечину скоту съ человѣческой физіономіей. Тотчасъ собралась толпа и, естественно, избила владѣльца собачки.

— Верховный судъ!.. кррр!.. — усмѣхнулась обезьяна.

Въ толпѣ продолжались пересуды.

— Наконецъ, есть ли смыслъ!.. дать пощечину человѣку за несчастный пинокъ собакѣ!

— Человѣкъ — это человѣкъ, тогда какъ собака... это только собака!

Ясность послѣдняго разсужденія должно быть убѣдила самыхъ упрямыхъ и сломила послѣднее сопротивленіе, такъ какъ въ отвѣтъ на него былъ только одинъ крикъ:

— Очевидно!..—говорили въ толпѣ. Очевидно!.. Понятно!.. Онъ правъ!..

Оселъ, обезьяна и философъ удалились.

Очутившись одни на безлюдныхъ улицахъ, они обмѣнялись своими мнѣніями.

— Нужно сильное правительство, — сказала обезьяна. Общество безъ жандармовъ — чистая утопія.

— Одна религія разрѣшаетъ задачу всемірнаго братства, — заревѣлъ оселъ. Она создаетъ послушныхъ людей, покорныхъ закону... ги-ган!.. когда законы хороши.

— Пойдемте...—посовѣтовалъ Каллистъ.

. . . .

. . . .

Они дошли до площади, загроможденной различными балаганами. Карусели кружились подъ звуки свирѣпой музыки, и на нихъ, усѣвшись на забавныхъ и жирныхъ свиней степенныя особы непомѣрно развлекались, видя, какъ вертится кругомъ ихъ народъ среди шума и пыли. Между двумя каруселями въ высшей степени прозорливая ясновидящая предсказывала грядущія событія. Ея пророчества были въ стихахъ, и одинъ муниципальный совѣтникъ оказывалъ ей поддержку своей властью. Репутація ясновидящей дѣлалась всеобщей. Каждый годъ она возвѣщала впередъ пожары, войны, катаклизмы и непредвидѣнную смерть нѣкотораго лица, котораго она избѣгала называть по имени. И каждый годъ оказывались пожары, войны осквернияли землю, катаклизмы измѣняли видъ міра, а особы, которыхъ можно было назвать „великими", возвращали космосу матерію, изъ которой они были созданы! Балаганъ ясновидящей былъ предметомъ усерднаго посѣщенія. Близъ него, передъ террасой кофейни, бронзовые люди представляли смерть за отечество, потомъ поднимались и просили подаяніе.

Вниманіе Каллиста и его спутниковъ было привлечено огромной вывѣской:

КАФЕ-КОНЦЕРТЪ.

— Войдемъ туда!... —сказала обезьяна.

Они вошли. Было такъ много народу, что они должны были остановиться у двери. На сценѣ кривлялся человѣкъ во фракѣ. Его бритая глотка мигала, въ то время какъ рукой и ногой онъ вызывалъ восторгъ толпы. Оркестръ — или лучше замѣнявшіе его четыре трубы и барабанъ—кончалъ ритурнель. Бритый кривляка сдѣлалъ движеніе, привлекая имъ вниманіе толпы. Онъ запѣлъ...

Раздалась буря рукоплесканій. Слова: „отмщеніе, армія, иностранцы, перстъ Божій“ звучали еще... Глупый кривляка превозносилъ рѣзню, варварскіе инстинкты, смѣсь крови и святой воды подъ складками знамени, прибитаго къ древку распятія. И внѣ себя отъ радости, думая уже, что льется кровь несчастныхъ, изступленная толпа топала ногами.

. . . .

Каллистъ вывелъ изъ кофейни своихъ спутниковъ.

— Вотъ что, —сказалъ онъ. Я ошибался... Безуміе — работать для идеальнаго общества безъ господъ и боговъ. Ты былъ правъ, Апантесъ, и ты также, Апробазъ, только...

ГЛАВА XIV.

... Только, такъ какъ идеальное общество невозможно, философъ предлагаетъ весьма дѣйствительный *modus vivendi,*[1]) заставляющій громко закричать его спутниковъ.

— Только что?...—спросила обезьяна.

— ... Только, — продолжалъ Каллистъ, — изъ того, что идеальное общество слишкомъ далеко отъ насъ, невозможно даже, совсѣмъ не слѣдуетъ, что современное общество и прежнія общества могутъ быть оправданы.

— Ги-ган! къ чему клонится ваша рѣчь?

— Вотъ къ чему, — сказалъ философъ. Вы меня убѣдили въ безполезности моихъ стараній для идеальнаго общества. Но вѣдь остаются доводы, безвозвратно осуждающіе религію, собственность, условную нравственность и законъ. Философски я не могу допустить никакой политики, никакого правительства, будь оно теократическимъ, самодержавнымъ или представительнымъ.

— Кррр... тогда?

— Тогда нужно идти до конца нашихъ теорій. Дѣйствительно существуетъ только этотъ міръ, я разумѣю въ свойственныхъ намъ условіяхъ суще-

---

[1]) Образъ жизни.

ствованія, и ничто *по ту сторону* не ожидаетъ насъ.

По смерти наши разъединившіеся элементы соединятся снова въ другихъ условіяхъ, въ силу законовъ химическаго сродства, но наша личность перестанетъ существовать. Она исчезнувшій аккордъ разбитой лиры. Она можетъ оставить въ памяти людей преходящее воспоминаніе, окруженное ореоломъ ненависти или любви. Сумерки, разсвѣтъ, сумерки еще... и отпечатокъ ея изгладился. Никакое другое возмездіе не воздастся намъ за наши дѣла, называемыя добрыми,—кромѣ мнѣнія о нихъ оставшихся въ живыхъ. И никакое другое наказаніе не ожидаетъ наши преступленія,—кромѣ осужденія тѣхъ, кто завтра будетъ мертвъ, какъ и мы. Безвѣстное геройство, тайная трусость, исключая страданія или наслажденія творцовъ своихъ, не допускаютъ никакой санкціи. Имманентная справедливость и астрономическія концепціи Птоломея—двѣ системы,—одинаково ложныя. Для насъ, людей, живущихъ человѣческой жизнью, добро и зло въ этой жизни—наслажденіе и страданіе,—и ничего другого.

— Ги-ган! вотъ ужасное ученіе!

— И такъ мало утѣшительное!.. кррр!..

— Зачѣмъ же мнѣ,—продолжалъ Каллистъ,—искать другихъ двигателей для своихъ поступковъ, кромѣ удовлетворенія всѣхъ своихъ желаній, всѣхъ своихъ страстей? Зачѣмъ мнѣ уважать позорную собственность или ложные принципы условной нравственности?

— Ужасъ!—заревѣлъ оселъ,—ужасъ!

— Не перебивай меня. Я не желалъ бы лучшаго, чѣмъ жить въ любви однихъ къ другимъ, и

осуществить Контовскую формулу: „Живя въ человѣчествѣ и человѣчествомъ, нужно жить для человѣчества," но не доказали ли вы мнѣ, что идеальное общество невозможно, и что нужно, чтобы были тираны и рабы, господа и слуги, богатые и бѣдные, угнетатели и угнетенные? Если неравенство—естественное явленіе, которое не исправитъ никакая цивилизація, почему вы хотите, чтобы я терпѣлъ его иначе, чѣмъ по принужденію; почему вы хотите, чтобы я подчинился ему добровольно, съ уваженіемъ, изъ-за принциповъ, доказанныхъ несправедливыми и ложными?

— Кррр... жандармы возьмутся...

— Вотъ именно, Апантесъ, я забочусь о своемъ спокойствіи и я повинуюсь законамъ. Но я хотѣлъ бы освободить философію отъ нашихъ разговоровъ. Вы не хотите анархіи?

— Ги-ган! несчастный! нѣтъ, нѣтъ, никогда!

— Вы не хотите анархическаго (libertaire) общества, гдѣ каждый дѣйствовалъ бы смотря по своимъ желаніямъ, слѣдовательно счастливый, и избѣгалъ бы зла, потому что страданіе, причиненное другому, есть страданіе, причиненное самому себѣ?

— Кррр!.. кррр!.. невозможно.

— Хорошо. Тогда я вывожу заключенія, которыя сами навязываются. Въ современномъ обществѣ, и не въ такихъ, какъ анархическое (libertaire), обществахъ, воровство и убійство есть и будутъ законными, также какъ и всѣ другія мерзости...

— Ги-ган! вы послѣдній изъ несчастныхъ.

— Кррр... Господинъ философъ,—твердо объявилъ Апантесъ,—я васъ считалъ до сихъ поръ за человѣка глубоко честнаго, хотя и увлечен-

наго опасными мечтами. Беру у васъ назадъ свое уваженіе и свою дружбу.

Оселъ потрясъ своими длинными ушами.

— Ги-ган!.. Я плюю вамъ въ лицо свое презрѣніе.

— Хорошо!—сказалъ философъ. Но ваше осужденіе не сдѣлаетъ того, чтобы соціальная несправедливость перестала быть несправедливостью; оно не оправдаетъ ни собственность, ни власть; оно не сорветъ съ религіи ея рясу обмана. Я ждалъ было въ будущемъ любви и справедливости отъ разрушенія всѣхъ этихъ позорныхъ крѣпостей. Вы вырвали у меня мою надежду. Страдайте же отъ того, что я имѣю откровенность очень громко кричать вамъ, что добродѣтель въ настоящихъ условіяхъ,—обманъ, что уваженіе соціальныхъ привилегій—другой, и что одна только боязнь жандарма должна удерживать насъ отъ совершенія всѣхъ преступленій.

Обезумѣвшіе оселъ и обезьяна убѣжали. Они взбирались по крутымъ и извилистымъ улицамъ, ведущимъ къ храму Святой-Внутренности, и остановились перевести духъ на небольшомъ холмикѣ, господствовавшемъ надъ городомъ. Здѣсь Каллистъ присоединился къ нимъ и захотѣлъ отдохнуть съ ними. Нѣкоторое время они не говорили ни слова.

Оселъ первый прервалъ молчаніе.

— Ги-ган! Нужно бы запирать въ тюрьмы авторовъ столь ужасныхъ богохульствъ. Въ какомъ вѣкѣ мы живемъ, если могутъ распространяться подобныя теоріи съ опасностью серьезно компрометировать общественный строй!

— Тройной оселъ!—вскричалъ философъ,—что за дѣло до слѣдствій, лишь бы истина и искрен-

ность были цѣлы. Пропадай лучше цивилизація, чѣмъ продолжать свое существованіе благодаря лицемѣрію и лжи. Общественный строй и его принципы—куча труповъ, которую нужно указать новымъ душамъ. И вы не помѣшаете мнѣ кричать до послѣдняго моего издыханія: „Рабъ, бунтуй. Бери свое наслажденіе, гдѣ ты его найдешь. Не уважай ничего у другого, ни его добро, ни его жизнь. Только для того, чтобы удержать тебя въ рабствѣ, тебѣ внушили лживыя правила нравственности...“

— Увы!—перебила обезьяна,—вы высказываете здѣсь теоріи тюрьмы. Всѣ бродяги, всѣ преступники исполняютъ вашъ *аморализмъ*... Кррр...

— Я пойду искать этихъ людей,—сказалъ Каллистъ,—тамъ, гдѣ вербуются фанатики честности, тѣ феномены, которые несутъ полицейскому чиновнику найденные на улицѣ кредитные билеты. Я буду развращать толпу во имя Истины!

— Ги-ган! славное дѣло!—сказалъ Апробазъ. Вы вызовете размноженіе жандармовъ.

— Кррр...—сказала обезьяна,—увеличатъ число тюремъ, судовъ, судей.

— До того дня,—продолжалъ философъ,—когда для каждаго человѣка нужно будетъ по жандарму. И въ этотъ день человѣкъ и жандармъ посмотрятъ другъ на друга, какъ два авгура. Тогда жандармъ догадается, что онъ тоже олухъ. И революція совершится.

— Въ крови! пробормоталъ Апантесъ.

— Это только жидкость...

Но философъ долженъ былъ остановиться. Оселъ вдругъ сталъ передъ нимъ съ сверкающими глазами, съ оскаленными зубами, съ намѣреніемъ ку-

саться. А обезьяна, обыкновенно довольно смирная и кроткая, вдругъ стала возбужденной и гнѣвной, сжимала кулаки и била себя въ грудь.

— Что такое? — удивился Каллистъ. Слишкомъ много электричества въ воздухѣ, что ли? Дурно чувствуется?..

— А вотъ что, — завизжала обезьяна, — мы могли бы въ свою очередь воспользоваться вашимъ ученымъ наставленіемъ и мстить на васъ за наши принципы. Такъ какъ нѣтъ ничего, что слѣдуетъ почитать въ этомъ мірѣ, и нѣтъ ничего, чего слѣдуетъ бояться по ту сторону могилы, мы требуемъ прежде всего свободы...

— Вы—свободны.

— Мы больше ничего не требуемъ, — сказалъ оселъ, — немного устрашенный теперь при мысли чувствовать себя свободнымъ. Уйдемъ, Ки-ки, уйдемъ.

— Подожди... Кррр... Есть тайна въ васъ, Каллистъ. Прежде чѣмъ уйти, я желалъ бы знать, кто вы, какой нечистый человѣкъ скрывается подъ этимъ плащемъ философа? Кто вы? Высшій чиновникъ полиціи или разочарованный пасторъ? Простой бродяга или бывшій министръ? Офицеръ, судья или политикъ? Пролетарій или маркизъ?

— Я — частица всѣхъ тѣхъ, кого ты называешь, другъ обезьяна. Я — арлекинъ ихъ злобы, ихъ отвращенія и ихъ ненависти. Но на мусорѣ разрушенныхъ зданій распускается иногда дикій цвѣтокъ будущаго. Мое имя — Каллистъ...

ГЛАВА XV.

Небольшое приключеніе примиряетъ всѣхъ.

Оселъ, обезьяна и философъ остановились вдругъ, пораженные. Сильный шумъ доносился изъ земли, сначала глухой и невнятный, теперь подобный взрыву. И небо потемнѣло вдругъ, какъ будто бы прахъ всѣхъ мертвецовъ собирался надъ Архаполисомъ, городомъ свѣта и знанія. Потомъ крики ужаса человѣческихъ массъ смѣшались съ странной болью земли. Почва на мгновеніе заколебалась подъ ногами трехъ пилигримовъ, точно какая то подземная волна съ силой разбилась о скалы. И позади Каллиста обрушилась часть стѣны. Оселъ испустилъ крикъ ужаса. Куда бѣжать? куда бѣжать? Бездна кругомъ ихъ разверзалась, зіяя...

Треснувъ, расщелившись со всѣхъ сторонъ, гора выпускала сѣрнистые пары и огненную матерію. Больная земля содрогалась въ конвульсіяхъ агоніи и черное небо душило ее своимъ трауромъ,

Каллистъ оставался еще на ногахъ. Но длинный языкъ пламени сталъ извиваться надъ ихъ

головами, горящій пепелъ забилъ изъ разсѣлинъ горы, и оселъ, обезьяна и философъ легли, чтобъ умереть.

Въ этотъ величественный и ужасный часъ широко раскрытые глаза этихъ трехъ существъ отсвѣчивали послѣдній спектакль міра, сходящаго къ небытію. Вотъ дождь вспламененныхъ шлаковъ повалился на свѣтлый городъ. Вотъ смертоносная земля разверзла свои горящія нѣдра, брала назадъ всѣхъ своихъ сыновей, точно жалѣя, что родила ихъ когда-то въ великомъ порывѣ любви. Изчезли колокольни, куполы и колоннады; вотъ обрушились потолки надъ всей славой и геніемъ людей! И дѣти и женщины, старики и юноши, задыхаясь въ агоніи, возвращали землѣ свою дѣвственность и свою слабость, свою возмужалость и свою силу. Немощные или бодрые падали они въ раскаленный тигель планеты, работающей для созданія будущихъ жизней.

Оселъ жался къ обезьянѣ и человѣку. Всѣ трое тѣсно обнялись, готовые представить разрушительной силѣ плотный пучокъ своихъ желаній жить. Недавняя ненависть превратилась въ нѣжныя объятья. Теперь они старались любить другъ друга, чтобы забыть страхъ...

Одинъ только храмъ Святой-Внутренности держался еще. Но символическій крестъ Назарянина и торжественный куполъ исчезли съ перваго толчка землетрясенія. Что за дѣло Космосу до эмблемы христіанства! Что ему философіи, религіи, наука! Что ему растенія, животныя, геній и любовь! Все стиралось и уничтожалось для того, чтобы проявился физическій законъ о сжимаемости газовъ!

Между тѣмъ сильный толчекъ раскололь Святую-Внутренность сверху до низу, придѣлы ея попадали, какъ карточные домики.

Оселъ вздохнулъ, угадывая, что его богъ умиралъ вмѣстѣ съ другими произведеніями человѣческаго разума. Онъ закрылъ глаза, и во мракѣ ихъ промелькнули картины былого. Его мать, ослица, нѣжно ласкала его, нѣжно облизывала его сѣрую шерсть. Потомъ загородка зоологическаго сада напомнила ему блаженныя времена, легкій овесъ, жесткій чертополохъ, пріятную свѣжесть земли послѣ грозы. Какое же ребяческое желаніе оторвало его отъ спокойнаго автоматизма жизни? Гулять, изслѣдывать, узнать въ обществѣ этого шаловливаго шимпанзе и этого дикаго нигилиста! Ги-ган! Насмѣшка! Его вѣра была поколеблена.

Оселъ заплакалъ. Умереть тамъ, около дорогой хижины... дорогая хижина уже сгорѣла. Апробазъ открылъ глаза. Отъ прежняго великолѣпія ничего уже не существовало. Археполисъ умиралъ подъ саваномъ сѣраго пепла...

Обезьяна, въ свою очередь, мучилась отъ тоски. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не могло отвратить судьбы. Сейчасъ, послѣдній толчекъ земли могъ бы поглотить этихъ трехъ существъ, укрывшихся здѣсь, какъ потерпѣвшіе кораблекрушеніе мореплаватели на обломкахъ корабля. Апантесъ прижался къ груди человѣка. Умереть ничего не значило, но страдать! Отчаяніе исторгало у него крики: „Спаси меня, Каллистъ, спаси меня!“ И оселъ былъ тоже объятъ безумнымъ страхомъ. „Спаси насъ,—ревѣлъ онъ,—спаси насъ, Каллистъ!“

Воздухъ становился невозможнымъ для дыханія. Вдругъ раздался сильный шумъ, и Каллистъ

съ одного взгляда понялъ, что пробилъ часъ перемѣнить нарядъ... Глубочайшія пропасти разверзались вокругъ маленькаго холмика, Святая-Внутренность и ея холмъ исчезли, земля, какъ будто, опускалась, отдаленный раскатъ гремѣлъ подобно приближенію моря по песчаному берегу.

— Васъ спасти!..—простоналъ Каллистъ. Я не могу. Какъ и вы, я ничто иное, какъ частица энергіи, затерянная въ безконечности противныхъ силъ. Мы войдемъ сейчасъ въ потокъ вещей. Посмотрите, вотъ приближается море. Оно поднимается, оно поднимается... Надъ всѣми развалинами, надъ всѣмъ пепломъ Археполиса оно разстелитъ свой покровъ, какъ мать, чтобы скрыть, въ теченіе вѣковъ, таинственные клады для будущаго. И великое молчаніе пустыни будетъ тамъ, гдѣ нѣкогда раздавались удары тяжелаго молота, ковавшаго сталь; тамъ, гдѣ люди обмѣнивались мятежными и напрасными криками раздора и ненависти. Море успокоитъ старыя, плохо сдерживаемыя страсти, оно перемѣшаетъ весь тлѣнъ для радости близкихъ ему обитателей своихъ волнъ...

. . . .

. . . .

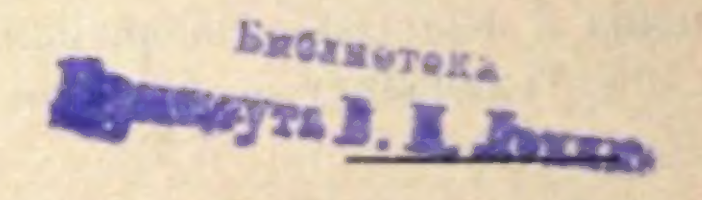
Соединенные въ одномъ объятіи, примирившіеся, наконецъ, съ разрушеніемъ своего бытія, оселъ, обезьяна и философъ смотрѣли, какъ надвигался на нихъ громадный валъ нахлынувшей волны. Казалось, небо изъ пѣны обрушилось на нихъ съ ужаснымъ ревомъ. Маленькій холмикъ опустился и исчезъ... Теперь больше ничего не существовало изъ того, что было гордостью міра: Археполисомъ. Море разлилось, заполнило гори-

зонтъ и терялось въ таинственныхъ областяхъ. Весь мятежъ земли прекратился: огонь, и изверженіе пепла, и гулъ вулкановъ. Покой волнъ охватилъ небо, оно прояснилось. И среди безмятежнаго и тихаго полусна лунный серпъ бросалъ свой блѣдный отблескъ на утихшее море.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Главы. Стр.

Типографія „Освобожденіе“, Спб., 6-я Рождественская, 22.